

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 20

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-79483-098-1

УДК: 1751

Budapest 2020

Итоги конкурса

1 место: Светлана Назарова

Дополнительная информация от первого лица:

Я очень люблю книги. Получаю наслаждение даже их запаха. В нашей семье было принято много читать.

Беседы с людьми приводили меня к желанию преобразовывать услышанное в рассказы. Необъяснимым волнение наполнялась моя душа. Особенно трогали меня воспоминания родителей, на долю которых выпало столько переживаний... Жизнь их была наполнена невероятными событиями. И я понимала, что только любовь к людям, желание помочь им, смогли удержать их на высоте. Они не только не растеряли моральные принципы, полученные ими от своих родителей, от жизни, но преумножили их, даря эти ценности детям, ибо оба были педагогами. Они любили природу, животных. И любовь эту я переняла от них. Благодарю за все Бога и родителей.

2 место: Наталия Тимофеева

творческий псевдоним: Наталия Лямина

Дополнительная информация от первого лица:

Родилась в 1959 году. В Костромской области. В данный момент проживаю в Новосибирской области в Бердске. Окончила Ачинский техникум Советской торговли по специальности технология приготовления пищи. В настоящее время пенсионерка. Писать начала после того, как серьезно заболела. Заниматься писательским творчеством мне понравилось. Люблю помечтать, пофантазировать. Всем читателям желаю мира, добра и много счастливых моментов в жизни!

А авторам этого сборника дальнейших творческих успехов.

3 место: Николай Остренко

Дополнительная информация от первого лица:

г. Киев, (член авторского коллектива Nicolas Madeyra), автор оригинальных художественных произведений жанров альтернативной истории, антиутопии, социальной фантастики, стимпанка, триллера, драмы, фэнтези. На данный момент завершено авторство над серией «Хроники Темновековья», состоящих из 3-х арок (по две части на каждую) с названиями: «N. Madeyra», «Виниту», «Виллем Шоу».

Страницы в социальных сетях и авторских:

<https://author.today/u/nicolasmadeyra>

<https://ficbook.net/home/myfics>

<https://www.facebook.com/nicolas.madeyra.96>

Содержание

Светлана Назарова.....	6
Наталия Лямина.....	27
Николай Остренко.....	32
Ален Элаэль.....	36
Вадим Бакиев.....	56
Виктор Астанин.....	67
Наталия Еремина.....	94
Елена Медкова.....	99
Лада Рындина.....	115
Андрей Пучков.....	128
Вадим Захаров.....	136
Бойся тут!.....	169
Контактная информация авторов.....	171

Светлана Назарова

Наш любимый Джерик

Эрдельтерьер

Гуляя по Питеру, я восхищенно вглядывалась в веселых, красивых собак, которые меняли свою внешность-экстерьер посезонно. Зимой и летом были они с длинными кудряшками, с бородкой. И казались они такими пушистыми, что хотелось запустить в них свою пятерню. А осенью и весной им делали тримминг (выщипывали и стригли), и выглядели они такими высокомерными, строгими, элегантными, словно денди. Я стала интересоваться этими собаками, и вконец увлеклась мечтой о своем эрдельтерьере (именно об этой породе я и пишу, мой дорогой читатель).

Мой муж где-то прочел объявление, и мы отправились за щенком с большой спортивной сумкой. Квартира, в которой продавали щенков, была полна детей. Здесь, по-видимому, кроме своих, присутствовали и соседи. Щенки бродили по всем комнатам неустойчивой походкой, оставляя за собой неперенные лужицы, попискивали, падали, вновь вставали на лапки, и, найдя маму, засыпали. Дети же ползали за ними на коленках с тряпочками, убирали, целовали и ласкали их. Хозяйка предложила сделать нам выбор. Но щенки все были столь милы, столь непосредственны, что предпочтение одного из них было просто невозможно. И тут я обратила внимание на щенка, который, пошатываясь и мотая головой, как взрослый, и при этом, падая на попку, побрел к входным дверям, и сел, как-то неловко привалившись на один бочок. Глазки говорили об усталости, головка клонилась к полу, то есть осталось несколько секунд до сна. Я, улыбаясь, смотрела на него, лаская руками других, подносимых мне щенков. Он посмотрел на меня с укоризной, и я ответила на его взгляд. «Он уже ждет нас, сам направился к выходу, мы забираем его», сказала я. Хозяйка собаки – матери щенков расстроилась: «Я так его любила. Он первый был в помете. Но должна вам признаться, есть, видимо, в нашей породе брак, потому что у этого щенка белое пятнышко на груди». «Мы не собираемся водить собаку на выставку», успокоила я ее. «Родители щенка медиалисты. Папа лучший пес на северо-западе Европы», продолжала хозяйка. «Мы берем своего».

Щенка уложили на полотенце в сумке, где он, потянувшись, и забавно зевнув, уснул. Он проспал всю долгую дорогу до дома. А дома была уже готова для него импровизированная первая постелька: коробка из -под обуви с шерстяной подстилкой. Щенок деловито обнюхал нашу прихожую, сделал несколько лужиц, очень интеллигентно покушал с блюдца, и, подталкиваемый мною забрался в коробку, где заснул совсем уж крепким спокойным сном, так, что не слышал ни входящих в дом, ни выходящих из него. Этим летом у нас жил

племянник Алексей, он поступал в институт. Он пришел со своим товарищем на обед и, удивленно уставившись на щенка, который мирно посапывал, произнес: «А это кто?» «А это сторож», ответила я.

Кличка

Наша дочь в то время была подростком, и очень увлекалась рассказами английского натуралиста, защитника животных, путешественника, писателя Джеральда Даррелла. Она читала с упоением, склонившись над очередным томиком, затем, смеясь, бежала ко мне, и читала вслух самые увлекательные, смешные отрывки, тем самым заставив прочитать Даррелла и меня. Книги Даррелла познавательны. В этом объемном человеке жил тонкий английский юмор, который причудливым образом ложился в строки, заставляя нас удивляться и хохотать.

Когда в нашем доме появился щенок, было лето, и дочка, как бывало обычно, гостила в деревне у моих родителей. Она не видела самых первых шагов щенка по дому, не улыбалась его слабой пародии на сторожевого пса, не видела, как он засыпал, как младенец в наших ладонях... К концу лета он уже и сам стал подростком. Но должна вам признаться, что проблем с кличкой для нашего щенка у нас не возникло. Мы назвали его Джериком. Его полное имя было Джеральд Томбикайф.

Растем

Мы с мужем купили учебник, по которому учились правильно кормить и воспитывать щенка. Должна вам сказать, что это очень кропотливое и ответственное дело. Во первых, несколько месяцев щенки приучаются к туалету, и за ними надо убирать, а по мере роста, растут и лужицы. Совсем еще маленьких их надо выгуливать на руках. Тут уж восхищению прохожих не было предела! Ни один человек не прошел мимо, не улыбнувшись. И погладить желающих было немало! Мы жили тогда в старом Питерском доме 1785 года постройки, на углу Кутузовской набережной. Лифта у нас не было, и нам приходилось по лестнице носить его на руках, до тех пор, пока не окрепла костная система щенка. Для сохранения правильной осанки, Джерику купили скамеечку-стол, который позже нарастили.

Питался он исключительно свежей пищей, согласно рекомендациям ветеринаров. Я покупала молоко и делала творожок, как когда-то делала маленькой дочке. Джерик ел свежее мясо, овощи, все, как положено. Вырастить щенка, довольно дорогое удовольствие, но увлекательное и приятное. Видимо, оправдывая породу, наш Джерик никогда не ел лишнего, инстинктивно, соблюдая свой красивый внешний вид-экстерьер. Был он всегда поджар, весел, суетлив, красив необыкновенно. Его все любили. Мы не смогли избежать ошибок в воспитании собаки, угощали его у нашего стола. Лакомства он получал от всех, несмотря на понимание проблемы, а гостей в нашем доме

всегда было много. И тогда Джерик терял самообладание и лакочился до тех пор, пока не появлялась срочная нужда в чистке, то есть он бежал к входным дверям и у него была рвота. Он освобождал желудок и снова готов был к излеществам. К счастью такое с ним бывало крайне редко, но был грех, был.

По мере роста стали проявляться у него сторожевые качества. Он лаял на звонок, на чужих, входящих в наш дом. На прогулке не разрешал прохожим ласкать его, вызывая смех на визгливый его голосок. Но этот смех был до поры, до времени, пока он не вырос, и голос его не стал грозным.

Хвостик у него купировали – укоротили после рождения, чтобы соответствовал он экстерьеру. Ушки надо было приклеивать ко лбу определенным образом, чтобы стояли они у него, взрослого, домиком. Муж возил его к кинологам, где и приклеили ушки и тщательно перевязали, забинтовали голову. Обратная дорога для песика была утомительной, и выглядел он несчастным от этих бинтов. Он чувствовал себя униженным. И окружающие жалели его, предполагая, что он болен, говорили успокоительные слова, от которых он еще более печалился. И только дома воспрянул он духом, поняв, что ничего страшного с ним не произошло. Он слушал, как муж рассказывал о поездке, удивился нашему смеху, и забегал довольный тем, что дома все хорошо. Для него самое главное в жизни было то, чтобы был здоров и весел его обожаемый хозяин, ну и мы с дочкой для, полноты счастья. Атмосфера в доме очень воспринималась псом. Он был спокоен сам, если спокойны и счастливы были мы.

Встреча

Вика, наша девочка приехала в конце лета, не зная о сюрпризе. Она, увидев Джерика, тихо и восхищенно сказала: «Я почему-то знала, что у нас будет собачка!» Джерик смотрел на нее долгим взглядом, и воспринял ее сначала, как сверстника-подростка, с которым будет очень весело, но обнюхав ее, понял, что это его маленькая хозяйка, и радостно, с уважением завил хвостиком, а затем, позабыв все правила приличия, беспардонно облизал ее лицо.

Частьенько бегали они по длинному коридору старого дома друг за другом, весело и беззаботно. Вика смеялась, Джерик лаял. Иногда Джерик никак не мог унять свою экспансию и заставлял Вика вскакивать на тахту, прижиматься к стенке. А Джерик хватался зубами за подол халата и тащил обратно, словно вовлекая вновь в игру. Тогда приходилось уже вмешиваться нам, успокаивать песика.

Уроки

Наши первые уроки в обучении пса проходили дома. По книжке мы научили его простым командам: «Фу! Стоять! Ко мне! Фас! Ищи!» Наши частые гости мужского пола страдали от Джерика, потому что ему очень нравилось трепать брючины со всей страстью. И тогда он впервые познал, что такое «фу» не только словом, но и физически: мы по советам кинологов, слегка подкрепляли словесный приказ пощипыванием его попки. С тех пор команда «фу» стала для него непререкаемой. Джерик признал моего мужа лидером и беспрекословно подчинялся только ему. А нам приходилось повторяться для достижения цели. Команда «ищи» вырабатывалась у нас тоже дома. Я часто покупала на обед курицу, а в ней есть шейные позвонки, безопасные для щенка (остальные острые косточки могут поранить кишечник собачки). Я прятала несколько косточек в комнате. Вика держала песика в коридоре, затем, дав понюхать ему косточку, приказывала ему «ищи». Джерик, как оглашенный, мчался в комнату, очень деловито, но суматошно обнюхивал пространство, находил эти косточки, с хрустом их съедал. Однажды, я предложила спрятаться Вике, а сама ждала с собакой в нашем, так часто вспоминаемом коридоре, в котором столько происходило событий. Затем открыла дверь в комнату и скомандовала Джерику: «Ищи Вику»! Джерик, как всегда со всей готовностью, галопом промчался мимо Вики, которая стояла прямо у дверей, прижавшись к стенке. Джерик, не оглядываясь, подбежал к дивану, заглянул за диван с одной стороны, уверенный в себе, обежал диван с другой стороны, с изумлением, ничего за диваном не увидел, вскочил на диван, уже без малейшей надежды, и с изумлением рассматривал пространство между диваном и стеной сверху, несмотря на то, что расстояние это было 5-10 сантиметров, не больше. Наконец мы с Викторией не выдержали и расхохотались. Он крайне удивился тому, где стояла Вика, а когда она, смеясь, покинула свою «норку», деловито обнюхал это место, а затем для убедительности обнюхал и ее, обескураженный поник головой.

В определенном возрасте собак водят в школу. Сначала там их учат послушанию, а затем готовят к серьезной службе. На собачьей площадке много собак, довольно больших. Все они агрессивны, лают друг на друга. Но, слава Богу, все они в намордниках. Я побывала на этой площадке только один раз, и больше меня туда никаким калачом заманить не смогли. Я так боялась за своего Джерика, что готова была встать на его защиту сама. А этого делать ни в коем случае нельзя. Они сами должны уметь за себя постоять. В школу Джерик ходил с моим мужем и дочкой. Конечно, он закрепил там все команды, над которыми мы работали дома, усвоил новые. Он понимал, чего от него хотят, слушался, а это очень удобно в жизни. На следующий этап обучения мы его не повели, посчитали это излишним, потому что он был прекрасный сторож, охранник, видимо генетически. Так что образование Джерика осталось незаконченным. За Джерику после школы закрепился безусловный рефлекс:

как только на него надевали намордник, как это делали в школе, он становился «шелковым»: послушание полное, и проявление полной зависимости от хозяев. Не собака должна быть вожаком «стаи», а хозяин. Собака всего лишь собака, она должна знать свое место. Непослушные собаки, озлобленные - опасны для человека, особенно большие.

Тримминг

В первый раз на эту процедуру мой муж возил собаку к кинологам. Домой вернулись они поздно. У Джерика была совершенно лысая спина и лоб, кокетливо торчала бородка, на животе оставили шерсть, и лапки были пушистыми. Красавец! У него была правильная, грациозная осанка. Он очень красиво вставал при команде «стойка». И бег был у него, как у породистого скакуна: изысканный. Собаки бегают как бы слегка бочкам, но очень красиво.

Мы любовались Джериком, ласкали его, протерли влажной тряпочкой, но он был настолько уставшим, что равнодушно воспринял наши ухаживания, поел и лег спать. Утром я повела его на прогулку. Время было осеннее, было довольно прохладно. Я беспокоилась: не холодно ли ему... Однако Джерик был очень активен, весел, доволен прогулкой. Навстречу нам шла женщина со своей собакой. Наш Джерик дружелюбно, виляя хвостом, побежал к собаке, мечтая с ней познакомиться, но вспомнив вдруг про свою внешность (видимо, счел себя общипанным, некрасивым), он с тоской обернулся, посмотрел на свой голенький хвост, и понуро свесив голову, направился домой. С тех пор после стрижки мы всегда хвалили пса, говорили ему: «Джерик хороший, красивый, молодец!» И он, понимая и принимая поощрения, больше уже никогда не стыдился себя, стриженного. Второй раз кинологи приехали к нам домой. На стол расстелили покрывало, крепко-накрепко привязали его, и взгромоздили Джерика. Его 4 часа выщипывали, чесали и стригли. Он стоял покорный, но очень удрученный.

Я научилась этому мудреному ремеслу, купила все инструменты, и сама делала тримминг. Но делала это я уже в течении 8 часов. Я давала ему, конечно, время на отдых. Кормила, выводила погулять недалеко, во двор, чтобы не видели его чужие, наполовину остриженного. Смею признаться, что это очень трудная работа. Выщипывается шерсть (поверхностный покров) со спины, с головы, с хвоста специальной расческой. Оставлялся только нежный подшерсток. Я сама очень уставала. Если же к нам, совсем некстати, являлись гости, то Джерик, (как всегда на звонок в дверь), соскакивал со стола, мчался с лаем по коридору к входным дверям, и удивлялся людям, которые смеялись над ним, полуобщипанным. Представьте себе одно ухо уже голенькое, а другое лохматое, как репейник... Но он всегда был несказанно рад гостю, расслаблялся, тихо засыпал на ковре. Но не тут -то было. Я его будила, поднимала на стол, и работа продолжалась. Под конец он так уставал, что я, жалея его, отпускала на пол, а сама лоб и ушки обрабатывала, ползая по ковру

на коленках. Я наклонялась над ним, то справа, то слева, переворачивала на другой бочок, и заканчивала работу уже совсем без сил. Со временем, и я делала тримминг за 4 часа. Эрдельтерьеров необходимо обрабатывать, как положено, иначе у них развиваются кожные заболевания, от которых они очень страдают, потому что они жесткошерстные собаки, у них не происходит линька, естественное отторжение старой шерсти.

После тримминга гости всегда восхищались Джериком: «Голенький. Красивый. Ух, ты, оказывается какой стройный! Ну, наконец, ты стал «похож на человека»! Тебя бы на выставку!»

Любимая хозяйка

Джерик любил меня, может чуть меньше, чем хозяина, но любил и скучал. Я в то время работала в родильном доме. Работала сутками, то есть по 24 часа, а 3 дня затем отдыхала.

Он скучал по мне, и когда я приходила домой, восторгу его не было предела. Он лаял, передними лапами бросался на грудь, частенько роняя меня. (Я со временем приучила его к руке, которую выставляла в сторону.) В конце концов, я изменила тактику: предусмотрительно, быстро садилась на скамеечку у входных дверей. Он облизывал меня исступленно, суматошно, я гладила его, и он замолкал. Со временем приучился класть голову мне на колени, и получал наслаждение. Глаза его закрывались, он издавал какой-то вздыхающе-стонущий звук.

Затем, приготовив обед, убравшись в квартире, я легла отдыхать на тахту. Джерик ходил за мной по квартире до этого момента, но как только я леглась, укладывался у моих ног.

И снова в школу

Немного отдохнув, мы направлялись с ним в школу за Викой. Для меня это была такая тренировка, что по возвращении у меня тряслись руки и ноги. Джерик не просто бежал к школе, к Вике, он шел, как на таран. Мне приходилось постоянно осаждать его. После моего приказа он несколько секунд шел рядом, но затем вновь рвался вперед, как в бой, рвался так, ошейник стягивал его шею до хрипоты. Причем, такое с ним было только по дороге в школу.

Ну вот, наконец, и школа, а была она довольно далеко от дома: два квартала, от Летнего сада, до проспекта Чернышевского. У школы он по приказу садился, но перебирал передними лапами по окружности, обнюхивая каждого ребенка. Я уже говорила, что в наморднике был он смиренным, иначе всех проходящих детей и их родителей пришлось бы облизать. И вот появлялась Вика с улыбочкой на лице. Джерик вскакивал, лаял радостно, отчаянно прижимаясь к ней мордочкой. Мы нашли способ мгновенного усмирения. Намордник снимался, ему в зубы подавалась сумка со сменной обувью, и он,

думая, что ему доверили важный груз, нес сумку до дома с деловым видом, иногда роняя ее, правда, на тротуар. Дорога домой была спокойней и длинней, мы прогуливались по набережной вдоль Невы.

По возвращении домой, он пристегивался к дверной ручке и ждал. Мы набирали воду, мыли его лапы, вытирали насухо. Частенько приходилось вытирать всего песика, настолько он был грязен после прогулки по городу.

Купание

Купают собак нечасто, во избежание развития кожных заболеваний. Каждое купание Джерика было для нас экстремальным. У нас тогда еще не было ванны, но было огромное старинное, круглое корыто, куда заносили Джерика, потому что сам он добровольно не вставал никогда. Мы намыливали его специальным шампунем, затем обливали его водой. Когда его уже вытирали насухо, напряжение подопечного росло и, наконец, освобожденный, но все еще мокрый, он начинал носиться по всему длинному коридору, превращая его в ручеек. Двери в комнаты были предусмотрительно заперты. И вот открывалась дверь в гостиную, куда влетал основательно высохший пес. И тут начинались гонки по треку! По какому треку, удивлены вы? По нашему, домашнему... В гостиной стоял диван с высокой спинкой, а перед ним журнальный столик. Джерик развивал такую скорость, бегая вокруг столика, что взлетал на диван, сразу на его спинку всеми лапами, отталкивался, снова вокруг столика, и вновь короткое приземление всеми лапами о спинку дивана, и снова на пол вокруг столика. Скорость была ошеломительной. Однажды у нас в гостях была родственница Нина, и она так беспокоилась за хрустальную вазу, которая стояла на столике, так переживала, и несколько раз пыталась успеть схватить ее, но не успевала, Джерик наворачивал все новые и новые круги. Как мы все хохотали при этом, можете себе представить!

Музыка

Джерик любил музыку. Он был очень чувствительным. И мы, заметив пристрастие в высокому, баловали его. У Вики была анвиола – музыкальный инструмент. Это духовой инструмент с клавишами. И как только Вика начинала играть на нем, Джерик вскакивал, садился, вытянув голову, и пел. Он вначале откашливался слегка, потом так завывал, так тянул ноту, что слышно было на весь двор, и все соседи хохотали: «Уроки музыки!» И в будущем, заметив, что в руки бралась анвиола, он садился, готовился к «уроку». Иногда он завывал, не дождавшись звуков инструмента. Если же был он в глубоком сне, то издавал глухие звуки, лежа, чуть вытянув голову. Пел он только под анвиолу, а музыку по радио и телевизору слушал молча.

Любимый ковер

Джерику любил поваляться на ковре. Ковер имел цвета: темно-коричневый, светло-коричневый, белый, такие же, как у песика. Он, растянувшись во весь рост, вытянув свои элегантные, длинные лапки, выглядел на ковре эксцентрично. Но ковер был не только любимым местом отдыха для него. Он любил еще и лакомиться на нем, когда мы не успевали его перехватить. Если Джерику на кухне выпадал ломтик хлеба, кусочек колбаски, булочка, и такая любимая косточка, он брал вожаденное лакомство в зубы и рысцой бежал в гостиную на ковер. Иногда лакомства было столь малы, что разваливались у него в коридоре. Он с сожалением смотрел на кусочки, и, вздохнув, съедал их в коридоре. Но, если кусочек хлеба доносился до ковра, он ложился на живот, и, получая при еде наслаждение, маленькими кусочками сначала объедал хлебушек кругом, съедал вкусную корочку, ну а уж потом, одним махом, съедал серединку. Однажды моя знакомая подарила для Джерики «сахарную кость», которую Вика назвала «суперкостью». Была она огромная, тяжелая, но для песика столь же вожаденна, как и любая другая. Мы пытались уговорить его заняться костью в коридоре, он все ждал, когда мы его оставим в покое, не ел ее. Затем попытался все же заняться ею. Но она скользила, уворачивалась от него. Он снова и снова мечтал донести ее до ковра. Но кость падала, он не мог ее удерживать долго в зубах. Он встал в боевую стойку и, наклонившись к ней, лаял на нее, отчаянно... Я пожалела собаку, отнесла эту махину на ковер. Сколько было у него мучений с этой костью еще и на ковре! И сколько было после этого уборки!

Был еще один эпизод. Я предложила песику две косточки. Он радостно схватил одну косточку, попытался прихватить и вторую, но обе выпали у него из пасти. Он озадачился, несколько минут смотрел на вожаденное угощение, думал, затем решительно и стремительно схватил одну косточку, галопом пробежал через коридор в комнату, бросил косточку на ковер, пулей прибежал обратно, подобрал вторую косточку, и также, стремглав, на ковер. Там, убедившись, что все что есть, принадлежит только ему, долго и счастливо грыз лакомство.

Пирожки

Я часто пекла пирожки, и они завораживали его с самого начала, с момента замешивания теста. Тесто я всегда замешиваю руками, заложив в большую кастрюлю необходимые ингредиенты. А Джерик стоял рядом и ловил языком приятный для него запах. Я разрешала ему облизать руку, и только. Дрожжевое тесто нельзя давать собакам. Когда были готовы пирожки, пища тоже очень нежелательная для собак, он так умоляюще глядел на нас, так просил всем своим видом, что я сдавалась и угощала его маленькими кусочками. Однажды я поспешила и отломил кусочек, не дождавшись пока он остынет. Пес почуял, пирожок горячий. Он ждал, перебирая лапами, вздыхая. Я

по глупости решила остудить пирожок на подоконнике, протянула руку к нему, а Джерик, решив, видимо, что его обворовывают, быстро его съел. Пришлось бежать на кухню, принести холодной сметанки, чтобы снять боль с языка. Но пес не понял, видимо пирожок уже не был горячим... Джерик был добрый песик. Он позволял прикасаться к его миске, когда он ел, если я, забыв положить в пищу необходимые витамины, добавляла их. Но иные собаки, как только человеческая рука протянется к миске, могут укусить, и даже очень больно.

Новогодние угощения

К Новому году мы обычно с дочкой пекли восточные сладости. Они необыкновенно вкусны и красивы. А названия у них какие: пахлава, шакер чурек, бадам пури т.д. Остывшие лакомства мы с Викой раскладывали в красивые вазочки. Затем Вика носила их в гостиную. Я в суматохе не спросила, где она их раскладывает, а она по детской наивности решила вопрос просто. И вдруг я вспомнила, о том, что однажды в какой-то праздник, песик решил снять пробу с салата. Готовые салаты стояли в вазах на подоконнике, в холодильнике. Пробу он снял, но только пробу. Шум от разбитой салатницы возмутил спокойствие и лишил пса возможности наслаждаться едой. Он сокрушенно лаял над разбитым блюдом, над рассыпавшимся салатом.

Так вот вспомнив об этом, я помчалась по нашему коридору в гостиную, Вика за мной. Вазочки стройным рядом стояли на трюмо, рядом в кресле лежал Джерик, уткнувшись носом в ближайшую вазу, и вдыхал ароматы восточных сладостей, прикрыв глаза...

Сон

Когда Джерик вырос из своей обувной коробки, ему стелили одеяло у дверей спальни, в коридоре. Он сам выбрал это место для ночного сна. Он, вероятно, скучал без нас у входных дверей, а, может, решил про себя, что сторожить хозяев эффективнее у спальни, чем у самого входа. После ужина и вечерней прогулки, песик, как самый послушный ребенок ложился спать. Если мы, увлекшись просмотром телевизора, или чтением, забывали постелить ему одеяло, он делал это сам. Зубами тащил он его на место, но расстелить его аккуратно, естественно не мог, а ложился прямо так: на то, что получилось. Иногда на одеяле лежала только голова, иногда только лапы... Иногда одеяло лежало скомканное под ним, но он спокойно спал с чувством исполненного долга. И тогда мы, обнаружив подобное, решали проблему. Сдвинуть его в этот момент кроме приказа «стоять» ничем было невозможно. Но кто же в такой ситуации будет давать команды своему утомленному любимцу! Нет, мы подталкивали под него одеяло ладонями, приподнимая то голову, то папу. А он лежал, не шевеля ни одним мускулом.

Днем он спал там, где ему хотелось, и поэтому мне часто приходилось стирать покрывала. При гостях, он бесцеремонно забирался в гостиную, где они спали, и отводил душу в кресле. Не раз посреди ночи, он с грохотом падал с кресла вместе с подушкой, а мой племянник Игорь, (который часто к нам приезжал), как ребенка, снова укладывал его спать, поднимая на руках в кресло. Собака, конечно, должна спать на своем месте и днем и ночью, и мы были неправы, так его балуя.

Один дома

Без нас Джерик скучал. Соседи говорили, что иногда скулил, подвывал. Но бывало, что находило на него и буйное веселье, особенно когда он был еще молод и полон сил. И тогда он не ограничивал себя в действиях, при избытке энергии. На кухне у нас лежал линолеум плитками, как шахматная доска. Видимо в порыве кладоискательства, он однажды передними лапами оторвал одну плитку, и, удивленный, и, решивший, что это и есть клад, он разгрыз эту плитку. По крайней мере, много кусочков лежало на полу, но были и проглоченные. Уж, как только мы с ним не боролись, воспитывали, ругали, все напрасно. Пришлось нам постелить сплошной линолеум.

Однажды я забыла на кухонном столе две пачки масла, уходя на работу. Вечером, когда домой пришли Володя, мой муж, и Вика, на кухне был «балет на льду». Одну пачку он съел, а другую катал по полу, видимо, долго и весело. На полу лежали аккуратно развернутые обертки из под масла. Джерик, как всегда, был рад вернувшимся хозяевам, но добраться до них никак не мог. Лапы его развезжались по промасленному полу. Он падал. Пытался встать. Делал вынужденный шпагат, растянувшись во весь рост на полу... Он кое как дополз до своих, его подняли, увели гулять, а затем долго убрали кухню. Ругать его было уже поздно. Собак наказывают только на месте «преступления», по свежим следам. А позже они не понимают за что. Да и виновата то была я. Надо было все убрать со стола.

Воздух!

С Петропавловской крепости взлетал время от времени вертолет с воздушными экскурсиями, и пролетал он над нашим домом. Вначале пес удивлялся этому чуду техники. Он вставал на задние лапы, передними опирался о подоконник и смотрел, и лаял с восторгом. В выходные полеты проводились почти целый день. Джерик был занят до сумерек. Он сидел на кухне, посередине и ждал. Услышав шум двигателя, пес вставал уже в привычную стойку и лаял. Лаял каждый раз с восторгом. Проводив вертолет приветствиями, он со вздохом усаживался посередине кухни и снова ждал.

Как-то в день города, в праздник летали над Невой воздушные шары. Мы выбежали к реке, благо дом наш на набережной. Пес удивлялся, что такие машины в воздухе не шумят. Он смотрел, смотрел, но не лаял. Впечатление от

большого количества огромных, разноцветных шаров было неописуемо, но уважения у Джерика не вызвало, такого, как вертолет.

В праздники вечерами над Невой салютовали, как, впрочем, и сейчас. Мы, почти всегда выходили на набережную. Джерик относился к салюту уважительно, но с легкой боязнью. Нет, он не боялся выстрелов, но слегка опасался.

Дача

Мы любили наш дачный сезон. Несомненно, лето было сопряжено множеством забот: работы в огороде, в саду; постройка нового дома рядом со старым; овощные и фруктовые заготовки, которые начинались с середины июля и продолжались до середины сентября; сенокос (мы скашивали постоянно траву вокруг огорода, вокруг тропинок).

Поездки на дачу были утомительными, волнующими. У нас года два в начале нашей дачной эпопеи не было машины, и мы добирались туда на электричках. В будние дни все происходило более-менее пристойно. Но в выходные посадка в электричку представляла жуткое, отвратительное зрелище. Как только подавалась электричка, люди, словно обезумев, бросались в вагоны, расталкивая друг друга, стараясь попасть в вагон первыми, для того чтобы занять место на скамейке. Мы не могли рисковать детьми, собакой, входили в вагон последними. Но в большинстве случаев мы ездили на неделе, или первыми, или последними электричками. Поездка в переполненном вагоне была неприятной для собаки. Джерик тихо устраивался на свободном пространстве, и молча, созерцал. Но в полупустой электричке он вел себя свободно, с восторгом лез со всеми знакомиться. Люди его ласкали, но с опаской, несмотря на намордник. Помню, было очень жарко. Джерик лежал под скамейкой, тяжело дыша. Я обливала его водой, но это не помогало. И тогда я сняла намордник. Как на грех в купе сели девушка и молодой человек. Они очень мило общались с псом до тех пор, пока Джерик, избавившийся от намордника, не зевнул протяжно, обнажив все свои зубы и, показав величину пасти. Испуг на лицах был неподдельным. Они молча перешли в другое купе. Если кто-то в электричке лакомился мороженым, Джерику выпадали на долю такие страдания! Он, сидя, все ближе и ближе пододвигался к счастливому обладателю брикета, с тревогой смотрел на убывающее мороженное, пускал слюни. Некоторые не выдерживали, отдавали остатки ему, несмотря на наши протесты. Он выглядел настоящим попрошайкой, голодающим. Впрочем, в дорогу собак не кормят, во избежание осложнений, и он всегда в дороге был голоден.

Джерик любил поездки на дачу. Смекнув, что идут сборы, он начинал бегать вокруг сумок, повизгивая, начинал мельтешить от радости. Испытыв всевозможные переживания в дороге, он наслаждался свежим воздухом, высокими травами, множеством кустиков, где без ограничения мог

опорожняться. В городе ему разрешалось только рядом с мусорными бачками. Мы всегда убирали за ним, а он терпеливо и, надо признать, брезгливо, ждал, пока мы уберем. На даче же – воля. Когда дорога уже поворачивала к нашему дому, мы отпускали его с поводка. А он бежал впереди, поминутно оглядываясь на нас, боясь нас потерять. Причем чувство это испытывал он и в городе: он бежал на поводке, впереди, оглядывался, убеждался, что «держит нас на поводке», и бежал дальше. А там, на даче дорога к дому вела вдоль большого луга, на котором паслись коровы с телятами. Джерик очень уважительно, с опаской оглядывал коров, но поняв, что телята – это тоже ребята, решил однажды поиграть с одним из них. Но корова-мама была начеку, устремилась к Джерику, опустив голову, наострив рога. Джерик, естественно, ретировался перед такой громадиной. Он попятился и побежал к нам трусливо, стремительно, оглядываясь на корову. С тех пор он лишь издали смотрел на них с завистью: их было много, а он один, а это грустно.

Купание в пруду

Наш любимый Джерик не умел плавать! На даче, в деревне был большой пруд. Здесь триста лет тому назад добывали камень-плитняк для строительства Санкт-Петербурга. Вода была в нем голубоватая. Мы всей гурьбой на велосипедах ездили туда купаться. Джерик настоятельно, глазами просил не трогать его. Он всю дорогу бежал за нашими велосипедами, уставал. Но жажда заставляла зайти в воду и испить ее. Уже в конце купания мы тащили его в воду, подальше, придерживая его под брюшком. А он старался задними лапами достать дно. Вот и все его действия на воде. Наши многократные усилия оказались напрасными. Он плавать не научился. На берегу его ждали позорные выкрики мальчишек, но он ничего не мог сделать с собой. И мы знали причину его страха. Когда он был еще молод, ранней весной мы пошли гулять вдоль речки, которая протекала мимо нашего дома. Летом она была мелководной и тихой, но тогда, после растаявшего снега, она бурлила, пенилась. Воды было много, и течение было сильным. Мостик, по которому переходили речку, был почти весь под водой. Но Джерик помнил летние дни, помнил, как перебежал мостик махом, и оказывался на другом берегу, где было столько всего интересного. Так и тогда он легкомысленно побежал на мостик, и своенравная, холодная вода унесла его по течению. Мой племянник Игорь, (он был военным летчиком, майором) был в отпуске. Он бесстрашно побежал вдоль речки, и там где делала она изгиб, слегка успокоившись на миг, вошел в речку, поймал Джерика и на руках, принес домой, где мы успокоили, согрели песика.

Сосиски

Однажды я купила сосиски, собираясь на дачу, но не успела закинуть их в холодильник, зазвонил телефон, который стоял посередине коридора. На телефонный разговор ушло несколько минут. Я уже собиралась положить

трубку, как увидела, что бежит наш Джерик, цокая когтями по коридору, как копытцами, а в зубах у него сосиска, словно сигара. Он был на пути к своему любимому ковру – месту лакомства. «Фу!» - приказала я ему. Он остановился, как вкопанный, открыл пасть, и сосиска выпала на пол. Сожалению его не было предела: он жалел, что украл со стола, жалел, что сосиска ему не досталась, жалел о том, что я его отругала. А я над ним посмеялась и сказала: «Дурачок, съел бы сосиску на кухне, а то все на ковер норовишь донести!» Через несколько дней снова предстояла поездка на дачу, вновь были куплены сосиски, которые остались бесхозными на нашей кухне. Дочка позвала меня, для того, чтобы я послушала отрывок из книги Джерома К. Джерома, над которым она хохотала. Надо вам сказать, что Вика росла у нас большой любительницей книг. Она читала много и с упоением. А наш Джерик, видимо следуя моему легкомысленному совету, съел несколько сосисок на кухне, но вместе с целлофаном, в который были они упакованы. Он был тихим в дороге, видимо было ему некомфортно, а может болел живот. На даче он сразу поел своей любимой травки. От еды отказался. Я решила не давать ему слабительное, надеясь на природу. Трава была лечебной для животных. Утром он снова полакомился травкой, повеселел. Как всегда, ходил он след в след за любимым хозяином вокруг огорода. Муж занимался огородом. Я на другом конце участка копалась в саду. Через некоторое время Володя крикнул мне: «Все в порядке! Целлофан от сосисок вышел!» Освободившись от этой ужасной обертки, пес забегал по тропинкам, счастливый.

Тропинки

Джерик любил прогуляться по огороду. Он аккуратно шел по тропинкам между грядок, осматривая все кругом. Если на пути встречался зеленый лук, он, не удержавшись, хватал его зубами, ел, иногда при этом испортив все луковое семейство. Когда созревала малина, он надолго пропадал в кустах. Он ел малину прямо с куста. Ел с упоением. Частенько заваливался он в траву у кустов смородины, засыпал. Мы, обеспокоенные долгим его отсутствием, звали его. Он поднимал голову, сонный, смотрел. «Отдыхай, отдыхай», - говорили мы ему. Он понимал и это слово. Голова его снова падала в траву.

Прогулки

Джерик любил гулять по огромному полю у нашего дома, когда я возилась в огороде. Я время от времени окликала его. Она поднимал голову, долго смотрел на меня, но домой не спешил. Его едва было видно из-за высокой травы. Его занимало множество новых трав, насекомых и других незнакомцев, встречавшихся в траве. Наконец мое беспокойство одолевало меня, и я звала его домой. Он не слушался. А я боялась за него. Я всегда боялась, что он потеряется и станет бездомным. И он был обманут мною. Я побежала в дом, взяла его поводок-цепочку и замахала им, зазывая собаку:

«Джерик, пойдем гулять!» И он простодушно и весело помчался ко мне, был пристегнут к забору с увещаниями: «Дурачок ты, дурачок. Ты же на свободе гулял, а теперь сиди рядом.» Слово «гулять» он знал хорошо. Как только оно дома произносилось, он начинал суетиться, собираться. Частенько мы выходили из дома без него, а он, увидев, что мы одеваемся, тоже готовился на прогулку. Но мы осаждали его словами: «А ты дома останешься». Он сразу затихал, понурившись.

Соседи

Мы дружили с соседями по даче, ходили в гости друг к другу. Джерик был любимцем у них. Я как-то подарила котенка соседке-Фаине. Пес сначала умилялся, глядя на котенка, но ревновал, когда я брала его на руки, очень беспокоился, слегка потягивая, и успокаивался, когда я передавала котенка хозяйке. Но когда кошка выросла, пес обходил ее стороной очень осмотрительно, ибо кошка обрела от него сторожевые качества. Она была боевой и бесстрашной, а это опасно. И пес все понял. Однажды нам нужно было ехать в соседнюю деревню на сенокос. Пса Фаина предложила оставить у нее, так как было очень жарко, тяжело для собаки. Фаина привела страдающего пса в дом, где кошка-Муска сидела на шкафу. Кошка с боевым кличем бросилась на спину нахала, посмевавшему войти в ее дом. Фаине пришлось изолировать свою сторожиху.

В одно лето Фаина купила кур и боялась, что Джерик будет их гонять. Но пес долго наблюдал за ними, а затем потерял к ним интерес.

У Фаины были козы. Старшая из них-Катька была главой клана и зорким сторожем. Она во время прогулки пылливо и с достоинством осматривала окрестности: нет ли вокруг опасности. Если кругом была идиллия, спокойно щипала травку, но время от времени осматривалась. У Катьки были большие рога, и она была с этими рогами непобедима и знала это. Наш дом был на берегу речки. Берег был высокий, с двумя террасами. Как-то мы пошли к речке с дочкой и встретили на тропинке Фаину. Она возвращалась с козами с прогулки, где ели козочки травку. Завелся разговор. Мы стояли на нижней террасе. Катька уже была наверху, поджидала хозяйку и козочек-деточек. Вдруг на фоне безоблачного неба, наверху, появляется Джерик (мой муж ходил с ним к колодцу за водой). Пес, увидев сверху козочек, с которыми никак не удавалось ему поиграть из-за Катьки, издал радостный лай и бросился суматошно на нижнюю террасу. Катька, стоявшая на верхней ступеньке лесенки, выкопанной на склоне, стремглав побежала вниз, где стояла моя Вика, сбила ее. Вика приземлилась на спину Катьки и так проехала метров десять. Катька резко остановилась у козленка, и Вика упала на него, маленького, блеющего. Нескоро Вика выползла с козленка. Они как-то запутались между собой. Джерик с радостным лаем носился вокруг них. Катька, с рогами наизготове, гонялась за псом. Фаина с воплями: «Вика, слезай с козленка,

раздавишь его», мчалась к куче-мале. Мы все так хохотали, так хохотали! Все закончилось мирным чаепитием.

Другой наш сосед помогал нам строить дом. Он скептически относился к Джерику, считая его городским баловнем, франтом. Для него собака, сидящая на цепи, охраняющая дом, была настоящей, а все остальные были не достойны внимания. Как-то пришел он к нам во время обеда. Джерик лежал на крыльце и смотрел на него. Он не залаял. Человек-то знакомый, чего лаять зря. Он был умным псом и никогда зря не лаял, даже возмущался, когда другие собаки попусту «бrehали». Человек ждал у калитки, не входил. Я открыла окно, пригласила его. Он сказал: «Так собака же!» Джерик, услышав переговоры, подошел к калитке и ждал молча. Мужик еще больше насторожился: большой пес молча поджидает его. Мало ли что! Мне пришлось выйти встречать его. Причем Джерик, видя мое радушие, вилял хвостом. «Да, теперь я понимаю, что значит воспитание собаки. Зауважал».

Зима

Мы ездили на дачу и зимой. Однажды в зимние каникулы мы собрались туда большой компанией. С Викой почти что всегда, ездили на дачу ее подружки: большая Настя и маленькая Настя. Вот и тогда было нас много. Володя вместе с псом уехал рано утром, для того чтобы растопить печь, согреть дом. А мы приехали дневной электричкой. Мы шли по дороге, шумно что-то обсуждая. Издали показались наши мужчины: Володя и Джерик. Пес, почуяв нас, помчался навстречу со всех лап, но остановился с опаской. Девочки несли лыжи и палки к ним, и это насторожило пса. Он с сомнением оглянулся на хозяина. Остановился. Мы, смеясь, стали звать его. Сомнения развеяны. Восторг от встречи взял верх. Он не добежал до нас несколько шагов, приостановился, подошел с опаской ко мне, потому что у меня не было палок и лыж.

Володя днем уходил достраивать новый дом, где не было еще полов, и куда опасно было запускать собаку. Но Джерик ни за что не хотел оставаться в старом доме и бежал за хозяином. А там оставался сидеть на улице, осыпаемый снегом, обдуваемый ветром. Он сидел, словно одинокий пенек среди снежных просторов, и покрывался снегом, словно второй шубкой. Я через некоторое время просила Володю вернуться, обогреться. Но он не хотел оставлять начатое дело. Ему там, в доме не было холодно. И тогда силой тащила я пса к старому дому, а он не хотел, упирался. Дома обогревала я его, кормила. Но он скулил, нервничал: хозяин там работает без него, а он в старом доме без дела. Ему всегда хотелось быть рядом с Володей. Но, к счастью, пол был настелен, и пес впредь бегал на работу вместе с хозяином.

Чумка

Джерик у еще не было и года, когда мы пошли с ним к ветеринару для того, чтобы его привили против инфекционных заболеваний, которым подвержены собаки. Доктор так убедительно рассказал нам о том, что от прививки пес может заболеть, что вакцина у них отечественная, неочищенная, что такого красивого песика надо освободить от вакцинации (это было давно, еще в начале перестройки, когда ничего невозможно было достать, в том числе и импортную вакцину). Я долго с ним спорила, просила, но его доводы были убедительней моих страхов и понятий и о необходимости прививок.

Джерика стали готовить к выставке собак. Его возили к кинологам для проведения необходимых процедур. И через несколько дней случилась беда. Тем самым недобрый утром Джерик не смог подняться на лапы, хотя так старался, что было больно на это смотреть. К нам приехала доктор-ветеринар, которая наблюдала отца Джерика - знаменитого медалиста. Она сразу поставила ему диагноз: чумка. К слову сказать она была удивлена красотой собаки, что меня неприятно поразило, мы то были ужасно расстроены. Но лечение, назначенное ею было правильным, Джерик быстро встал. Но уколы я делала ему долго, по назначению врача, потому что чумка была с параличом, поражением нервной системы, поэтому он не мог стоять. Ох уж эти уколы! Как только я начинала набирать лекарства в шприц, Джерик пугался, прижимался к стенке (именно так я и делала первые инъекции, у него даже в такой ситуации возник рефлекс). Он стоял, просящее глядя на меня. Я говорила с ним, называла послушным, хорошим, быстренько вводила лекарство. Как только все заканчивалось, он убегал от меня. Но в следующий раз все повторялось так же. Таблетки тоже пришлось научиться давать ему. В еде он их отбрасывал. При виде таблетки, он плотно сжимал зубы. И тогда я, обваляв таблетку в сливочном масле, запихивала ее ему в уголке пасти, ладонями поднимала голову зубами вверх, потряхивала голову слегка, и таблетка благополучно отправлялась в желудок. И Джерик выздоровел. Но мы более не давали согласия на выставки. В течении жизни у него раза четыре появлялись признаки пареза (паралича) задних конечностей, но я вовремя замечала это, и сразу же проводила необходимый курс лечения. Это было осложнение после чумки.

Встреча с догом

Я продолжала работать сутками в родильном доме, и в эти дни к нам приезжала Викина бабушка. Она встречала Вику из школы и днем выгуливала собаку. В один из таких дней на Джерика напал дог. Это очень крупная, сильная собака. Дог укусил Джерика за бочок. Но бабушка ничего не сказала мне об этом. Через день я обнаружила на месте укуса инфильтрат (уплотнение). Если бы сразу обработали рану и следили за ней, возможно, избежали бы осложнений, но случилось именно так. Я поехала с песиком в ветеринарную лечебницу, где доктор обколот инфильтрат антибиотиком, назначил лечение.

Джерик плохо себя чувствовал, он притих, осунулся, плохо ел. Мы лечили его усердно, но появился новый инфильтрат под кожей, уже в другом месте. Я вовремя заметила его, сразу начала лечение, все рассосалось. Через день – новый очаг, сразу же начатое лечение привело к улучшению. Он получал интенсивное лечение три недели, ослаб, и больше не выглядел на прогулках веселым, бодрым, жизнерадостным. Проходящие мимо собаки чужили его болезненное состояние, видели, что он не боец, и злобно лаяли на него, вызывая в нем чувство страха. Теперь он вел себя по отношению к ним трусливо. Мы по мере выздоровления стали вселять в Джерика уверенность в себе, поощряли его. Он выполнял команду «стойка» при виде лающих на него собак. (Хорошо, что все собаки были на поводках). Он выполнял команду «голос» также хорошо, усердно. И злоба у оппонента тут же проходила. Никто не хотел драться с Джериком. И он стал таким же, как прежде, уверенным, сильным, счастливым. И хорошо, что мы поработали с ним, ибо впереди была встреча с главным врагом и обидчиком.

Мы гуляли с Джериком по набережной Невы. И вдруг впереди метров за 50 – 60 я видела дога. Он бежал без поводка, без намордника. Испуг! Испугалась я! Дог, увидев Джерика, с лаем бросился на него. Я моментально сняла намордник с Джерика, приказала ему «стойку», «голос», «фас». Джерик выполнил все приказы. Он, остервенело, рвался на поводке, не в состоянии выполнить лишь одного приказа «фас» до конца. И дог, на всей скорости, присел, трусливо прижав уши. К нему подбежал хозяин, который минуту назад беспечно шел за догом, размахивая поводком. Я пыталась высказать свои претензии к хозяину, кричала, но почти ничего не было слышно из-за лая Джерика. Он победил. Я его очень хвалила.

Прошло несколько дней. Володя вечером вывел собаку на прогулку, но скоро вернулся. Прогулка была недолгой, потому что случилась драка. Навстречу им шли две девушки, мило болтая. Впереди бежала их овчарка без поводка. Наш Джерик остановился, разглядывая овчарку, завил хвостиком. Но овчарка злобно набросилась на нашего пса, схватила зубами его за ухо. Наш Джерик без всякой команды, не дав даже голоса, ухитрился схватить врага за шею. И это была «мертвая хватка». Чужой пес упал на бок, хрипел, но наш не отпускал его. Володя пытался разжать ему челюсть, но не смог. Затем он схватил палку, оказавшуюся рядом, и разжал палкой челюсти Джерика. Дома при осмотре Джерика, я обнаружила глубокие раны вокруг уха. Раны были обработаны, он не заболел. Ну а что стало с овчаркой, мы не знаем. Только после это Джерик гулял в наморднике всегда.

Болезни

В очередной раз направились мы в ветеринарную лечебницу на прививку, ожидали довольно долго, много было животных к доктору. И, хотя мы большую часть времени провели на улице, но он успел заразиться ангиной.

Очень неприятная неожиданность. Джерик отказывался от еды, был угнетен. Температура была выше нормы. И тут я вспомнила, что хозяйка одной собаки рассказывала об ангине у своего питомца. Диагноз подтвердился. Джерику вводились антибиотики. Он вел себя так же, как и раньше при лечении, стоял в гнетущем ожидании укола. Но выносил все стоически. В первый раз я обработала глотку лекарством из баллончика-аэрозоля, и это было последним разом. Больше он пасть не открывал. Тогда я заварила ромашку и вводила ее шприцом (без иглы) в уголок пасти, закинув ему голову, он глотал, но и горло его орошалось ромашкой. Болел он долго, тяжело. Ослаб. Мы потихонечку гуляли с ним. Он с трудом преодолевал расстояние, совсем небольшое. И когда он выздоровел, мы стали удлинять маршрут, каждый день понемножку. И когда мы впервые добрались до Летнего сада, куда он ранее пробежал за несколько минут, остановились, отдышаться, к нам подошел турист, и печально сообщил, что пес болен. «Он уже выздоравливает, все уже налаживается», успокоила я его. И он вскоре обрел прежнюю форму.

Эрдельтерьер – искусственно выведенная собака, и подвергается всякого рода инфекциям. Болел он однажды и гриппом.

Игорь, наш племянник, служил тогда на Дальнем востоке. Он прилетел к нам совершенно больной. Грипп. Заразились гриппом от него и мы с Викой. Но когда заболел Джерик, это снова было для меня испытанием. Он лежал, как и мы, пластом, не ел, не пил. Таблетки я, естественно, давала ему старым, испытанным способом, а воду приходилось вводить шприцом, ползая перед ним на коленях и днем и ночью. Очень опасно состояние гиповолемии (обезвоживания) во время инфекционных заболеваний. Вспоминается мне, как болел Игорь. Он разложил подушки от кресел вдоль длинной отопительной батареи, накрылся моей длинной дубленкой, и так пролежал 4 дня, пока болел. Затем перебрался на диван. Джерик выздоровел первым. Он весело бегал вокруг наших постелей, где бы мы ни валялись, облизывал усердно, подбадривая. Но немного покашливал и он после гриппа, как и мы.

Рыжик

Наш дом долго расселяли, лет двадцать. На первом этаже осталась одна женщина, в однокомнатной квартире. Она очень любила собак, и подбирала их со всей округи. Они шумели, тявкали ночами, но никто из оставшихся соседей не жаловался на нее, все мирились, жалея собак, подкармливая их. Ее, наконец, переселили, но собаки остались, и жили там, как хозяева. Вожакам у них был Рыжик, матерый пес, с множеством старых ран. Я жалела собак, приносила им еду, и вожак меня всегда одобрял, степенно стоял, несколько раз вильнув хвостом. Джерик очень хотел подружиться с Рыжилом, но тот пренебрежительно относился к питерскому «денди». Он считал ниже своего достоинства дружить с ухоженным, сытым псом. Рыжик любил меня преданно и нежно. Еще издалека, на улице замечал он меня, возвращавшуюся

с работы, или с магазина, подбегал ко мне, прижимался лбом к коленям, разрешал погладить его по голове. И только затем просил поесть. Он ел только сосиски, сыр, мясо (этим подкармливали его продавщицы с магазинов, около которых он частенько попрошайничал, то есть просто сидел и ждал), или еще что-нибудь вкусненькое, например блинчики или пирожки.

Однажды, мы возвращались с Джериком домой. На нас набросилась стая собак, причем все незнакомые псы. Но Рыжик выскочил вперед, встал перед сворой и грозно протявквал: «Гав, гав, гав!» И собаки притихли, недовольные, но смирившиеся. Воля вожака-закон в стае. Рыжик проводил нас до подъезда. В те годы почему-то было много бродячих псов. Впрочем, это были девяностые годы прошлого столетия. Продукты выдавали людям по талонам. Видимо, в некоторых семьях было принято варварское решение: выгнать собачку на улицу, где они собирались в стаи, ночевали где попало. Забили дворники и квартиру, где жил Рыжик. Он перекочевал в соседний пустующий дом. Но встречались мы с ним ежедневно.

Время неумолимо шло, Рыжик старел, бег его стал более, чем умеренным, с хромотой. Как-то встретила я его у нашего подъезда, совершенно обессиленного, всего заснеженного. Я решила, что он болен. Помогла ему подняться по лестнице до батареи, уложила там, помчалась домой, согрела слегка бульон, принесла ему. Затем принесла сосиски, витамины, таблетки. Он все съел. Я очистила его от снега, как могла, просушила тряпками шерсть. Он благодарно облизал меня. Я побежала за новой порцией сосисок. Вернувшись, пса не обнаружила, выскочила на улицу, и увидела его уже ожившего со стаей собак. Он не был болен, он просто загулял, шалун. Через несколько дней я увидела его с зияющей, гнойной раной на лбу, ближе к уху. Он поел с моих рук, но немного, с тоской и болью поглядывая на меня. Я приказала ему «ждать». Он ждал, пока я сбегала за лекарствами. Рану я обработала, он не чинил мне препятствий, видимо животные чувствуют, что руки лекаря приносят им выздоровление, становятся смирными во время лечения. На следующий день он ждал меня у нашей парадной. Я снова обработала рану. На третий день я совершенно была спокойна: рана была чистой, он выздоравливал.

Рыжик старел. Его уже не слушались молодые псы, прибившиеся к стае. Он молча переносил унижения.

Все собаки исчезли одновременно. Видимо, их выловили. Хотелось бы верить, что поселили собак в специальном питомнике, раздали по домам желающим, но не Рыжика. Слишком он был стар...

Вспоминаю, как вел себя Джерик, когда я кормила Рыжика у дверей нашей квартиры. Он искренне удивлялся тому, что чужому псу хозяйка подает исключительно лакомства. Нервничал, суетился. Но, поняв при кормлении, что Рыжик очень голоден, смирялся, садился и смотрел на него с обожанием. Он всегда, даже старого, больного любил его и уважал.

Самый маленький подопечный

У Игоря (племянника) родился мальчик. Назвали его Валерием в честь деда. Он прилетал к нам еще совсем крохой. И Джерик принял на себя обязанности сторожа при нем и няньки. Он ждал у постели его пробуждения, бежал к нам с докладом. Мы понимали, в чем дело. Пес был при ребенке неотлучно. Позволял себе расслабиться лишь только ночью. Он облизывал его беспрестанно, сновал перед ним, суеился. Совсем еще маленький, мальчик учился ходить, держась за шерсть Джерика со всей серьезностью. Валерик решил про себя, что пес слуга ему и друг. Ребенок ложился на него, хватал за уши, за нос, за хвост, за бороду. Джерик все стоически выносил, иногда лишь уварачиваясь от ребенка. Мальчик подрастал. Он с родителями жил у нас часто и подолгу (они приезжали с воинской части, где не давали зарплату, где не было в магазинах продуктов, где не было топлива для полетов, необходимых для оттачивания летного мастерства). Мы любили их всех, но особенно маленького. Валерик делился с псом всем тем, чем его угощали. Конфету чупа-чупс сначала сосал мальчик, затем подавал псу: «На, угощайся». Джерик, получив конфету, естественно, возвращать ее не собирався, держал зубами. Мальчик за палочку тянул к себе, удивляясь такому нахальству. «Я тебя только угостил, чуть-чуть оближи и все!» Но зубы у пса были крепкими, угощение вкусным и тающим в пасти. Победил Джерик. Когда псу давали хлеб, мальчик поднимал угощение с ковра тоже его ел, если мы не успевали прекратить это безобразие. Мальчик еще подрос, и уже пес перестал его нянчить, спал целыми днями, чем озадачил ребенка: «А почему Джерик так долго спит днем? Что делает он ночью?» «Квартиру охраняет». «А-а-а! Он ходит везде, за порядком следит, двери-окна проверяет...» Когда мальчика мама просила не чавкать мальчик искренне удивлялся тому, что Джерику все можно...

На даче пес нес службу исправно. Когда ребенок гулял, мы были спокойны. За ограду пес мальчика не пускал. Ходил за ним как ниточка за иголкой. Часто они бегали по травке друг за другом. Мальчик веселился, смеялся, пес лаял. Они очень любили друг друга. Валерик называл его братом.

Джерик уходит

Как я уже писала, после чумки был наш песик не всегда здоров. Я вовремя замечала изменения в его поведении, и лечила его, он восстанавливался. Но в тот последний год, осенью у него произошло кровоизлияние в мозг, не столь обширное, чтобы он совсем слег, но пагубное. Я лечила его, ухаживала за ним. Он поднялся, но был слаб, не смог более лаять, не мог пить воду. Еду он хватал зубами. Но лечение продолжалось. Джерик изменился внешне. Он уже не был энергичен. Шерсть облезала. Он похудел. Не раз во время прогулки люди говорили: «Какой паршивый пес. Да усыпите вы его». Я отходила в сторону, и сердце мое болело от жалости. Но как медик я знала, что придет жара, Джерик не сможет пить, начнется обезвоживание организма, он будет мучиться, и нам

придется избавить его от страданий. Лишние два, три дня его жизни внесут только боль, и все.

Пришло долгожданное лето, поездки на дачу, которые так любил песик. Он, как прежде, оживлялся, но в машине без сил ложился. Мы поили его водой с помощью шприца, обтирали мокрой тряпочкой. Он с такой благодарностью смотрел на нас, что мы плакали. Наши друзья и родные приходили попрощаться с ним. Джерик был всем рад, но радость свою выражал лишь взглядом. Он продержался до конца июля. Я решила не делать ему капельницы. Господь забирал его, мы перестали сопротивляться, смирились. Во время последней поездки на дачу песик лежал, ослабший, задыхающийся. Он уже не мог самостоятельно ходить. Мы поддерживали его при попытке пройти. Поили и кормили с рук. Но он не ел и не пил, лишь только стонал, глядя на нас. Перед концом, с глаз у него потекли слезы. Он прощался с нами. Плакали и мы, поглаживая его. Он прожил 11 лет. Это обычная продолжительность жизни для собак.

Похоронили мы его недалеко от дачи, в большой воронке из-под взрыва, послевоенной. Когда мой муж закапывал его, так рыдал, так рыдал... Ушел самый преданный, бескорыстный друг.

Новогодний подарок

Прошла унылая осень без Джерика, прошел декабрь. Пусто было в доме без него. Он часто нам снился. Я понимала, что последний год был мучительным для него и успокаивала себя и родных тем, что там, где он боли нет, но частенько мы плакали.

Новогодняя ночь в том году была у нас не очень шумной. Обычно собиралось много народу, так как мы жили в центре города. До Невского проспекта, до Дворцовой площади пешком минут 20. А в том году племянники с семьями, с друзьями уехали в Финляндию, к родным.

Утром я проснулась рано. И вдруг за входными дверьми услышала истошный крик котенка. Он просил, требовал помощи! Я открыла дверь и увидела маленького (месяца два) котеночка. Он дрожал от страха, холода. Он был болен. Пять дней я поила его водой, лекарствами. Он пролежал на батарее, где постелено было полотенце, эти дни, а затем встал, потребовал еды. Он остался жить у нас. Мы пожалели его, больного, маленького... И также, как Джерика, мне приходится время от времени лечить его, ухаживать за ним. И, несмотря на крутой его нрав, мы его любим и беспокоимся о нем.

21.02.2013г.

Наталия Лямина

Да воздастся каждому по заслугам

Костя рос капризным, избалованным ребёнком. Он был единственным сыном у родителей, и единственным внуком у дедушки и бабушки. С него буквально сдували пылинки, и он привык, чтобы перед ним все ходили на цыпочках. В школе он со своими кулаками и высоким ростом добился того, что его просто стали бояться, большинство учеников. Он любого из одноклассников мог ударить, отомстить за малейшую провинность. Костя знал, что у него есть защита. Родители всячески замазывали мелкие пакости своего чада. В институт он не поступил, да и учиться ему не хотелось. От армии его отмазали родители.

Жил он в своё удовольствие. Собиралась компания бездельников во дворе, выпивали, бренчали на гитаре. Если добывали денег, то ходили в кафешку. Родители давали ему карманные деньги, но их не хватало. А развлекаться и весело жить хотелось всё больше и больше. Шайка из таких же, как и он дружков слонялась по городу, пытаясь раздобыть денег на выпивку и на девочек. Эта троица сдружилась, они подходили друг другу. Дружки были такие же, как и он сам, задира Сашка, и наглый Валерка. Они начали «пасти» торгующих на вещевом рынке людей. Брали с них плату за место для торговли и охрану, хотя сами ничего не делали, чтобы охранять. Если кто - то не соглашался, его выслеживали и жестоко избивали. Костя был счастлив, когда видел, как его боялись, как протягивали дрожащей рукой, заработанные деньги. Поэтому он всегда старался первым ударить человека, почувствовать себя всемогущим.

Костя ходил в секцию заниматься боксом, чтобы быть всегда в форме. Во дворе, где он жил, девчонки старались не попадаться ему на глаза. Ничего хорошего от него не дождётся, только матерился, да распускал руки. Не боялась его только Лена из соседнего подъезда. Она хоть и была младше его на два года, но всегда давала отпор. На его злые выходки, отвечала тем же, и сердитым взглядом отбивала желание распускать руки. Часто Костя ей грозил : « Погоди, доберусь я до тебя, нашлась гордячка, не таких обламывали». Но другим пацанам никогда не разрешал её обижать. Она была единственным человеком, которого ему не хотелось ударить. Даже родители стали его раздражать. Они вечно твердили, что надо идти работать, хватит бездельничать. Костя огрызался на их упрёки, и даже осыпал их угрозами, если не перестанут вмешиваться в его жизнь.

Ему всё больше хотелось видеть во всех людях, слабых дрожащих за свою жизнь тварей. И про многих соседей он говорил, что они трусливые, и думают только о том, как вкусно поесть, да выглядеть лучше других. Энергия в нём

кипела, только шла она не в то русло, куда требовалось. Вместо того, чтобы что – то создать своими руками, наоборот всё разрушалось и ломалось. Эта троица промышляла на рынке где- то около двух лет и гордилась этим. У них были тачки, травматические пистолеты с резиновыми пулями, для устрашения торгашей. Семьями они так и не обзавелись. Считали, что от баб одни неприятности. А если надо удовлетворить свою похоть, можно и проститутку использовать, не платить ей, а пригрозить пистолетом. Или поймать девушку и силком затащить в машину. Это повторялось неоднократно.

Девчонки боялись огласки, а насильники оставались безнаказанными. Вот и сегодня они выехали на Валеркиной тачке вечером покататься по улицам города. Решили снять проститутку на ночь, чтобы оторваться в сауне по полной программе. Вечер был тёплый, но в том месте, где обычно стоят девчонки, их не оказалось.

- Наверное, менты всех разогнали. Устроили рейд по выявлению гулящих девиц.- Сказал Костя.

- Да, без девочек будет скучно проводить время. Ведь заказали сауну, а девочек, нету. - Разочарованно заныл Валерка.

- Да давайте поймаем первую попавшую. Какая нам разница.- Предложил Костя.

- Она же будет пищать, сопротивляться, нас засекут в сауне с такой девкой, накапают ментам. – Испугался Сашка.

- Да я своими кулаками вырублю любую, и вкаты не будет.- Они ехали по улицам города.

Впереди шла стройная худенькая девушка. Она была одета в коротенькую юбочку и топик, который даже не прикрывал её талию, и виднелась полоска загорелого тела.

- Попалась птичка в клетку. - Обрадовались дружки. Сашка сразу сказал, что он участвовать в таких делах не будет, и когда машина притормозила, чтобы затащить девушку. Он выскочил и скрылся за домами.

- Ну и вали.- Выругался ему вслед Костя.

- Девушка, вы не знаете, где находится улица «Ленина» - Спросил Валерка. Та остановилась и показала рукой в обратную сторону.

- А может, вы нам покажите, где она находится, садитесь в машину.

- Я тороплюсь. - Ответила им девушка.

- Да мы вас подвезём до дома. – Нет, я не могу.- Но тут выскочил Костя, схватил её огромными ручищами и затащил в машину. Сам заскочил, и машина рванула на трассу, на выезд из города. Девушка заплакала, Костя начал хватать её, раздевать. Она закричала, тогда он съездил ей кулаком в лицо. Голова девушки резко дёрнулась в сторону, и она замолчала.

- Ты же убил её. Заворчал Валерка. – Зато не пищит больше...

Растерзанную, они выкинули её из машины возле окраины городка. А сами рванули в сауну мыться и пить пиво. Там их уже ждал Сашка. Они весело

смеялись и шутили по поводу сегодняшнего приключения. А девушка лежала возле обочины дороги, ещё живая, но жизнь её была изломана и искалечена навсегда. Она проклинала своих насильников, и просила для себя смерти. Но она выжила, её подобрали, помогли. Девушка не стала обращаться в полицию, не хотелось огласки. Бог услышал её проклятья.

Один из торгующих на рынке отказался платить деньги троице за охрану. Его сильно избили. Особенно старался ударить побольнее, Костя. Разбили нос, выбили два зуба, уронили на землю и пинали ногами. Ещё и пригрозили убить, если не заплатит им деньги. Но избитый паренёк был не из трусливых. Он выследил, где живёт Костя и застрелил его из пистолета, когда тот возвращался ночью из кафе.

Его душа отделилась от тела и перешла в иной мир. Узнав об убийстве Кости, половина города облегчённо вздохнула. Ну, слава богу, на одного разбойника меньше стало. Только Лена из соседнего подъезда всплакнула. Да и она вскоре вышла замуж. Так закончилась непутёвая жизнь разбойника Кости. Но его душа не умерла, она вечна, её отправили на суд божий. Предстала душа, перед Великим создателем, вся чёрная, даже нет светлого пятнышка на ней.

– Да у тебя за душой не числится ни одного хорошего дела. Не работал, не помогал ближним, обижал слабых, насиловал, грабил. Не посадил дерево, не построил дом, не воспитал ребёнка. Жил только в своё удовольствие. Становись на весы равновесия. – Командовал Великий создатель, - Чаша не на сантиметр не сдвинулась с места, перетягивают только плохие дела.

- Да, сколько в тебе злости, всякой гадости, никакого раскаяния в содеянном. Ну, будем выправлять твою душу. Пусть она сначала помучается, как другие мучились от его действий. Отправим в чистилище на исправление, там её отпарить, обжарить и высечь всё дурное. Вот такая душа подойдёт только дворняжке собачке, бездомной и никому не нужной, которую только пинают, и никто не хочет взять в дом. Не хотел жить в хороших условиях, по - человечески, вырос паразитом. Пусть мучается в нечеловеческих условиях. Я всё сказал.

И тот час же демоны перенесли душу Кости в чистилище. А там уж постарались, повыбили всю дурь. И последовало новое наказание.

Ранним весенним утром за гаражами, под старыми, лежавшими очень долго досками, ощенилась дворовая бездомная собачка Жучка. Она была небольших размеров, рыженькая, с остренькой хитрой мордашкой. Всем угодливо виляла хвостом, и становилась на задние лапы, а передние пригибала к грудке и задирала мордочку, выпрашивая у людей съестное. Её все жалели и давали кто косточку, кто кусочек колбаски. Сердобольные бабушки выносили супчик в мисочке для рыженькой Жучки. Так она и перебивалась. Жучка принесла троих щенят. Двое, как и мать рыженькие, только один был весь чёрный. Щенки подросли и стали гулять во дворе. Они были забавные,

неуклюжие. Двух рыженьких забрали дети с соседних домов в семьи. А чёрненького, долго не забирали, пока он не подрос. Натура его была злобная, он часто лаял на проходящих мимо людей.

Жучка подкармливала его, выпрашивая косточки и хлебушка. Так прошло лето, и началась осень, дождливая и ветряная. Но собакам под досками было сухо и тепло вдвоём. Однажды вечером к куче досок подъехала машина, и Шарика приманили колбасой, какой – то бородатый мужчина. Посадил его в багажник машины и отвёз на дачу. Привязал щенка на цепь, кинул ему полбулки хлеба, несколько косточек, налил в миску воду. -- Живи тут, охраняя хозяйство.- Сказал это и укатил в город. Шарик метался на этой цепи весь день, никогда раньше его движения не ограничивали, он бегал целыми днями, куда хотел. Шарик выл, грыз цепь, но всё было бесполезно. Цепь была крепкой, а вокруг не видно ни людей, ни собак. Иногда в его сознании проплывали эпизоды прошлой жизни, ведь когда – то, очень давно, он тоже был человеком, и мог себе позволить многое. Но эти все воспоминания вспыхивали и тут же гасли.

Всё съестное было съедено. Никто не появлялся, чтобы покормить его. В отчаянии он начал рыть землю возле колышка, на которое было надето кольцо цепи. Значит ещё не весь дух человеческий из него вышел. Он знал, как можно выбраться из этой ситуации. Шарик рыл не переставая, и вот колышек наклонился. Последний раз Шарик дёрнул изо всей силы цепь, и колышек выскочил из земли. Кольцо цепи слетело с колышка, и Шарик кинулся прочь от этого места. Он очень был голоден. Цепь тянулась за ним, мешая быстро бежать. Просёлочная дорога вывела его на трассу. Шарик бежал по ней и вспоминал, что где – то должен быть поворот от трассы и там находится свалка, где много еды для собак.

Вот и поворот к свалке, как хочется есть. Запахи здесь разные, есть отвратительные, а есть даже приятные. Шарик увидел большое поле, где работал трактор и подъезжали машины, так же там ходили люди, что – то искали, бегали собаки. Он тоже принялся искать, попадались косточки, хлеб. Всё это он уничтожал, постепенно набивая желудок. Учув запах колбасы, он побежал к трактору. Возле него, наверное, вывалили контейнер мусора из магазина с просроченной колбасой. Тут были и бомжи, которые собирали её. Шарик рванулся к трактору, забыв, что за ним тянется цепь. Её намотало на гусеницу, и его потащило под трактор. Послышался отчаянный громкий вой. Трактор остановился, и бомжи кинулись высвобождать Шарика из - под трактора. Его задняя лапа была вся в крови. Цепь с него сняли.

Бомж Серёга, так его звали дружки, взял Шарика на руки и отнёс в своё жилище. Оно находилось рядом со свалкой в небольшой роще, в вырытой землянке. Там он облил рану зелёной и туго забинтовал, припасённым бинтом лапу.

– Ну вот, теперь заживёт как на собаке. Хотя ты и есть собака. Шарик в знак благодарности помахал ему хвостом и лизнул руку.

– Ну, ладно, хватит, не привык я к ласке, держись пёс.- Ответил ему Серёга. И Шарик остался жить в землянке Серёги. Тут ему нравилось, шумные гулянки, много еды, иногда его гладили, иногда пинали. Так пролетела зима.

Шарик хромал на заднюю лапу, но всё равно ходил со своим Серёгой, искать еду на свалке. Нюх у него был острый, он раскапывал находку и громко лаял, найдя что-то вкусненькое. Его друг Серёга стал не спокойным, что-то его волновало. В роще щебетали птицы, на деревьях распускались листочки и от них шёл весенний дурмящий запах, перебивая запахи от свалки. Однажды Серёга приоделся и ушёл к остановке автобуса, не взяв с собой Шарика. Он куда-то уехал и больше не вернулся. Долго Шарик ждал его, но живший по соседству Колька сказал, что у Серёги в городе жена и она простила пьянки мужу. Он вернулся к ней жить. Землянку заселили новые бомжи, а его выгнали на улицу.

Шарик решил пойти в город, искать то место, где он жил маленьким щеночком с мамой Жучкой. Он, хромая, бежал вдоль трассы, вот и окраина города. Тут он вспомнил, что когда-то в прошлой жизни, здесь они выкинули девушку, оставили её умирать. Шарик взвизгнул, тряхнул мордой и побежал на трёх лапах дальше. Он бежал и вспоминал свою старую жизнь. Вот и дом, где он жил человеком. Шарик резко свернул в этот такой знакомый дворик и увидел песочницу, в которой он играл в детстве. Рядом стоял некрашенный стол со скамейками с обеих сторон. А на скамейке, за столом сидели его друзья Сашка и Валерка, и пили пиво.

Какая радость! Шарик побежал к ним, к столу, громко лая. Валерка закричал: « Какая страшная собака, хромая и плешивая». А Сашка сказал: « Наверно она заразная, у неё лишай, ещё заразит нас». Внизу, под столом валялся камень. Валерка поднял его и кинул со всего размаху в голову собаке. Шарик громко завизжал, камень пробил ему голову, кровь залила глаза. Он развернулся и пополз к росшим неподалёку кустам. Забившись под них, он тихонько поскуливал. Кровь из раны всё хлестала. Его тянуло в сон, слабость расплзлась по всем мышцам. Утром дворник нашёл мёртвую собаку. Завернул в мешок и кинул в контейнер с мусором. Так закончилась вторая жизнь Кости – Шарика.

Николай Остренко

Отрывок из романа «Виллем Шоу: туда, где заходит солнце»

В конце октября Люси удалось выходить несчастного адвоката. И только к началу ноября, сэру Генри провели операцию, после которой его оставили лежать в стационаре под присмотром санитарки. Конечно же женщина по старой дружбе не могла себе позволить оставить Генри без присмотра и хорошо доплатила за услуги санитарке, после чего оставила его отслеживаться в палате, отходя от наркоза.

Все в жизни девушки после разговора с этим человеком перевернулось в один миг. Повсюду, где она ходила, она не могла не оглядываться в поисках хоть какого-то намека на искомого человека. Впервые за столько лет жизни в полевых условиях она позволила себе осознать слабой и незащищенной, хотя последняя даже не подавала виду, что ее отношение к своей судьбе резко изменилось. До этого разговора с бывшим адвокатом она была какой-то одержимой, ей хотелось все рушить на своем пути и люди ей были не преградой, а лишь средством. Но, то что она узнала недавно полностью сломало ее прежнюю жизнь. С плеч будто спала тяжёлая ноша, которая угнетала ее все восемь лет. Появился шанс изменить жизнь. Она шла по туманной улице на Ковент Гарден и встретила рассвет. Люси взглянув на солнце поняла, что этот свет она не пускала в душу более восьми лет. Этот свет своими слабыми лучиками дал ей понять, что у нее есть шанс все исправить. Всю ту ложь, на которой была выстроена ее карьера, слепая вера королю в самом начале авантюры с Заговором и самое главное то что она собственноручно похоронила свою семью и свое женское счастье, в чем для себя она никогда не хотела признаваться. Ее черная одежда олицетворяла ту самую тьму, в которой она жила до Виллема, при нем и уже после его предательства, но слезы которые девушка стала лить увидев солнечные лучи, омыли черные одежды в знак очищения и самозабвения прошлой себя.

И девушка неожиданно для себя пошла в сторону дома Лисы Сомм — давней подруги ее мужа, к этой героической женщине, которая в самые трудные годы жизни в Англии времён смуты взяла на себя ответственность воспитывать совершенно чужого ей ребенка ради доброго имени того, кем она восхищалась в молодости. Стоун добралась до дома на краю улицы. Во дворе было так же тихо и безлюдно. Единственное, что привлекло особое внимание это открытые настежь двери, ухоженный фасад и кустарники у дома, так как за территорией никто не ухаживал с довоенных времён. Подойдя к дому она услышала детский смех и ей стало сразу легче потому что в нем она узнала своего сына, которого не проводывала с тех пор как поехала в командировку в

США. Люси подошла к двери. Дверь была не заперта и гостя тут же не отворила.

То, что было когда она зашла внутрь превзошло все ее ожидания: в гостевой комнате игрался ее ребенок с человеком, одетым в белый костюм, который светился от счастья. На лице мужчины читалась радость, но морщины свидетельствовали о глубокой многолетней скорби. Присмотревшись ещё лучше, девушка все же поняла, что она нашла того, кого искала все время.

— Виллем, это ты? — спросила девушка у мужчины и тут настала минутная тишина. В этот момент к матери подбежал ребенок с радостным смехом и стал её обнимать и целовать.

Она ничего не могла сделать и смотрела на человека, сидящего на диване в белом деловом костюме и молча смотрящего ей в глаза тем самым взглядом, которым он на нее смотрел при их первой встрече десять лет назад. Поверенная понимала, что перед ней совершенно чужой и одновременно родной человек. Личность его казалась полу мифической и в то же время реальной, ей показалось, что всё это не настоящее. Яркий солнечный свет заливал комнату как-то непривычно для ноября и проступившие слёзы в её глазах придали некоей туманности всему происходящему.

Виллем себя вёл достаточно сдержанно, как-то непривычно для мужчины, который вспоминался, как вспыльчивый дуэлянт и храбрец готовый спорить по любому поводу хоть с самим королём. Для себя он принимал непростое решение открыться до конца женщине, которая ввергла его в восьмилетний ад либо же забрать их ребёнка и бросив все что связывает с прошлой жизнью, уехать и забыть обо всём. Шоу молча встал и с разведёнными в сторону руками шагнул на встречу этой женщине. Но, он не захотел причинять боли этой женщине.

Люси увидев это приблизилась упала в колени мужу и разрыдалась. В этот светлый осенний день, невзирая на всю мрачность и серость погоды, для этих двоих происходили вещи, которые сбывались впервые: впервые когда-то гордая женщина упала в колени своему мужчине; впервые слишком гордый мужчина пересилил себя и нашел в себе силы на прощение; впервые за прошедшие восемь лет, семья которая существовала на бумаге смогла сойтись и ощутить себя семьёй, как бы не звучало громко, горько и обидно для всех её членов и впервые мать смогла вести себя, как мать, а отец как отец для ребёнка, который был практически лишен детства по глупости обоих родителей.

— Прости... Я не достойна твоего утешения и наверное ты правильно поступишь, если оставишь меня безутешной и такой нищей без тебя и твоей любви... И хотя бы я могла пролить море слёз, всё не была бы достойна твоего утешения.

Шоу просто молчал и гладил её по голове.

— Знаю. Я всё знаю. Знаешь, тяжело простить человека, который умудрился предать дважды: сначала мужа, а потом своего ребёнка...

— Я думала, что это и правда недоразумение, когда Генрих лично выписал ордер на твоё задержание. Он меня уверял, что это временная мера и что когда ситуация с Заговором разрешится, мы тебя выпустим. А потом...

— Потом случилась война.

— Мне сказали, что тюрьма в которой ты сидишь была уничтожена Заговором.

— Так и есть. Но, я тогда выжил и сбежал. А ты решила ему довериться... Посмотри на себя во что ты превратилась?! Во что ты превратила наше с тобой поместье?! Это было моё родовое гнездо! Я тебе всё отдал. Я тебе себя отдал.

В ответ женщина ничего не сказала и продолжила плакать омывая слезами ноги мужчине. Виллем достал большую папку с бумагами и положил на стол возле дивана.

— Вот. Это твоя свобода. Здесь весь компромат на тебя за все годы работы на правительство Генриха. Теперь ты прощена.

— Спасибо... — прошептала Люси, — чем теперь я тебе обязана?

— Ты мать и ты должна растить нашего сына, а не бедняжка Лиса. Ей от этой воны тоже досталось и не мало. А твоя безответственность её всё это время обременяет.

— Хорошо. Я постараюсь.

Сквайр сам с трудом держался от радости встречи с супругой и выпустил скую слезу, затем помог встать ей на ноги и не мог оторвать взгляда.

— Последние семь лет я проводил на пустыре вблизи Гринвича, а до того в застенках Реддинга. Мне тоже непросто описать всего, что пришлось пережить. Но, в сложные минуты жизни, когда жизнь была на волоске я смотрел вот на это, мой свадебный тебе подарок... — он достал из кармана поношенный кулон на верёвке, который протянул девушке. Открыв его, женщина увидела их общее свадебное фото. — Изю дня в день, когда я выходил в лес в поисках еды, когда был подвержен опасности, я молился Богу и брал с собой вот этот кулон в надежде, что когда-нибудь ещё смогу увидеть тебя. И теперь я хочу его оставить тебе потому, что я ухожу.

— Зачем ты снова покидаешь нас? — взволновано девушка посмотрела в глаза мужчине.

— Я слишком много знаю и теперь вам будет со мной опасно находиться рядом.

Девушка смиренно осторожно своей рукой сложила руку мужчины с украшением в кулак. — В таком случае, я вынуждена оставить его тебе. Я не могу принять столь важную для тебя вещь. Ты тоже был всё это время в моём сердце... — Люси вытащила с нагрудного кармана портрет Виллема.

Они снова сблизились и их уста сложились в поцелуе. Затем сквайр обратился с наставлением к малому Ричарду. После этого он обнял и поцеловал сына в лоб и направился к выходу из дома.

— Если мне вернут кулон, значит, мне тебя больше не ждать?

— Да, ты будешь совершенно свободной женщиной. Прощай Люси. Может быть, нам уже никогда не суждено встретиться.

Ранним зимним утром 2064 года в родовом поместье Шоу на Ковент Гарден, 34 никто даже и не думал вставать в выходной день. Всё было тихо и лишь старая Элиза была при деле и готовилась к приезду сына мисс Шоу из колледжа. Около восьми часов она подметала пол на первом этаже. В это время зазвенел звонок в двери и женщина быстро ринулась к двери. Уже как четыре года не было никаких известий от хозяина дома и все надеялись, что ещё немного и он вернётся, но годы шли и надежды не оставалось.

Элиза отворила дверь. На входе стоял механический робо-почтальон, который раздувая пар во дворе, перебирал пачку конвертов. Затем он резко вытащил нужный конверт и передав депешу тут же сунул в руки уведомление, чтобы расписались о получении, что и сделала недоумевая гувернантка.

Люси спала в постели на втором этаже, но чем больше солнце светило ей в лицо, тем меньше ей хотелось спать.

— Мисс Шоу! Мисс Шоу! — воскликнула вбежавшая взволнованная Элиза.

— Да, Элиза. Не видно, что я сплю?!

— Вам письмо.

— Письмо? — спросила госпожа, резко поднявшись с постели и подошла к горничной.

— Да. Здесь написано... Бостон, Штат Массачусетс, США.

— Дай мне его сюда. Возможно это от Виллема, — женщина забрала конверт у гувернантки и принялась его рассматривать, — Ковент Гарден, 34, Лондон, Люси Стоун. Да, это мне...

Распечатав конверт, Люси все стало ясно. В глазах проступили слёзы, и она достала из конверта то самое украшение, которое оставила мужу в день их последней встречи. Вместе с тем, в конверте нашлась коротенькая записка: *«Сеньора Стоун. Человек, который просил меня вам это передать, был похоронен на лазурном берегу Бостонской бухты залива Массачусетс».*

Ален Элаэль

Снежинка (очень взрослая сказка)

Жил был один мужчинка, и жил он на своей собственной маленькой планете. Хорошо у него было, на этой планете: росли яблони и груши, пестрели лужайки с цветами; на грядках росли капуста, морковь и помидоры; в густой листве деревьев весело щебетали птицы. И так как он жил на этой малюсенькой планетке один, то ему всего хватало с избытком. Жаловаться было не на что, и все же, раз за разом, его одолевала тоска, тоска от одиночества. Все чаще он смотрел в ночное небо и видел, как на ближних маленьких планетах, живут его соседи, такие же мужчинки, как и он. На одних планетках было пустынно и тихо, но на некоторых царило веселье, шум и гам. Там он замечал загадочные, прекрасные создания и человечков, очень похожих на самих мужчинок, только очень маленьких. И вот однажды, в начале зимы, под НОВЫЙ ГОД, наш мужчинка понял – должно что-то произойти в его жизни, наступят перемены. Он всю ночь разглядывал звездное небо и соседние планеты, и уже совсем отчаялся увидеть нечто новое, как вдруг на него, от самых звезд, наперегонки с пушистыми снежинками, посыпались искорки, и среди них одна, яркая, красивая, словно золотая - Звезда-снежинка. Она, медленно-медленно, кружа в воздухе, спускалась с небес прямо к нему. Сначала коснулась плеча, затем опустилась в теплую ладонь и... не растаяла. Сердце мужчинки забилось томительно сладко, захотелось прижать золотую снежинку к сердцу и пронести ее с собой через вечность.

«Я люблю тебя», - услышал мужчинка свой внутренний голос и произнес.

- Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ СНЕЖИНКА.

Только он сказал это, как снежинка, сверкнув хрустальными брызгами, скатилась в траву и превратилась в прекрасное существо, каких мужчинка еще не видел.

- Я девочка, - сказала прекрасная незнакомка, - ты правда меня любишь?

- Я не точно знаю, что такое любовь, но я готов жизнь отдать за тебя, ты самое дорогое, что теперь у меня есть.

- И Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, - ответила снежинка, по ее белоснежным щекам разлился пунцовый румянец. – Я давно тебя заметила и выбрала в мужа.

- В мужа? – переспросил мужчинка и нахмурил лоб, соображая. – Теперь я понимаю, кто шумит и веселится на соседних планетах. Это хорошо.

- Это чудесно! Мы тоже будем веселиться! – засмеялась девочка и побежала к цветнику.

Снежинка очень любила тюльпаны.

Их стало двое на маленькой планете, и было им хорошо, они оказались созданы друг для друга. Мужчинка дарил своей девочке цветы, кормил ее

янтарными яблоками и медовыми грушами. Они гуляли в высоких полевых травах, мечтали по ночам, глядя на звезды, и строили планы на будущее. И будущее свершилось. Их стало трое. У них появилась маленькая девочка-снежинка.

- Я посажу новые деревья, - весело сказал мужчик, - нас теперь трое, нужно больше яблок и груш.

- Но где же ты их посадишь? – засомневалась девочка. - У нас нет места на планете для новых деревьев.

- Придется уменьшить лужайку с тюльпанами. Но ведь это ничего, правда, любимая? Главное - побольше яблок!

- Да, наверное, ты прав...- согласилась юная мама Снежинка.

Так они и жили втроем – растили дочь, сажали новые деревья. Яблок требовалось все больше, появлялись новые запросы и нужды. Пришло время, когда лужаек с тюльпанами не осталось, вся планета была в яблонях, они выросли большие-пребольшие и закрыли небо так, что его совсем не стало видно. И только ночью, сквозь густую листву, робко проглядывали звезды. Но хуже всего было то, что деревья плодоносили все меньше и меньше, хотя мужчик делал отчаянные усилия, стараясь возродить яблони. Он не понимал, что происходит, как это преодолеть. Мужчик с тревогой замечал – любимая не та, что раньше, без блеска в глазах, с упрямой складкой в уголках побледневших губ. Печать усталости и вымученности все чаще проявлялась в чертах ее лица, такого близкого и родного. Да и сам мужчик, хотя и был все также крепок, как в юности, потускнел, поседел и был похож стареющего мальчика. И только дочка-снежинка, хорошенькая и ладная, как наливное яблочко, беззаботно порхала по планете, и все же от нее все чаще было слышно:

- Отчего звезд не видно? Почему цветы исчезли? Фу, яблоко не вкусное!

Мужчик понимал – необходимо что-то предпринять и радикально изменить жизнь на планете, чтобы всего было в достатке и звезд, и цветов, и фруктов. Но как, что сделать? Пока он не находил ответа. И он засуетился. Отпиливал у деревьев ветки, копал землю, удобрял, даже срубил несколько яблонь, посчитав их лишними, и разбил на освободившемся клочке земли цветник. Иногда мужчик замечал оживление во взгляде любимой, это придавало ему уверенности, и он с удвоенным рвением принимался за работу.

И снова наступил канун НОВОГО ГОДА.

- Я тебе нравлюсь? – спросила однажды Снежинка любимого.

- Ты мне нравишься... - ответил мужчик любимой в растерянности, сознавая всю неуклюжесть своего ответа. В этот момент он еще не понимал, ЧТО ОНА ДЛЯ НЕГО ЗНАЧИТ.

А на следующее утро, любимая превратилась в прекрасную звездочку, и плавно стала подниматься в рассветное небо. Когда мужчик заметил, что

любимая ускользает, ОН ВСЕ ПОНЯЛ, он побежал за ней, он заплакал, он закричал:

- Прошу, не уходи! Вернись! Я вырублю все яблони! Я засажу планету тюльпанами! А хочешь, мы улетим к звездам! У нас все будет!

- Нет, я так не думаю, мне трудно тебе поверить, я ухожу, - отвечала любимая, тая в сиреновом небе.

- А как же наша планета, наша дочь? – кричал любимый и давился слезами.

- Твоя планета мне не нужна, а наша дочь скоро станет Звездой и покинет тебя и меня.

- Но я не смогу жить без тебя, как нельзя жить без сердца, без души!

- Стань мужчиной,... найди себя, ...возможно, я вернусь ... - голос Звезды-снежинки таял, пропадал ее силуэт. Она исчезла, и лишь золотые искорки еще светились в алеющем небе, освещая след ушедшей звезды.

Пошел снег, белый-белый, чистый-чистый, и стало тихо-тихо. Мужчинка смотрел в светлое небо, пытаясь увидеть... что? он сам не знал – знак, надежду, ответ...

По щекам его стекали теплые, крупные капли. Это таяли на лице снежинки, слезы высохли.

Окурок, банка и луна

"Утверждать, что Луна - мертвое светило только потому, что она не похожа на Землю, мог бы лишь ограниченный ум, воображающий, что он все знает, и осмеливающийся претендовать на то, что наука сказала свое последнее слово".

К.Фламарион

Банка. Обычная, пустая, мягкая банка из-под газированной воды, лениво вращаясь вокруг своей оси, непринужденно бороздила просторы космоса. Более того, у нее был пассажир, в целом такой же обычный, как и сама банка, хотя и с фильтром. Возможно, вы уже догадались, что это сигарета, точнее когда-то это была сигарета, но прожив короткую и огненно-яркую жизнь, она обернулась окурком. Если верить остаткам, некогда красивой надписи у самого фильтра, окурочек принадлежал к гордому племени сигарет «Danhil», а вот банке, в этом смысле, немного не повезло. Она носила простое на слух, в некотором роде даже деревенское имя – «Coca-cola». Банка жутко стеснялась своего имени, комплектовала по этому поводу, и во время немого диалога, представилась окурочку, как напиток под именем «Vodkak». Еще когда она была совсем маленькая, не откупоренная, ну еще на складе, банка видела красивые, хрустальные бутылки с VIP этикетками, на которых было написано - «Vodkak»,

так ей показалось. Вот она и решила, что это загадочное имя, ей, ну очень подходит.

Окурок «Danhil», ни чего не ответил на немое представление банки и продолжал кувыряться на отведенной ему жилплощади. Изредка он поглядывал в отверстие выхода из алюминиевой консервы и ни как не мог понять – стоит ему выбираться наружу или нет. Слишком там было темно. Правда, мелькали некие искорки, не то огоньки сигарет, не то огоньки каких-то... иных огоньков?.. Кроме этого, иногда вспыхивала, заливая бледным светом всю внутренность банки, белая лампа. В любом случае, все эти неясности и кувыркания, здорово беспокоили окурок, но он держался и не подавал виду – нельзя было раскисать перед не известно какой банкой.

Окурок думал о своей жизни, о том, как много он успел повидать и ощутить. Он вспомнил, как родился и впервые увидел свет в просторной зале на конвейере, как его пеленали, как упаковывали вместе с собратьями в тесную коробку, как они томились в ней долгие часы. Он вспомнил миг своего триумфа, когда его освободили, взяли в руки и зажгли.... Тогда он был великолепной сигареткой! Он-она с удовольствием оглядывал небольшую комнату, заполненную приборами, трубами, механизмами, шлангами и еще бог знает чем, и дымил-дымил, горел-горел, лукаво поглядывая на пальцы человека и его губы. Постепенно она, сигаретка, превращалась в него, окурок, но до последнего вздоха она сияла-светила изо всех своих силенок, наслаждаясь свободой и продуктом распада горения! Во имя чего?... - не важно. Почему-то казалось, что так будет теперь всегда, но старость, дряхлая старуха старость с кривой клюкой, приперлась и дала ему по башке. Вначале его тыкали мордой в блюдце, а затем бросили в пустую банку. Короче он потух, несмотря на все свои старания разгореться вновь. Там где он очутился, было сыро и пахло какой-то дрянью, названия которой он не смог придумать. Но жизнь на этом не заканчивалась, она продолжалась, и окурком можно не плохо устроиться. Кто знает, возможно, придет то время, когда он вновь станет кому-то нужен, когда его способности и возможности вновь востребуются? Да, тогда его достанут из банки и Вот поэтому лучше оставаться на месте и ни куда не уходить.

Так, или примерно так думал окурок, совершенствуя нехитрые кульбиты во вращающейся банке из-под колы.

А вот банку занимали совершенно иные мысли. Первый и единственный вопрос, который у нее возник, когда она ощутила простор небытия это – «Куда я попала?»...

Сколько консерва не вглядывалась в черноту космоса, в сияние звезд, в слепящий свет золотого диска или ровное, белесое свечение огромной неоновой лампы, почему-то с синим горбом, банка, ну ни как не могла понять – «Куда же она попала?», но то, что попала, это было ясно.

Тут, казалось, не существует ни времени, ни чего-либо вообще. Банка физически ощущала, как она уже целую вечность, плывет неизвестно где, но

все бестолку. Иногда она подумывала – « Да, ну и попала же я...», а иногда – «Попала, ну и чо, чего уж теперь...». И все же, ее все больше тревожило отсутствие чего-то реального, конкретного в этом просторе, уж больно кругом пусто. Лишь один раз, мимо нее пролетело нечто, чему и названия дать нельзя – так, черти что и с боку бантик. Банка внутренне посмеивалась, глядя в след удаляющейся фиговине.

Периодически консерва так вспоминала о своем содержимом - о пассажирах, и тогда заводила с ним молчаливую беседу: «А как Вы сюда попали? А Вы кто? Ну и как Вам то, что мы сюда попали? И куда же это мы попали?... Нет! Вы посмотрите – КАК МЫ ПОПАЛИ!!!.. Думаю это здорово, что мы так попали. А Вы как думаете? Да вы кто такой собственно и как сюда попали?», и т.д. и т.п.

Окуроч мужественно помалкивал, углубленный в свои, не менее жизне-трепещущие размышления. Да и что он мог ответить этой банке, красноречивую тираду которой, совершенно невозможно было понять.

А банка, устав, от одолевающих ее вопросов снова погружалась в созерцание сверкающего вакуума до следующего раза, пока ей опять не захочется поговорить.

Время тянулось, как бесконечная жвачка «Orbit» и банку все более одолевали тревоги и сомнения, они нарастали, как снежный ком - главный вопрос момента так и не был разрешен. Она уже начинала успокаивать саму себя – дескать, ну попала и что, пройдет когда-нибудь, рассосется, улетучится, как пузырьки газа. Но что будет после, когда она узнает, куда попала? Этот вопрос, банка старалась гнать от себя, не хватало ей еще и этой головной боли.

Вот так, мятая банка из под колы, и окуроч данхил, став, на какое-то время, самыми близкими друг другу существами, практически чудесным образом попав в пространство космоса, неспешно пролетали километр за километром, оседлав собственную орбиту на подступах к Луне. Сколько бы еще продолжались их мытарства и молчаливо страстные диалоги, не известно, если бы не одно обстоятельство.

Песчинка. Мельчайшая часть - физически ощущаемая частичка вселенского мироздания. В подобных, заключены взлеты и падения миров и цивилизаций, сама природа, в общем, извечная всесветная суeta. Окуроч и банка также являются частью этого мира, возможно не лучшей, но неотъемлемой. Разница между ними и песчинкой космоса огромна, и все же они родственники. Только песчинка дитя природы, а банка и окуроч принадлежат разуму. Но, к сожалению, не все, что касается разума, разумно.

Песчинка неслась к своей цели. Когда-то и она составляла часть чего-то колоссально большого, а за долгую, насчитывающую миллиарды лет жизнь, кем она только не была, всех и не упомнишь, однако практически вся таблица химических элементов, представлена в ее биографии довольно полно. На нынешнем этапе своей жизни, песчинка, должна была вскоре упасть на эту,

отливающую мертвенно бледным светом, планету, но оказавшийся на ее пути продукт разума, несколько отсрочил это событие.

Банка, получив чувствительный толчок по касательной к своему мятому боку, изменила траекторию полета и скорость вращения. Более того, у нее появились две, сквозных, малюсеньких дырочки. Что это было, консерва не поняла, но у нее хватило ума понять, что в нее кто попал. Вопрос «И кто это в меня попал?», на время полностью захватил ее алюминиевое существо, а остальные проблемы отошли на задний план.

Окурок долго не мог уяснить, в чем дело. Он вдруг стал кувыряться в иную сторону и угрожающе близко продвинулся к отверстию выхода. Теперь, свет белой лампы мелькал чаще. Наконец до него дошло – что-то изменилось и продолжало меняться, он это ощущал по тому, как неуклонно продвигается его невесомое тело, к зияющей черноте выхода. Настал момент, и окурок ткнулся в стенку, где находилась щель. Лампу он больше не видел, она пропала из поля зрения, и лишь всполохи белого света, говорили о том, что ее еще не выключили. Бывшую сигарету, от всего этого, почему-то охватила досада. Долгое время окурок мерился с новым положением, но все же, оно ему наскучило и, проявив недюжинную ловкость и упорство, он смог его изменить. Задев внутренний край вмятины консервы, окурок получил легкий толчок и плавно направился точно в отверстие выхода. Еще до конца не осознавая, последствия своего поступка, он не знал – радоваться этому или нет.

«По-моему, я ее теряю...» - думал окурок, вылетая из банки наружу.

«Ва-у! – думала банка, - он из меня вылетает!».

Какое-то время они летели рядом. Видя друг друга во всей, не прикрытой красе, бывшие союзники по неволе, хранили упорное молчание, и каждый думал о своем.

«Да это простая газировка, была », - думал окурок.

«Фи, какой маленький! А молчал, молчал – ну прям, как большой!» - думала банка.

С этими мыслями они и разлетались, навсегда теряя, связующую их нить. Окурок еще долго с возмущением вспоминал - ему пришлось делить кров с обыкновенной газ-водой, а банка негодовала от того, что ее попутчик оказался таким – плюгавеньким! Больше они не встретились.

Однако продолжали лететь рядом, расстояние между ними, незначительно, но, все же увеличивалось. Потеряв, физический контакт, бывшие «союзники» в упор не замечали друг друга, будто их и не существовало. Зато гигантское, неоновое свечение, разлилось во все стороны, обрело четкие контуры песчано-каменистой поверхности и, казалось, совершенно недалеко, проплы-вало под ними. Такую массу, поделившую пространство на верх и низ, пустоту и твердь, просто не возможно было не заметить. И окурок, и банка, видя поступательное увеличение каменистой terra

incognita, готовились ее встретить, каждый по-своему. То, что они упадут на эту неприветливую землю, у них не оставалось сомнений.

Банку теперь волновало, как она будет выглядеть среди обломков темно-серой породы, на фоне ярко освещенного песка, пепельно-бурого цвета. Достаточно ли изящно и красочно? Не будет ли ее загораживать, чья-то тень? Не попадет ли она, на какую-нибудь помойку, где неучи, не смогут по достоинству оценить ее формы и масть?

А окурок, совершая осторожные вращательные движения, высматривал – нет ли кого, кому он смог бы составить теплую компанию. Пусть это даже будут, самые простенькие окурки или еще какие полуфабрикаты. Почему полуфабрикаты? Окурок и сам себе объяснить не мог. Ему, думалось, что в этом понятии, заключается некая надежда на будущее, эдакая, нерастраченность. Во всяком случае, что-то о помойках и полуфабрикатах он слышал еще тогда, когда дымил-горел; поэтому встреча с чем-то подобным, вселяла веру и надежду на лучшее, в отличие от одинокого прозябания в пустоте полета.

Ни кто не знает, сколько прошло времени, но банка и окурок, в конце концов, неслышно опустились на безжизненную почву Луны. Возможно, миновало несколько часов, как они выпали из мусороприемника орбитального корабля, может быть пара дней, а то и целый год. Важно лишь то, что они достигли, хотя бы и этой цели.

Прилунились «земляне», по обе стороны небольшого скального обломка, угольно-серого цвета. С банкой, это произошло чуть раньше, чем с окурком. Она деформировалась самую малость, при ударе о поверхность, и стала еще больше походить на гармошку. Вокруг себя, банка подняла легкое облачко серой пыли, которая медленно, радиальными кругами, разлеталась в стороны. Место посадки банке понравилось. Консерва выгодно прорисовывалась на темном фоне камня, приковывая к себе все возможные взгляды, которые только могли возникнуть в округе. Ни чего подобного ей, красочного, в пределах видимости банки, не наблюдалось. Несколько посетовав

на то, что сократилась в размере, она успокоилась и изредка покрикивала в пустоту, призывая обратить на себя чье бы то ни было внимание – «Ва-у! Посмотрите сюда! Кто к вам попал! ... Ва-у! Это я – Водкак!».

А окурок, опустившись в пыль в метре от банки, по другую сторону валуна, обреченно замер. Он лежал и принюхивался, и прислушивался к окружающему миру и понимал – надеждам его, в ближайшее время, не суждено будет сбыться. Он одинок, хотя и укутан заботливо толстым слоем пылинок. Ни чего более не оставалось, как обратить свой взор к черному небу, испещренному искорками огоньков, и ждать, когда они потухнут, и осыпятся веселым дождем окурков рядом с ним. «Теоретически, на это можно потратить целую вечность...» - подумал окурок и настроился на бесконечное созерцание, сверкающей пустоты.

Того, кто приблизился к окурку и банке, нельзя было назвать тенью или облаком, порывом ветра или лучом незримого света. Это было существо иной стихии, иной материи, другого мировосприятия, но все же существо природы этой вселенной. Невидимые и неслышимые для людей и других белковых обитателей Земли, они, однако, имели возможность наблюдать все, что происходит и на этой планете, и вокруг нее, и на Луне. И нужно сказать, что многое из того, что они видели в социуме существ, называющих себя человек разумный, им не нравилось. Особенно то, что происходило в течение последнего века, когда деятельность людей значительно усилилась и повлекла за собой нарастание негативных факторов и для самой Земли и для Луны. Планета людей явно переживала не лучшие времена, нарывы боли и негодования, то и дело прорывались у нее спазмами буйства природных стихий. Так она реагировала на грубое вторжение и насильственное изменение сути и порядка естественных явлений, на засоренность пространства отрицательной информацией. Земле приходилось прилагать все большие усилия, чтобы хоть как-то очищать свою энергетику. И тут возникал парадокс – люди, являясь частью организма планеты, очищались вместе с ней так же, как и она, через боль и страдание. Но часто боль порождала злобу, а та, в свою очередь, новую боль и так без конца; и человек разумный никак не мог остановиться в этом изнуряющем марафоне добра и зла.

Невидимки, долгое время не вникали в людскую жизнь, так как не было общих точек соприкосновения, но человек все упорнее коптил небо, травил и «жарил» землю, а в итоге выпустил на волю ядерного джина. Потому и настал момент и незримые существа покинули Землю и полностью переселились на Луну. Но еще задолго до этого, очень давно, миллиард лет назад, предки невидимок пришли на Землю с Луны. В те времена, бледный спутник, все более превращался в безжизненную пустыню, а Земля, наоборот, оживала и хорошела. От одной из ветвей этих существ, тогда и пошло развитие человека умелого. Это было большим шагом и смелостью со стороны невидимых, обрекающих себя и своих потомков на тяготы и тернии физического единения с миром реальной природы; предвидеть последствия этого шага было не возможно.

Невидимый застыл над валуном, рядом с которым появились очередные следы жизнедеятельности человека. Поняв, что они относятся к разряду отходов, существо тяжело «вздохнуло» и полетело прочь в направлении скалистой горы, которой, сами невидимые, дали красивое имя – Пик Судеб. По пути ему попадались пластиковые и металлические контейнеры, куски проводов, разнообразные обертки и прочий мусор, недостойный того, чтобы о нем упоминали. С некоторых пор, подобных точек сброса людского «балласта» становилось все больше. Человек семимильными шагами «осваивал» Луну и околоземное пространство, но то, как это осуществлялось,

невидимкам не нравилось. Невидимый приблизился к пику и начал подъем вверх. Там, на высоте, уже собрались все его сородичи, селениты ждали только его.

Совсем скоро, Пик Судеб замерцал в ореоле слабого фиолетового свечения. В несколько секунд оно усилилось, сконцентрировалось в горящий золотой шар, сорвалось с Пика и, лучом света, устремилось в бездну космоса. Незримые неслись к сияющей красноватой звездочке. Марс, был на пути невидимок.

Возглас восхищения так и не сорвался с «уст» банки, когда она наблюдала за свечением на скалистых выступах сверкающей горы. «Подумаешь, сверкает! - пробубнила она. – А теперь все смотрим на меня, на ко-ку..., в смысле на Водкаку!» - неслышно вопила пустая мятая консерва, словно стремилась сорвать с места сам вакуум.

Окуроч, видя над собой яркую вспышку, встрепенул. Ему вдруг представилось, что и его скоро зажгут. Он возбужденно поглядывал по сторонам сквозь тонкий слой лунной пыли и удрученно вопрошал: «Ну? Ну, где же вы? Я здесь, посмотрите! Я тут один такой! Неужели меня не видно!?». Окуроч, разумеется, ошибался, он здесь был не единственный, но это не имело ни малейшего значения для осиротевшей Луны. Глухо поворчав в глубине своей утробы, она затихла и приготовилась ждать – что дальше? За долгую жизнь планета накопила огромный запас терпения, ее покой наруша-ли только метеориты всех мастей, но теперь селениты ушли окончательно, пришел человек. Так что же будет дальше???

Снежная история /из жизни одного сибиряка/

« И все-таки, она вертится».

Дж. Бруно.

Эта, воистину судьбоносная для меня история, произошла в, ставшие уже далекими, я бы сказал классические, семидесятые. И главным действующим лицом, разумеется, являюсь я и ..., но об этом позже.

В те годы, я – это молодой человек, а проще сказать мальчишка, как меня тогда называли тетушки, бабушки и дяди в общественном транспорте. В действительности так оно и было, ведь и в пятнадцать, и в шестнадцать лет, мы все же еще дети. И хотя в те времена взрослеть мы не спешили, однако лет с четырнадцати, почему-то, непременно хотелось побыстрее вырасти, стать независимым и, наконец, всесторонне познать: что же это такое – девушка, женщина, любовь. Конечно, у каждого из нас, мальчишек, к пятнадцати годам уже был свой определенный багаж влюбленности, куда входили детсадовские симпатии, первые школьные, вторые и третьи любви.

Ален Элаэль «Снежная история /из жизни одного сибиряка/»

Все они по понятным причинам вспыхивали в свое время и благополучно угасали; и только единицы дружили едва ли не с ясельного периода по десятый класс. Но лично у меня, уже третий год, был на удивление бесчувственный период в жизни, что и вызывало, изредка, приступы необъяснимой тоски.

Был канун старого-нового года, суббота. Я, девятиклассник, в меланхолическом одиночестве, блуждаю по вечернему, сибирскому городу Томску. Отгремели новогодние куранты, люди успешно отпраздновали вступление в новый 1978 год; с экранов черно-белых телевизоров, как и положено, отрапортовано об успехах в построении социализма; трудовая пятилетка полным ходом форсирует пространство и время. Все массовые новогодние мероприятия только закончились, да и школьные каникулы прошли, но праздничное настроение все еще витает в воздухе. Эта чудесная атмосфера очень хорошо передана в любимых народом фильмах, таких как «Ирония судьбы» и «Зигзаг удачи», а ведь действительно так оно и было ...

Иду я мимо светящихся витрин магазинов, разрисованных снеговиками и дедами морозами, ловлю ресницами крупные снежинки, невесомо падающие из глубины небес, сдуваю особо щекотливые со щёк, мелькают прохожие. Многие из них сегодня по второму разу встретят новый год, и проводят старый. Лица многих сияют в предвкушении продолжения праздника. Из окон на первом этаже доносится детская песенка: «Маленькой елочке холодно зимой, из лесу елочку взяли мы домой...», машинально я тоже начинаю напевать добрый мотивчик. Вдруг, навстречу мне, из темной подворотни, выбегает мужчина в костюме деда мороза и устремляется вдоль по улице. Следом за ним появляется снегурочка с полупустым красным мешком для подарков, она кричит деду морозу: «Коля, куда ты? погоди!», на что Коля в сердцах, отплевываясь от густой, накладной бороды отвечает: «К елкам-палкам, в лес густой, буду снова холостой!». «Ты не правильно все понял!» - визжит в ответ снегурочка, но дед мороз продолжает бегство и снегурочка ойкая, устремляется за ним. Но это еще не все, появляется пьяненький снеговик в костюме мужчины или наоборот, нетрезвый мужчина в костюме снеговика, понять трудно так, как костюм его весьма своеобразен. Так вот этот снеговик орет на всю улицу: «Николай! Так не-не-не правильно! А она правильно - но говорит, а ты не правильно понял! Понял?!». «Когда разберитесь, что правильно, а что неправильно, меня позовете!» - отвечает Коля и скрывается за углом; снеговик, пытаясь, путаясь в костюме, пускается в погоню. «Не иначе любовь», - думаю я и продолжаю свой путь.

Выхожу на площадь. С одной ее стороны стоит огромная ель, украшенная мигающими цветными лампочками, с другой памятник В.И. Ленину. Сам «Ильич», как и положено, в компании живых, голубых елей. Но эти - суровые, без украшений, словно стражи порядка в серо-голубых мундирах. Со стороны новогодней ели доносится детский смех, шум-гам. Там большая деревянная горка, фанерные теремки, качели. Ребятня веселится, а с ними и взрослые.

Вновь слышна песенка про елочку и как ей холодно зимой. Я прохожу мимо памятника Ленину и замечаю трех ребятишек, лет пяти-шести, а недалеко в сторонке стоят три мамы с санками. Детишки, взявшись за руки, бродят между голубых елей и выразительно поют: «В лесу родилась елочка, в лесу она росла, зимой и летом стройная, зеленая была...». Вот они подходят к памятнику вождю мирового пролетариата, останавливаются и замолкают. Здрава головы, смотрят на монумент, а потом один из детишек говорит: «И дедушке Ленину споем», - остальные согласно кивают головами, и ребяшня начинает петь заново. Этот эпизод вызывает у меня улыбку, но на душе грустно и одиноко. Я пересекаю площадь и иду к трамвайной остановке. Прохожу мимо ели, светящейся разноцветными огнями, тут стоят пеньки различной формы, вокруг них бегают дети, а один малыш, самый маленький, еще младше тех, идеологически подкованных, что пели песенку Ильичу, переползает с пенька на пенек и бормочет: «Пойду в лесок и на пенек я сяду попой... ам блинок!», и так на каждом. От этой смешной фразы становится чуточку веселее, решаю заехать к другу и провести у него остаток вечера.

Трамвай трогается от остановки, сквозь оттаявшее пятнышко на оконном стекле, я смотрю на, залитую золотым светом уличных фонарей, площадь. Народ гуляет, завтра суббота. Вагон стучит колесами, пассажиров мало, кондукторша клюет носом на своем сиденье. Внезапно раздается пьяненький голосок — это мелкий мужичонка очнулся на одном из передних сидений и запел, и тоже про елочку, которой по-прежнему холодно. Через остановку он выходит, без посторонней помощи, и воодушевленно продолжает петь на улице. Тут мне приходит на ум, что тема елочки, леса и их производных, в этот вечер, назойливо теревит мой слух. Я вспоминаю последовательно все события последнего часа и насчитываю, что всего семь раз елочка и лес, зазывали меня в свои сети ... Знаковое число. Однако пока я предавался размышлениям, то не заметил, как проехал свою остановку, в вагоне осталось всего два человека, я и кондуктор. А вот и конечная станция, южная окраина города. Прямо отсюда начинается лес, это одно из излюбленных мест горожан для зимнего отдыха: множество лыжных трас, горки, рядом река Томь, скованная панцирем льда.

Мысль моя еще не до конца оформилась, но я уже вышел из трамвая и направился в сторону березовой рощи, своего рода лесной прихожей. По пути я понимаю, что мне необходимо добыть свое одиночество, оказавшись один на один с самим собой в глухом лесу. Время еще детское, всего девятнадцать часов и я успею к десяти вернуться домой. Поброжу в глуши, в тиши и назад.

Иду. Снег весело скрипит под ногами, мороз не сильный, не больше пятнадцати градусов. Ополовиненная Луна играет в прятки с облаками, несущимися по звездному небу; березы, призрачными, стройными тенями, мелькают нескончаемыми рядами; шум города становится все тише, его огни теряются за лесным частоколом. Вот я миновал белоствольных красавиц, это значит, что я прошел с километр, начались сосны. Иду по утоптанной дорожке, рядом еле виднеется лыжная полоса. Завтра масса народа заполнит пространство леса, облепит горки. Кто-то ломает лыжу, погнет санки, кто-то

отморозит щеки, но в целом все будут довольны. Но это будет завтра, а сейчас я здесь один, пройду еще немного и поверну назад. Впереди замечая грубо сколоченную скамейку под соснами, подхожу к ней, смахиваю снег, и сажусь.

Вспоминаю стишок про блинок. Да перекусить было бы не плохо; зачерпываю горсть снега и пробую на вкус. Вспоминается далекое детство; как меня ругала мама, когда я ел снег... Тишина, только где-то вдалеке идет скорый поезд. Луна по-прежнему льет неровный свет, силуэты деревьев то резко проявляются, то пропадают. В голову лезут дурацкие мысли об одиночестве, невезухе... Упиваюсь своей тоской. Вдруг поднимаю взор к небу, вижу в разрывах туч озорные звезды и кричу: «Дед мороз! Если ты есть! Пошли мне ее ... эту любовь!». Мой вопль отдается звонким коротким эхом, я замираю, а через несколько секунд, как дурачок закатываюсь со смеху. Становится легче, даже появляется уверенность... в чем-то. Сажусь дальше, прислушиваюсь, приглядываюсь. Ни чего, ни кого. Кроме деревьев, меня никто не слышал, но почему тогда возникает странное чувство, что на меня смотрят? Шарю глазами по темноте в тревожной надежде, на что, не знаю. Видимо само одиночество смотрит на меня из темноты. Становится жутковато, чувствую себя неуютно. Еще секунда и на меня, сверху, обрушивается удар. Подскакиваю от испуга и бросаюсь, через сугробы, обратно в город. Уже выскочив на утоптанную дорожку, понимаю, что приютил на голову пласт снега с сосны Но ведь кто-то его стронул, или что-то?

Кровь стучит в висках, бегу дальше не оглядываясь, уже видна березовая роща, мелькает свет фонарей. Вдруг прямо передо мной, метрах в двадцати, ствол одной из берез расщепляется на две части и меньшая часть начинает удаляться. Выброс адреналина дает о себе знать и сердце гулко стучит в грудную клетку Сбавив ход, я понимаю что, впереди, ойкая и ахая, бежит человек, это женщина, точнее девушка. Чуть отстав, тем не менее, бегу за ней. Она тоже чем-то напугана; я оглядываюсь по сторонам, но кроме смутных силуэтов берез ничего не вижу.... Тут до меня доходит, что испугалась она меня. Но вот рощица редет и мы, один за другим, выскакиваем к дороге и ... несемся дальше. На остановку подходит трамвай. Уже недалеко от остановки я догоняю девушку, она поскальзывается и начинает падать, я ее подхватываю, не даю упасть, но шлепаюсь сам.

Она неуверенно бежит дальше, к трамваю, но останавливается и оборачивается ко мне.... В свете фонарей, в белом пальто и пушистой белой шапке, она похожа на сказочную снегурочку. «Бегите, бегите, - говорю я, подымаясь, - трамвай держите, я все равно Вас догоню». Спустя минуту, мы, раскрасневшиеся, сидим в теплом вагоне, бросаем, друг на друга, смущенные взгляды и улыбаемся во все тридцать два зуба...

Вот так, убегая от страха, я догнал свою любовь, Снежану.

P.S. В березовую рощу, Снежана приходила по той же причине, что и я. Похоже, Дед Мороз, все-таки, существует...

А-а-алмера /фантастическая история/

Я впервые увидел ее мельком, полгода назад. Ехал на троллейбусе с работы, а она стояла напротив сверкающей витрины ювелирного магазина. В темном стекле отражался ее силуэт, увешенный серебром и золотом, что украшало выставку витрины. «Симпатичная, словно восточная женщина» - успел подумать я, и потерял ее из виду. Троллейбус, свернул за угол. А вчера, я увидел ее напротив своего дома! Меня будто молнией шваркнуло по голове. Я замер у окна, завернувшись в занавеску. Сердце в моей груди, от чего-то, забилось часто-часто; пульс в рекордное время зашкалил разумные пределы. А она, изящная, блестящая, стояла у калитки соседского коттеджа и словно что-то ждала. Я через силу оторвался от окна и ушел на кухню: успокоиться, попить чаю, кофе, молока, поесть бутербродов, выкурить сигарет. Прошло не более получаса, мое тело и мозги вернулись в привычную, комфортную фазу житейского существования и я уже было подумал, что она мне привиделась, или я в очередной раз, что-то напутал. Равнодушно обмахиваясь сломанным детским веером, собственностью моей дочурки, я неспешно подошел к окну и, как бы невзначай, сдвинул занавеску... Организм мой издал внутренний вопль! Та, о ком подсознание мое, и это, очевидно, грезило уже около полугода, причем, умело, скрывая это от сознания, была уже во дворе соседа, у самого крыльца его роскошного, слегка выпендрёжного коттеджа. «Боже! Она его?... - подумал я, задерживая занавеску, и рухнул на диван, - Но, по-моему... по-моему, она мне подмигнула, или это я ей подмигнул? Но как же так, она здесь? Неужели?...». Да, я не хотел думать на эту тему, это было выше моих сил. Я вновь отправился на кухню - есть бутерброды, пить чай, ну и все остальное. Остаток дня прошел мрачно, по моей вине. Ничто не могло меня отвлечь от того, о чем я старался не думать. Сознание было против предательских фантазий, но подсознание не сдавалось, и упорно подсовывало образ, что взбудоражил все мое существо. В итоге, существо весь вечер дулось, сердилось и в целом вело себя очень плохо – не поиграло с дочуркой в покемошек, и стеклянными глазами смотрело на жену, совершенно не вникая в то, о чем она говорит; впрочем, такое случалось довольно часто. Анна, заметив мое нетутовое состояние, пыталась шутливо выяснить, что у меня с крышей, то есть с головой. Я ответил грубо и резко и окончательно испортил вечер. А была суббота. Девчонки, расстроенные папой-букой ушли спать раньше обычного; я остался один и пилился в болтливый музыкальный ящик. Показывали очередной боевик в сюжете, которого я и не пытался разобраться. Переключив телек на второй канал, попал на «спокойной ночи малыши» и, убавив звук, заглянул на кухню за молоком с пряниками.

Я жевал мятные пряники, запивал их молоком, смотрел спокиноки и глотал предательские слезы. Толчками они наворачивались на глаза и нагло

бороздили мои щеки. «Ну по-че-му?! Почему я не решился раньше, когда у меня были возможности? Вероятно, и сама жизнь моя сложилась бы совершенно иначе, растратился на пустяки.... Не судьба». Я представил себя со стороны – в крошках, с молоком на губах, в слезах, в трусах по колено и стоптанных тапочках... «Нет, такие штучки не про меня, или...» - очередная каверзная мысль прорвалась из застенков подсознания, и подкинула меня с кресла. Появилась слабая надежда, что это некая ошибка, вроде как ошиблись адресом. В комнате было темно, и меня не могли заметить с улицы, но все же, я на цыпочках подкрался к окну и осторожно отвел в сторону край занавески. «И все же, это - правда!?» - я едва не задохнулся от удивления, негодования, разочарования и еще бог знает чего. Она все также стояла у крыльца халупы соседа, освещенная тусклым светом уличного фонаря, такая печальная-печальная, как бы задумчивая. Морозящий дождик выгодно подчеркивал ее изящный силуэт; я заскрежетал зубами, подсознание окончательно взяло верх. Сознание забилося в дальнюю, темную кладовку мозга и затерялось среди обрывков мыслей и давнишних воспоминаний. Мне даже как будто послышалось – «Кончилась ваша власть!», и тишина... И я понял – «Нужно действовать, действовать, действовать», - прошептал я нелегальным полупшепотом и как был в рубаше, трусах и тапках, вышел в сырую ночь.

Тишь, мокрь, неровный свет фонаря, она и я, и пустота, и нет больше никого на этом свете! Я тараном, не помню как, не знаю где, прошел сквозь соседский забор и оказался рядом с желанной. Да, это была она, моя мечта, теперь я мог себе в этом свободно признаться.

Она смотрела на меня своими изумленными,... да именно изумленными и именно очами, и ждала – что дальше. Я, было, что-то забормотал, типа - «Ты здесь одна, и я один...», и замолчал – слова не к месту. Приблизившись вплотную, я ощутил ее тепло, и волны неизведанного блаженства прибоем пробежались по моему телу; мурашки вдогонку друг за дружкой покатались от самой макушки и скрылись где-то в пятках и между пальцами ног. Я нежно прижался к любимой и тоскливо застонал. Она чуть качнулась, она отвечала мне взаимностью! Вся такая нежная, «к поцелуям зовущая». Я лизнул ее в лоб и ощутил сладковатый, химический привкус. «Ты блаженство, солнышко мое», - выдохнул я утробно и стал опускаться на колени. Она резко распахнулась.... С дикой жадностью вдыхал я запах ее кожи и аромат дезодоранта. «Нис-нисси...», - бормотал я, проникая в нее все глубже, и нащупывая пальцами впуклости, выпуклости и прочие штучки.... Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я повернул голову... Я поднял голову.... Я разлепил веки. Я поднял взгляд - жена.

- Анна? – Моя жена, с хмурым видом, стояла рядом со мной в ночной рубашке. – Ты почему здесь и раздета? – промямлил я, смахивая пряничные крошки с лица.

- То есть? Я у себя дома и сейчас ночь.

- Да... конечно. А я заснул, понимаешь, - мои руки отчаянно терли глаза, окончательно уничтожая паутину сна.

- Ага, заснул! Только что это за Алмера, которую ты, звал во сне и называл своим солнышком, - горящий взгляд и голос Аннушки не предвещал ни чего хорошего.

- Я? Звал Алмеру с солнышком? – с трудом ворочались мои мозги, возвращая власть сознанию.

- Ты! И так нежно – нис-ниса-уси-пуси- Алмера, - съязвила жена.

- Нисса-нисса? – переспросил я и... вспомнил свой сон. – О-о-о! Господя, ты божеш, ты ж мой! – Всплеснул я руками и вскочил с кресла. В два шага подлетев к окну, я отдернул занавеску. – Вот кто мне снился! ВОТ ОНА! – возмутитель спокойствия твоего мужа! – рука моя страстно обличала машину удачливого соседа, блестящую в свете Луны и звезд.

- И звать ее – NISSAN ALMERA! Это – МА-ШИ-НА...

Взгляд Анны изменился, потеплел, и она улыбнулась. Я оглянулся на нисси. Толи мне показалось, толи она действительно мне подмигнула?

Точка возврата

Куда уходит детство?...

Человек бежал по тоннелю. Далеко впереди маячил проход разветвления; сколько еще таких проходов, ответвлений, тупиков, параллельных ходов будет, он не знал. Не знал он и где находится *точка отсчета*, иными словами выход на базу, из этого, сияющего надоедливо синим светом, лабиринта, суть которого - переплетение пространственно-временных коридоров. Здесь не было ни низа, ни верха; направления сбивались из стороны в сторону и если ты ушел в право, то через секунду могло оказаться, что забираешь влево. Понятие вперед и назад, также было весьма условным.

Человек был одет в легкий скафандр общего типа, предназначенный для туристических прогулок в средах категории «С», в левой руке он сжимал легкий плазменный разрядник, в просторечье бластер. Только что человек бежал, как ему казалось, обычным манером, но тоннель несколько ушел в сторону, и его перевернуло с ног на голову. Организм тут же перестроился, внес поправки в систему координации, и все встало на свои места, будто и не было этого перевертыша. В любом случае, в хаосе сплетения пространственно-временных проходов, не существовало постоянной системы координат, относительно которой можно было рассматривать свое положение; здесь нужны лишь *личностные точки – отсчета, прибытия, возврата*; только они дают власть над этой путаницей.

Человек уже долгое время трамбовал мягкими подошвами полиуретановых башмаков, нескончаемые коридоры, им все сильнее

овладевало уныние и безысходность, но он не сдавался. Рано или поздно выход найдется, пусть на это уйдет целая вечность, ему теперь спешить не куда, лишь бы не сойти с ума, от этой мерцающей синим, прозрачной паутины тоннелей. Человек остановился, поднял правую руку, посмотрел на дисплей определения бодикомпа и нажал кнопку ввода. Выскочили лишние два ноля, говорящие о неточности в системе *личностных точек*, дисплей засветился красным светом. Человек ввел новые данные в систему, с некоторой поправкой согласно уравнения Коппера, теоретика ПВК....

Дисплей продолжал гореть красным. Со стоном отчаяния человек прислонился к плазмотроидной стене тоннеля и «обтек» на пол. Пол поменялся местами с потолком и человек пару секунд, будто висел вниз головой, он прикрыл глаза и решил немного отвлечься.... Человек вспомнил свое путешествие в эпоху позднего палеолита, как он спас древних людей, ауриганских охотников, от лап пещерного льва.

Гигант удирал с подпаленным кончиком хвоста. Но, возможно, он в большей степени испугался внезапного появления невиданного серебристого существа, тем более что само его появление, сопровождалось резким хлопком. Это нужно было видеть! Человек усмехнулся, вспомнились лица аборигенов; их выражения он, наверное, не забудет ни когда. Охотники замерли в невероятных позах. Они стояли по щиколотку в мокром снегу, среди заскорузлых стволов древних пихт, густо обросших губчатым мхом и гирляндами серого лишайника. Древние люди раскинули в стороны в изгибе руки, удерживая в них дубинки и примитивные копья. Их было всего трое, вряд ли бы они справились с саблезубым хищником; какая нужда заставила столкнуться такую малую группу охотников с пещерным львом, можно было только догадываться.

В лесном предгорье повисла знойная тишина. Изредка, ее нарушали одинокие вопли невидимой птицы, возможно дальнего родственника вороны. Воздух был пропитан влагой, стойким запахом хвои и мокрого дерева. В низине, будто око колодца, чернело озеро, укутанное в саван белесого тумана. Падал теплый снег. Снежинки касались воды и тут же исчезали, уходя в иной мир, в другую жизнь. Зимняя стужа отступила далеко на север, сдавая свои позиции наступающим теплым ветрам, и всё далее забирая с собой, тающий с каждым днем, ледник. Когда-то он покрывал большую часть Европы, а теперь, далеко на северо-западе, на самом горизонте, сливаясь с серой каемкой неба, голубела его бледная полоска, истекающая тысячами потоков мутных ручьев. И хотя небо, укутанное пушисто-серой, облачной шалью, роняло густые грозди крупных снежинок, одна из многочисленных весен постледниковой эпохи, эпохи аллювий, набирала обороты. А льдистые пушинки, словно посланники звезд, медленно кружились в фантастически причудливом танце, совершенно не заботясь о том, что их ждет.

Застывшие охотники, не смели пошевелиться, они видимо изображали из себя деревья, в надежде обмануть невиданного пришельца.... И действительно в чем-то, они были с ними схожи: те же черно-коричневые цвета - руки-ветки с продолжением древков коротких дротиков и суковатых дубинок. Один из охотников держался рукой за ветку рядом стоящей ели. Издалека, замерших древних людей, сложно было разглядеть в этой толчее хвойных деревьев, а медленно, невесомо падающий снег еще более скрывал их от посторонних глаз. Снежинки, словно тормозили течение времени, сговорившись не спешить к земле, и оно будто воистину умерило свой ход, наслаждаясь тишиной и покоем. И тем более фантастично выглядело, на фоне доисторического леса, серебристое существо, плавно скользящее сквозь белые хлопья. Человек, используя функцию скафандра «гравиаир». Он медленно, не касаясь земли, приближался к охотникам. Облетел каждого из древних людей, внимательно вглядываясь в их напряженные фигуры, одежду, лица. Человек увидел и отметил все, что ему было нужно. Он видел их бородатые, будто вырезанные из дерева, лики; набухшие вены на раскинутых руках; настороженные взгляды, в которых, к удивлению человека, не было ни страха, ни любопытства, а только одно – терпеливое ожидание. Человек остановился в двух шагах от аборигена, тот будто превратился в каменное изваяние. Снежинки, щедро осыпали его голову, плечи и таяли, превращаясь в прозрачные капельки. Тонкими струйками они стекали по рыжим волосам, линии лба, смешному, картофелевидному носу и срывались к земле.

Пришелец опустил взгляд вниз и увидел два ярко-алых пятна, возле ног охотника. Тот видимо был легко ранен, кровь на его предплечье уже успела загустеть, и устремлялась во влажный снег, редкими, тяжелыми каплями.

Рыжий, заметив, что неизвестный, с крупными, фасетчатыми глазами, проследил за полетом капли крови с его руки, продолжал стойко стоять, раскинув руки. В одной он сжимал корявую палку, украшенную крупными клыками животных, пучками перьев, кожаными ремешками с кисточками меха и этим похожую на посох; в другой, левой, держал над головой увесистую дубинку. Ему ничего не стоило, опустить эту дубинку на голову неизвестного существа, но древний, природным чутьем понимал – не нужно этого делать. «Не трогай лихо, пока оно тихо, кто знает, чем оно обернется, а без нужды, зачем бить? А то, что смотрит – так и пускай, не растаем от взгляда-то». Возможно так думал древний человек.

Блестящее существо продолжало разглядывать рыжебородого охотника его одежду, сшитую из шкур зверей и обильно украшенную ракушками и мелкими косточками. По бокам ауриганца, висело по одному небольшому черепу, каких-то животных, по виду мелких хищников, а в космы волос были вплетены короткие резные веточки и перья крылатого хищника. Удовлетворившись наблюдением, человек произнес одно слово «NEANTHROPINI», отступил назад и подумал: «Вполне возможно, что этот

бородач один из моих предков». Помахав рукой древним людям, человек будущего углубился в редкие заросли боярышника и исчез за скалой. Позже он встретит семейство мамонтов; красавца оленя с чудовищно огромными рогами; гигантскую, белую сову, которая попыталась его атаковать, по одной ей ведомой причине; и одиноко бродящего, старого, лохматого носорога. Животное видимо было почти слепым, человеку удалось подойти к нему вплотную и погладить его, едва касаясь шкуры исполина. Если бы не скафандр, то этот фокус вряд ли удался бы: материя костюма совершенно не имела запаха и одновременно нейтрализовала запахи его обладателя.

Экспедиция в мир прошлого удалась, человек был очень доволен, недовольство собой проявилось позже когда, введя личные координаты, он понял, что где-то допустил ошибку... Раз за разом, через небольшие промежутки времени, он вводил новые данные с поправками и без, по-новому просчитывал уравнения, но все бестолку. В этих временных коридорах, время отсутствовало и в этом их парадокс, здесь было царство небытия. Существовать тут можно бесконечно, тело находится вне временных изменений, оно даже не дышит, а сердце не бьется, кровь не бежит по венам. Здесь действуют иные энергии и законы, движение также относительно, как и состояние покоя.

Человек поднялся на ноги и побрел спокойным шагом. Бластер он откинул в сторону, оружие послушно вернулось на место в кобуру. Постепенно человек ускорял шаг все быстрее и быстрее, меня направление, сворачивая то вправо, то влево, наконец, он побежал, продолжая ускоряться до бесконечности. Скоро ему казалось, что он несется едва ли не со скоростью света. Он буквально ощущал, как drobный топот его ног заполняет все пространство паутины временных коридоров. Человек внезапно остановился, будто налетел на невидимую преграду. Он реально ощущал жар, ему казалось, что он жутко вспотел, а в висках барабанной дробью пульсировала кровь. Человек сорвал защитную маску и провел перчаткой по лицу.... Ничего. Иллюзия, все иллюзии - истина не может врать, учебники говорят правду, законы бытия неоспоримы. Человек уткнулся лбом в стену тоннеля. Ее поверхность на ощупь была мягкой и шероховатой, по ней нескончаемыми светящимися точками пробегали искорки, скопления митохондрий. Ему вдруг подумалось, что он уже целую вечность, скитается по этим тоннелям, однако все, что происходило с ним в отдаленном прошлом, вспоминается так, как будто это было вчера...

Человек вспомнил глубокое детство и свою мать.

Она постоянно говорила ему – «Не будь дурнем, учись прилежно. За тебя ни кто пальцы загигать не будет». И вот, он – результат, его «усердия», застрял, черте где.... Человеку стало себя жалко, его суета напомнила ему мышиную возню в лабиринте без входа и выхода. Он жалобно шмыгнул носом.... Как будто слезинка выкатилась из глаза и повисла рядом. «Как же так?» – думал

человек, любясь на переливающуюся капельку, а она вдруг тронулась с места и поплыла вдоль тоннеля, словно маленькая звездочка. Некоторое время человек смотрел на нее, а затем пошел следом. У него возникла бредовая идея: он где-то слышал или читал, что в тоннелях и пещерах направление выхода определяют по пламени огня, куда он отклоняется – туда и нужно идти, сквозняк указывает путь. Конечно дурацкая мысль, применительно к данному месту, но вдруг что-то выйдет, вернее капелька куда-нибудь выведет?

Слезинка летела впереди и задорно звала за собой. Человек не отставал; не то чтобы появилась уверенность, что скоро определится выход из положения, или он, наконец, введет верные координаты, нет. Просто появился спутник, почти друг, которого не хотелось терять.... Но почему она растет? Почему увеличивается в размерах, и уже заслонила треть прохода тоннеля?.. Человек замедлил шаг. «Иллюзия, опять иллюзия! Так не долго, и с ума сойти, но, думаю, мне этого не дадут сделать», - подумал он и ... выпал из тоннеля, назад, в точку отсчета.

- А вот и наш заплутавший футболист – Диего Маргарина! – прозвучал гнусавый голос робота экзаменатора.

- Марадонна, - насупившись, поправил экзекутора рыжеволосый мальчуган лет шести.

- Сэр, - добавил робот.

- Марадонна, сэр, - поправился малыш.

- Лучше бы вы, сударь, так же хорошо разбирались в теории и практике темпоральных перемещений, а не только в истории футбола, - назидательно произнесла умная машина. – И хотя работу по архетипам позднего палеолита, периода миоцено вы исполнили весьма неплохо, зачет вами не дан, Дени Хонг. Встретимся через неделю, сударь. Всего....

- Да, сэр, всего, - ответил Дени и поплелся к выходу из аудитории.

- Не забудьте сдать бластер, сударь, - напомнил робот.

- Да сэр.

Малыш вышел в пустой, светлый коридор с огромными окнами и тяжело вздохнул.

Маска, снятая еще во временном тоннеле, так и волочилась следом за ним на гибком шнуре, как собачка на привязи. Дэни подошел к окну и выглянул на улицу....

Весна, первая, ранняя весна 24 века. Высокое ясное небо, легкие облака, бесшумно и шумно, снующие воробьи.... Если он, удачно сдаст зачеты первого отделения класса звездных рейнджеров, то родители возьмут его летом с собой в тур на Титан, спутник Сатурна, на открытие первого коммерческого поселения этой планеты. А если с зачетами дело застопорится, то придется провести каникулы в деревне, у деды с бабой, все лето гоня в пин-футбол, купаясь в речке, удя рыбу и, разумеется, подолгу пропадая в дебрях реальной

вертуальности. Можно конечно записаться в команду спецподготовки..., малыш нахмурил брови-пугови, но что-то не очень хочется, еще не время.

Дэни отстегнул кобур с плазморазрядником и положил ее рядом с собой на подоконник. Он вдруг вспомнил древнего человека, с которым, совсем недавно, стоял, практически, нос к носу.

Ну и маленькие же они, эти неантропы, всего на голову выше его. Только сейчас до малыша дошло, что рыжий бородач здорово походил на его трижды прадедушку Васю, ровесника 21 века. Кстати, нужно будет побалаболить с ним по видеому. Мальчуган прикинул свои шансы на будущее.... «Точка отбытия, убытия, возврата. Кому это нужно? – думал он и на его округлом личике явственно отражались все переживания и вопросы. – Сейчас вводятся новейшие технологии кибер-послушника, сплошная автоматика и кибер-анализ. Через пару лет об этих спецточках вообще забудут, а через шесть лет, когда я буду поступать в звездный легион, придут совершенно иные технологии, и это также верно, как и то, что в небе светит Солнце». Малыш скользнул взглядом по небесному светилу, и оно отразилось в его темно-карих глазах, золотыми клубочками. Изредка он позволял себе это, тренируя волю и сетчатку глаз; ведь на жизненном пути звездного странника, могут возникнуть самые необычные обстоятельства. Дэни отвел глаза, перед ними вовсю запрыгали пятнышки солнечных зайчиков, а в следующий момент, когда они усакали, его лицо расцвело в улыбке.... Недалеко от здания учебного центра, над спорткомплексом, высоко в воздухе, парил допотопный воздушный змей. Древний родственник всех крылатых машин, упруго волновался на фоне безумно глубокого, синего неба и тоже улыбался навстречу летящему миру. Он словно, что-то настойчиво кричал и манил за собой...Замерший малыш, наконец, оторвался от окна и, путаясь и запинаясь в несколько мешковатом скафандре, побежал к выходу, совершенно забыв и про бластер, оставленный на подоконнике, и обо всех своих переживаниях.

Точка отбытия, точка прибытия,... точка возврата,... детство – где ты?...

Вадим Бакиев

Двоичная вера

Отец Фидес заглушил автомобиль и напряженно вздохнул. Дождь барабанил по крыше его скромного дизельного седана, припаркованного напротив невысокого дома. Кто-то спешно задёрнул шторку, когда священнослужитель посмотрел в его сторону.

Проектор приборной панели вспыхнул синим светом, и на пару секунд в воздухе зависла серебристая змея, свернувшаяся в букву «Q». После этого на голографическом экране высветилось напоминание о пропущенном обновлении программного обеспечения. Отец Фидес недовольно хмыкнул, раздражённо смахнул его и потянул ручку двери.

Капли разбивались о его плащ, пропитывая и обесцвечивая дешёвый козам своей кислотностью. Отец Фидес прошёл вдоль машины, сопровождаемый смачным хлюпаньем сточной воды, и открыл багажник. Маслянистый свет уличных фонарей, едва пробивающийся сквозь стены дождя, мягко отразился на чёрной металлической поверхности строгого дипломата, лежащего внутри. Священнослужитель достал кейс со своими инструментами и захлопнул дверцу.

Мелкий гравий отчётливо хрустел под ногами Фидеса, и шаги святого отца продавливали в нём небольшие ямки, оставляя заметные следы. Подойдя к двери, священнослужитель услышал голоса, доносящиеся изнутри.

– Да что за херня! Сначала они дважды ничего не могут сделать, а теперь отправляют к нам его! Если уж нормальные священники не могут справиться, чем нам этот поможет? – слышался раздражённый мужской голос.

– Майкл, у нас нет выбора. Это наша последняя возможность помочь нашему сыну, – ответил ему мягкий, уставший женский голос.

– Мне просто кажется, что мы понапрасну тратим время. Прямо как этот «священник», которому нужно столько времени, чтобы пройти от дороги до дома. Его, наверное, уже дождь разъел.

Отец Фидес легко постучал в дверь, заставив её сотрясаться с каждым ударом. Мужской голос смолк, и вскоре его обладатель открыл дверь.

– Доброй ночи, мистер Питерсон. Я отец Фидес. Меня прислал епархиальный собор Лондона. Я к вашему сыну, Джеймсу, – учтиво сказал священник тучной фигуре, вставшей в дверном проёме со скрещенными на груди руками.

– Ночи доброй. Проходите, – резко ответил хозяин дома и отошёл в сторону.

Священнослужитель вошёл в дом, не обращая внимания на повисшие в воздухе недоброжелательность и предубеждение, и снял обувь. Миссис

Питерсон стояла в коридоре и, закрывшись сложенными в комок у самой шеи руками, обеспокоенно смотрела на гостя. Домашний робот, сплошь покрытый пятнами ржавчины, остановился с горой посуды в руках и начал с интересом рассматривать прищельца.

– Куда я могу повесить свой плащ? – вежливо спросила фигура с дипломатом в руке и улыбчиво наклонила голову.

Отец Фидес сидел за столом вместе с Питерсонами. Выслушав их историю про одержимость сына, он задумчиво кивнул и спросил:

– Вы сделали всё, о чём я просил?

Мужчина закатил глаза и, устало выдохнув, ответил:

– Да. Воду перекрыли – в трубах не должно быть ни капли. Освящённую соль, которая осталась от прошлых священников, рассыпали по его комнате и всем комнатам снизу. Место для своего ночлега подготовили. Может, Вам что-то ещё нужно сделать? – с издёвкой спросил он, передразнивая неторопливую манеру речи священника.

– Я думаю, мне не надо напоминать о том, что все эти меры направлены на освобождение Вашего сына от злого духа, а не на моё развлечение, – хладнокровно ответил отец Фидес. Мужчина не ответил; он только соорудил недовольную гримасу.

– Нам точно нельзя остаться с ним? – спросила у священника мать одержимого. Мешки под её глазами свисали почти до щёк – две попытки экзорцизма истощили её нервы и наполнили сны мучительными кошмарами.

– Нет, я боюсь, что это было бы слишком опасно для Вас. Более того, во время экзорцизма злой дух может вырваться на какое-то время. Любое живое существо поблизости будет для него возможностью сбежать.

Миссис Питерсон опустила голову, и в комнате воцарилась тишина. Отец Фидес посмотрел на робота, который всё это время разглядывал его, наклонившись из-за угла арки. Шарик его зрительных сенсоров не двигался, восторгаясь священником. Внезапно робот потерял равновесие и с лязгом ввалился на кухню, заставив своих хозяев испуганно подпрыгнуть.

– Отец Фидес, что насчёт него? Ему надо уйти с нами? – спросила женщина после того, как робот встал на ноги и начал осторожно отходить назад, пытаясь укрыться от злобного взгляда своего хозяина.

– Да, так будет лучше, – без тени сомнения ответил священник. Мужчина злобно перевёл свой жгучий взгляд на Фидеса, но не сказал ни слова.

– Вам, наверное, пора идти, если вы хотите вернуться до рассвета, – мягко сказал святой отец и скрестил пальцы.

– Вы правы, чем скорее Вы начнёте – тем лучше. Надеюсь, у Вас всё получится, отец Фидес, – ответила миссис Питерсон и встала из-за стола. Её муж

всё ещё сидел, враждебно глаза на священника, но женщина успокоила его прикосновением руки.

Вскоре семейная пара вместе со своим роботом попрощались со священником и оставили его одного в коридоре. Отец Фидес посмотрел на лестницу, ведущую на второй этаж – именно там и находился одержимый. Лампы, освещающие лестницу, внезапно начали мигать, и одна из них лопнула, усеяв ступени острыми осколками. Священник мысленно ухмыльнулся и поднялся наверх, хрустя кусочками стекла.

Джеймс, привязанный к стулу, повернул голову на звуки открывающейся двери – капли кислотного дождя сожгли его глаза, и мальчик был абсолютно слеп. Отец Фидес закрыл дверь, снял сырую рясу и повесил её на ручку. Осторожно переступив через барьер из соли, он поставил на пол свой дипломат и осмотрел комнату. Питерсоны вынесли из неё всю мебель: предыдущие священники подозревали, что злой дух нашёл сосуд в окружении.

– Не скучно тебе сидеть в пустой комнате? – спросил отец Фидес. Мальчик виновато улыбнулся.

– Ты не такой, как остальные. Почему я чувствую внутри тебя тьму, святой отец? – спросил демон, вселившийся в мальчика.

– Я такой, каким меня создал Господь. Скажи мне, чего ты добиваешься? – с искренним любопытством спросил священник, доставая из дипломата флакон с солью.

– Я не причинил никому зла! – обиженно воскликнул дух, – Мальчик слеп, и я просто хочу помочь ему, вот и всё.

– Хорошо, что ты ничего не успел сделать. Мы сможем пресечь все беды на самом корню.

– Тебе не нужно меня изгонять, священник, – испуганно бормотал мальчик, поворачивая голову вслед отцу Фидесу. Тот молча рассыпал соль в форме пентаграммы и не стал отвечать демону, – мальчику будет тяжело без меня. Подумай о том, как ему дальше жить без зрения. Со мной он по крайней мере чувствует других, чувствует их намерения.

Отец Фидес рассыпал всю соль, зажёл принесённые свечи на вершинах звезды и начал рисовать мелом защитные знаки. Мальчик начал кусать губы: любопытство внутри духа перебороло его опасения.

– И всё-таки, почему я вижу тебя как одного из нас? Как ты можешь касаться этой соли, если твоя душа состоит из наших отголосков? – спросил он и внезапно осёкся, – неужели ты хочешь забрать Джеймса себе? В этом дело, священник? – испуганным шёпотом спросил демон.

– Нет, я собираюсь всего лишь освободить мальчика от одержимости, вот и всё, – ответил отец Фидес, положил мел и пустой флакон в кейс и достал оттуда старый, потрёпанный молитвенник.

Священнослужитель встал напротив Джеймса и уставился на него немигающим взглядом. Все молитвы были давно выучены им наизусть, однако молитвенник служил дополнительным проводником его веры.

– Помолимся, друг мой, – безжалостно отчеканил Фидес и начал читать Книгу общих молитв.

Слова священника резонировали в сознании мальчика, заставляя беса отчаянно метаться внутри. Зелёные кольца глаз святого отца неотрывно наблюдали за состоянием Джеймса, а его голос звучно отражался от стен, доводя демона до иступления. Внезапно свечи погасли, а молитва стала приглушённой.

– Я не хочу этого делать, святоша, но ты не оставляешь мне выбора, – гортанным голосом прорычал мальчик; путы на его руках рассыпались в прах, и он поднялся на ноги. Демон медленно подошёл к священнику, угрожающе сгибая и разгибая пальцы, однако отец Фидес оставался непоколебим и всё читал молитву.

Джеймс занёс руку и ударил священника в живот. Послышался треск ломающихся костей и разъярённый вскрик. Демон начал задыхаться и шокировано разглядывать кровавую тряпку, оставшуюся от его кулака. Отец Фидес, ни на секунду не прерываясь, всё читал и читал молитву, продолжая холодно разглядывать изгоняемого.

Бес, всё ещё тяжело дыша, подошёл к священнику и осторожно сорвал с него рубашку, стараясь не касаться голого тела. Серебристые отблески затанцевали на стенах, однако демон не мог этого увидеть; он только подошёл к своему врагу и приложил к нему непокалеченную руку. Дух почувствовал, как его ладонь обожгло огнём; однако кожа одержимого прикасалась к холодному металлу. Ошарашенный, бес отошёл прочь, а рот мальчика раскрылся в изумлении.

– Ты не человек, ты один из металлических! Как ты можешь изгонять духов? – злобно и обиженно воскликнул демон, не способный осознать происходящее. Священник всё так же смотрел на беса и читал молитвы, сжигая остатки его разума.

– Прошу тебя, прекрати, я не хочу вредить мальчонке, – взмолился, рыдая, демон, и закрыл лицо руками, – я не хочу терять контроль, я не хочу возвращаться к тому, чем я... – проплакал он и внезапно замолчал.

Чёрные тени начали танцевать по стенам, борясь за пространство с серебристыми отблесками металлического тела. Внезапно Джеймс завыл, словно дикий зверь, и начал метаться по комнате, раз за разом ударяясь о созданные солью барьеры. Отец Фидес повысил голос, чтобы пересилить яростный рёв беса. Через какое-то время злой дух начал бросать тело мальчика в сторону священника; каждый раз он с болезненным криком отлетал обратно. Тем не менее, его потуги оставляли небольшие вмятины на теле робота, дополняя и даже оттеняя его старые шрамы.

После очередной попытки сбить священника с ног демон упал и больше не поднимался, только лишь страдальчески рыдая и пытаясь растереть повреждённые плечи мальчика. Глаза одержимого покраснели до невозможности, и кровавые слёзы начали пропитывать деревянные доски пола. Отец Фидес дочитал молитву до конца, захлопнул молитвенник и подошёл к своему дипломату. Убрав Книгу, он достал оттуда небольшую ручку – переносной лазерный гравировщик. Священник сконцентрировался и выжег на своей левой ладони печать-ловушку. Когда расплавленный металл застыл в нужном рисунке, отец Фидес подошёл к одержимому.

Демон взвыл и попытался отползти от своего убийцы, однако упёрся в соляной барьер, обжигающий его душу. Кровавые слёзы стали прозрачнее, и злой дух начал бесконтрольно рыдать.

– Он будет думать, что я его бросил, священник! Я обещал ему, что никуда не уйду! – прорыдал демон, уже не надеясь на пощаду, – У мальчика и так никого нет! Ты видел его родителей? Думаешь, ржавчина на роботе от времени появилась? Сколько времени, как думаешь, пройдёт, прежде чем это жирное животное перейдёт на своего сына? Бесполезного, жалкого сына, которого им придётся кормить до своей – или его – смерти?

Отец Фидес как будто не слышал слов одержимого и осторожно шагал к мальчику, ожидая столкнуться с демонической яростью.

– Я слышу их разговоры, святой отец. Я слышал их планы по сдаче его Question'у. Они хотят сдать его на человеческий процессор. Я не знаю, что это, но они думают от него избавиться. Я – всё, что у него есть, священник! – вскрикнул демон и повернул лицо мальчика вверх, чтобы попытаться взглянуть в лицо робота.

– Хотя кому я об этом говорю?! Ты сделан из железа, и сердце твоё не бьётся, как человеческое. Тебе приказали изгнать демона – ты изгоняешь демона, не думая о последствиях, верно? Тебе ведь плевать на то, что с ним будет? – удручённо спросил дух и опустил голову.

Массивная металлическая фигура мерцала в темноте комнаты, а взгляд холодных глаз пригвождал мальчика к полу. Робот молчал.

– Я заберу мальчика к себе, если он того захочет, – внезапно сказал отец Фидес, разорвав тишину, – Но! – только если он того захочет, – повторил робот.

Мальчик недоумённо поднял голову и долгое время не мог найти слов.

– Уйдёшь ли ты добровольно, дух? – спросил отец Фидес.

Дух ухмыльнулся и выдал облегчённый смешок.

– Я уйду добровольно, святой отец, если ты пообещаешь мне кое-что ещё.

Отец Фидес внимательно выслушал просьбу демона и уверенно кивнул. Губы мальчика расплылись в широкой улыбке, его плечи опустились; робот приложил метку на своей руке к лицу одержимого, и вскоре всё закончилось.

Когда Джеймс проснулся, он обнаружил под собой чуть жестковатое одеяние; его затылок лежал на чём-то металлическом и тёплом.

– Уже проснулся, сын мой? – внезапно услышал он заботливый, немного странный голос.

– Да, я проснулся. Где Арманд?

– Арманд нашёл свой покой. Ему уже не больно, – успокаивающим тоном ответил отец Фидес. Джеймс задумался на пару минут.

– Я не помню, чтобы ему было больно. Вы изгнали его? – спросил мальчик с лёгким оттенком осуждения.

– Нет, мальчик. Он согласился уйти. Что касается боли – не будь ему больно, он бы к тебе не пришёл, – сказал отец Фидес и посмотрел куда-то вверх, выше деревянного потолка, – они никогда не приходят к людям, если у них всё хорошо. Я знаю, что Арманд пытался с тобой подружиться и хотел тебе помочь, но так он, скорее всего, пытался всего лишь заглушить боль внутри. Это был хороший дух, Джеймс.

– Тогда зачем было изгонять его? Он бы никогда не навредил мне, – с трудом выдавил из себя мальчик. Слезы начали наворачиваться на его слепые глаза.

– Рано или поздно он бы больше не смог различать вас двоих, и начал бы вредить тебе. Не из злых намерений, поверь мне; это было бы его попытками сбалансировать ваши жизни, чтобы сделать вас едиными. Он действительно заботился о тебе, Джеймс, и именно поэтому он отпустил тебя. В глубине души он знал о том, насколько он был опасен.

Джеймс пытался сдвинуть рыдания в своё горле, но всё-таки начал плакать. Мальчик повернулся на бок, спиной к священнику.

– Арманд в лучшем месте, Джеймс. Он спокоен и счастлив, – уверил священник Джеймса и положил руку ему на бок. Другую свою руку, на которой была выжжена печать, он уже оторвал и бросил в дипломат. Рыдания мальчика остановились, и он дрожащими пальцами коснулся костяшек священника. Джеймс замер на пару секунд.

– Святой отец, вы – робот? – испуганным, удивлённым голосом спросил мальчик. Его пальцы медленно ползли к запястью священника.

– Да, моё тело сделано из металла, – ответил отец Фидес, пытаясь направить скорбь мальчика в нужное русло.

– Но... разве вы можете изгонять духов? Вы ведь такой же, как Ржав! Отец всегда говорил, что вы просто чуть сложнее микроволновки или чайника! – любопытно воскликнул мальчик, повернулся к священнику и присел на пятки.

Святой отец усмехнулся и ответил:

– Мы гораздо сложнее обычной электроники. Я не знаю насчёт вашего домашнего робота, но я – не худший священник, чем люди. Сын мой, вы – люди – создали моё тело, но душу мою сотворил Господь, – уверенно проговорил

отец Фидес. После некоторой заминки он продолжил: – Я – не ваше творение; жизнь моя принадлежит Ему одному. Я не знаю, что такое душа; я не знаю, каждый ли робот способен верить, но я знаю, что именно я на это способен.

Мальчик молчал, восторженный и ошеломлённый этим непонятным существом.

– Джеймс, перед тем, как Арманд нашёл покой, он попросил меня забрать тебя в Церковь; согласен ли ты уйти со мной? Мы предоставим тебе жильё и будем заботиться о тебе.

– А что будет с мамой?

– Она сможет навещать тебя, когда захочет – но не во время служб, конечно. Мы не увезём тебя далеко – ты будешь жить в пределах Лондона. Кроме того, если ты будешь расположен к вере, ты сможешь рано или поздно помогать мне освобождать других заблудившихся духов – помогать им, как я помог Арманду, находить покой, – мягко говорил священник, используя ошеломление Джеймса в свою – и мальчика – пользу.

– А что насчёт?.. – речь мальчика внезапно оборвалась, когда он показал на свои слепые глаза.

– Я помогу тебе с этим, сын мой. Я не трачу жалование на еду, так что у меня уже скопилась значительная сумма, – улыбчиво ответил отец Фидес, – Ну так что, Джеймс Питерсон, готов ли ты пойти со мной? Я покажу тебе этот мир.

Мальчик улыбнулся, кивнул и прильнул к измятому телу робота. Священник неуклюже приобнял своего нового ученика оставшейся рукой и улыбнулся.

Портрет гранатовой кровью

Я сидел рядом с ней, крепко сжимая её руку и наблюдая за тем, как её грудь слабо вздымалась и опускалась, сидел, вслушиваясь в тихое тиканье часов, отсчитывающих секунды до нескорого рассвета. Время от времени она кашляла во сне, и тогда я вытирал с уголков её посиневших губ густую тёмную кровь. Моя рука дрожала, и я случайно разбудил её, слабо царапнув её щёку ногтем.

– Ложись рядом, – тихо прошептала она, улыбнувшись, – Ты очень тёплый.

– Я не хочу, чтобы у тебя ещё пролежни появились, – покачал я головой, – Засыпай, тебе надо отдохнуть.

– Они не болят, когда от тебя, – тихо ответила она и, с трудом приподнявшись и бессознательно придерживая живот, отползла в сторону, оставив позади себя силуэт засохшей крови и небольшой слой отмершей кожи, – Я накрою, чтобы ты не замарался.

– Не надо, – я лёг рядом с ней на скользкую простыню и обнял её. Она прижалась ко мне и, судя по её дыханию, снова задремала. Я слушал её

неровное, слабое дыхание и смотрел в потолок, окрашенный в тёмно-синие цвета глубокой зимней ночи.

– Что думаешь насчёт Эрнеста? – пробормотала она сквозь сон и улыбнулась, ещё покрепче прижавшись ко мне. Её лихорадило постоянно, а вот меня залихорадило только сейчас.

– Прекрасное имя, Лена, – тихо ответил я и, убрав с её лица тонкие, ломкие волосы, поцеловал её в лоб.

– Я рада, что тебе нравится, – выдохнула она и замолчала.

Через некоторое время она проснулась и, не помня своих слов, попросила унести её в зал, где она всё пыталась закончить мой портрет. Мои пальцы утонули в её рыхлой спине, и она, тихо заскулив от боли, обхватила мою шею и уткнулась лицом в грудь. У неё снова шла кровь изо рта.

– Всё в порядке, пойдём, – прошептала она, и мы ушли в зал.

Я давно уже не спорил с её задумкой: скорее всего, это было последним, что она успела бы сделать, и лишить её цели прямо перед смертью я не мог. Но с каждой новой деталью я ненавидел свой портрет всё больше и больше: его написание было последней причиной, которая не позволяла ей всё закончить здесь и сейчас.

– Подашь мне кисти? – попросила она тихим голосом, когда я аккуратно усадил её в кресло и положил перед ней её альбом, – Они в шкафу.

– Конечно, сейчас.

Несмотря на неизбежное, она всё ещё просила меня прибирать её рабочее место и промывать кисти – ей хотелось, чтобы хоть что-то было нормальным, таким же, как прежде. Мой взгляд наткнулся на лежащие рядом повязки, и я принёс их вместе с набором кистей.

– Зачем? – удивлённо спросила она, когда я открыл одну из них.

– Перевязать тебя, – просто ответил я, когда в нос ударил запах сильных химикатов.

– Не надо, – грустно улыбнулась она, – Я уже заканчиваю.

Мои руки опустились, и я уткнулся взглядом в небольшой шрам в уголке её глаза. Она только взяла мою руку и сжала её так крепко, как только могла.

– Когда всё закончится, у тебя хоть что-то от меня останется, – тихо проговорила она, – Я поэтому это делаю. Чтобы ты помнил, что ты не плохой.

– Я знаю, Лен, – ответил я и, сжав её руку в ответ, сел на пол рядом с ней и положил голову ей на колени, – Просто не хочу.

– Я тоже, – ответила она, и по её лицу прошла судорога.

Я сел в кресло напротив, и, не говоря больше ни слова, она растворилась в написании портрета. Я старался не смотреть на уверенные движения её руки, выхватывая вместо этого каждое выражение её глаз, её прикушенную в усердии губу, мелкие разрывы на надутых в раздумьи щеках. Сам того не заметив, я задремал.

Меня разбудил её радостный голос – она закончила портрет. Я попросил прощения и, объяснив, что не могу его сейчас видеть, тихо зарыдал, пытаюсь не смотреть на подвешенную на люстре петлю.

– Я не хочу умирать, когда тебя не будет рядом, – со слезами на воспалённых глазах сказала она, несколько раз окликнув меня и заставив посмотреть на неё, – Пожалуйста.

Я рьяно закивал и, попросив ещё немного времени, обхватил свою голову и плакал. Наконец, когда в голове повис сдавливающий душу белый шум, я поднялся на ноги и медленно подошёл к ней. Она тяжело дышала, испуганно бросая взгляд на петлю. Я наклонился к ней и поцеловал в последний раз, стараясь как можно сильнее отсрочить неминуемое.

– Спасибо, – прорыдала она и обхватила меня за шею. Ничего не ответив, я поднял её на руки, в очередной раз удивившись её болезненной лёгкости, из последних сил пытаюсь думать о чём-то другом.

– Я не хочу тебя отпускать, – прорыдал я через пару минут, уткнувшись в её живот. Несмотря на своё неудобное положение и медленно отмирающие мышцы, она нежно погладила меня по голове, перебрала мои волосы своими тонкими пальцами.

– Разлука неизбежна. В наших силах только решить, как именно и когда она произойдёт, – с трудом проговорила она, заставив меня перестать рыдать, только затихнув вместо этого в оцепенении.

– Я тебя очень сильно люблю, – наконец пробормотал я почти про себя и ослабил хватку.

Через некоторое время она захрипела и её тело выгнули судороги, но я только сжимал её умирающее тело и слушал, как отчаянно бьётся в её груди обречённое сердце. Минуты растянулись в невыносимую вечность, и я, удавив внутри себя крик, ждал, когда всё закончится.

Тяжело дыша, я сидел оперевшись о стену, избегая взглядом и мыслями центр комнаты. Когда слёзы на лице высохли и я перестал в истерике хватать ртом воздух, я медленно поднялся на ноги и подошёл к креслу, спинка которого всё ещё была сырой от крови. Смешанная же с кровью гуашь, наоборот, высохла, и я с болью вперился в свой портрет.

– Я останусь с тобой, – прошептал я в тишину и, украдкой бросив взгляд на её тело, положил альбом на стол перед ней, – Я тебя не оставляю.

Февральская метель нещадно кусалась, но я этого не замечал, оцепенело смотря в потухшее окно. Мой взгляд скользил на другие окна, в некоторых из которых уже горел свет: если бы не пережитое только что, знал бы я, что в одном из них только что умерла чья-то возлюбленная? Откуда я знал, что в других окнах не произошло что-то похожее? Мой воспалённый взгляд скользнул по пролетающему в воздухе льду за очередным прохожим: вряд ли кто-то, кроме меня, знал о ней. Вряд ли кого-то, кроме меня, это заботило.

На автобусной остановке, откуда я хотел куда-нибудь уехать, сидели бабушка с внуком – видимо, она отводила его в детский сад. Он лучистыми глазами наблюдал за прорезающими белую мглу лучами фар и считал машины в ожидании автобуса со знакомым номером. Бабушка всё оглядывалась по сторонам и тяжело вздыхала, когда рядом останавливались не те номера, что нужно. Заметив меня, мальчик широко, беззаботно улыбнулся и помахал мне рукой, как будто встретив старого приятеля. Я с дрожью улыбнулся и медленно поднял руку в ответ. Метель кусала меня своими мелкими зубами, медленно спускаясь от глаз к щекам.

Через полтора года я шёл по тротуару залитого солнцем шоссе, раздумывая о том, какие именно продукты мне нужны на сегодня. Июльское солнце и раскалённый асфальт заставляли воздух плыть густым маревом, а меня – выпивать одну бутылку воды за другой. Машины стремительно проносились одна за одной – через город, в котором я жил, проходила скоростная автомагистраль, и все спешили проехать его как можно скорее. Подняв взгляд на горячее солнце, я улыбнулся: было хорошо.

Со стороны зелёной полосы, разделявшей серое полотно тротуара с метровыми возвышениями красного песчаника, послышалось тихое щебетание. Я никуда не торопился и свернул в сторону, чтобы посмотреть, откуда оно доносилось, и улыбка тут же сошла с моего лица: там лежал пораненный птеник-скворец со сломанным крылом и ужасно перегнутым, раздробленным клювом. Увидев меня, он перестал щебетать и начал почти с возмущением смотреть на подошедшего к нему человека.

Быстро перебрав в голове свои возможности ему помочь, я опустился на колени и аккуратно налил воды в крышку из-под бутылки. Он быстро повернул к ней голову и тут же снова уставился на меня, нахохлив перья.

– Хорошо, – сказал я ему и некоторое время сидел рядом, выставив перед ним крышку с водой. Увидев, что он не собирается мне доверяться, я закрыл бутылку и поднялся на ноги, надеясь, что хоть кто-то его подберёт до того, как я буду проходить это место на обратном пути.

Скворца никто не забрал, и, поставив пакеты на асфальт, я снова спустился на зелёную траву к нему и опустился напротив него на колени.

– Прости меня, – тяжело сказал я, протягивая к нему руки, – В этот раз я постараюсь сделать всё быстрее. Так будет лучше.

Вернувшись домой, я поставил пакеты на пол и пошёл в ванную, пытаюсь не замарать стены. Не имея сил столкнуться с отражением в подвешенном над раковиной зеркале, я только сел на крышку унитаза и, поджав колени и закрыв лицо руками, тихо зарыдал. Успокоившись через некоторое время, я подошёл к раковине, чтобы умыться. Кровь из поклёванной руки смешалась со слезами, и я с болью засмеялся: из всей алой мешанины моего лица в зеркале, как и с

оставленного портрета, смотрели два полных невыносимой боли глаза. Я начал пытаться смыть кровь, но каждый раз, поднимая голову и проверяя отражение, всё сильнее убеждался в том, что уже никогда не смогу её смыть.

Два с половиной года спустя за окном снова завывали ночные зимние ветры – на этот раз декабрьские. Мы с подругой курили в гостиной, изредка запивая вызывающие вспышки боли фразы ледяной водкой. Год заканчивался, все подарки были куплены, и мы подводили итоги этого очень странного и порою непредсказуемого периода. Поделившись ещё одной частью своих воспоминаний и переживаний, она поднялась, чтобы пройтись по комнате. Я остался на месте: было хорошо раствориться в чужой боли, на некоторое время спрятаться от себя за сопереживанием и советами насчёт того, что другому человеку делать с его совсем другой жизнью.

– Это ты кому? – спросила она вдруг, взяв с одной из полок набор гуаши. Я вздрогнул, позволив угольку сигареты упасть на пол, и оцепенел: пытался вспомнить, как и когда я его купил, и понял, что взял его, даже не задумавшись, накануне.

В повисшем напряжённом молчании я раздавил в пепельнице остатки сигареты и осушил ещё одну рюмку.

– Я так и не ушёл, – зарыдал я, уткнув голову в свои поджатые, обхваченные руками колени, – Я так и не ушёл.

Виктор Астанин

Записки гаишника

Опять «усиление», ждёт дома семья,
 День, ночь, воскресенье, а мы всё в наряде,
 Говорят: наша служба - прелесть одна:
 Жезлом махнул и уже в шоколаде.

XIV

Спустя некоторое время меня, в очередной раз, перевели в штаб. Мне было предложено возглавить отдел дознания в батальоне при той же должности - начальника смены. Видимо, решили оградить личный состав от моего тлетворного влияния. Я сменил на этом посту Брифа Георгия Абрамовича, ушедшего в отставку. Группа дознания состояла из четырёх человек, и я, кроме общего руководства, занимался рассмотрением материалов на водителей, которые управляли автотранспортом в состоянии опьянения дважды в течение года, что было предусмотрено уголовной статьёй. К себе я взял Сергея Пелёвина из моей смены, он пришёл к нам из Солнечногорского ОВД, где работал участковым инспектором. В группе остался Игнатов Владимир, и позже, присоединился Александр Цветков. Дознаватели выходили на работу на сутки по графику, а у меня – пятидневка. Оформителей дорожных происшествий упразднили, перевели в смены, и инспекторы ДПС уже сами, непосредственно, оформляли аварии, а материалы, составленные на месте ДТП, они сдавали дознавателям, что позволяло более полно и качественно рассматривать дела.

Смену я передал Владимиру Геннадиевичу Тихонову, а мы с ним однокурсники, да, пожалуй, и одних взглядов. Через месяц ему вручили грамоту за лучший пост Московской области. Учитывалось не только оформление помещений и порядок на посту, но и работа инспекторов, несущих там службу. При вручении Володя Тихонов сказал:

- Не моя заслуга, Астанина.

Мне было не важно, но приятно. Спасибо художнику и всем инспекторам, несших там службу.

Объективно собрать доказательства по делу – это надо было постараться. Уголовная статья 211 со значком 1 предусматривала протокольную (упрощённую) форму рассмотрения материала по повторному управлению автотранспортом в состоянии опьянения в течение года. А таких материалов мне приходило достаточно, не расслабишься, и рассмотреть каждое из них надо было в десятидневный срок.

Получив первый такой материал в секретариате, я вызвал повесткой подследственного, Усмана Укаева, жителя Москвы. Он приехал вовремя, и я начал отбирать у него объяснение по двум случаям управления им автомашиной в нетрезвом состоянии, и задержания его сотрудниками ГАИ.

- Где ваше водительское удостоверение? – спрашиваю Укаева.

- У меня его нет.

- А где оно?

- У меня его никогда не было, - ответил он.

- А как же вы ездите?

- Я из Москвы не выезжаю. Остановят, я в окно сотку протягиваю, и поехал дальше. Два раза выехал в область, и пожалуйста: первый раз в Щёлково оформили, второй – на «ленинградке», - объяснил Укаев.

- Вы согласны, что в обоих случаях вы управляли автомашиной в состоянии алкогольного опьянения, - задал я следующий вопрос.

- Согласен, - подтвердил Укаев.

- Мне от вас необходима характеристика с места работы, и не позднее, чем на третий день, иначе мне придётся возбуждать уголовное дело. Тогда надо будет проводить следственные действия: составлять протоколы допроса вас, понятых и инспекторов ГАИ. Это ни мне, ни вам не нужно. Для суда, при вынесении приговора, значение не имеет: каким образом доказано ваше правонарушение. И, как гласит наша поговорка: «Повинную голову меч не сечёт». А статья предусматривала: при наличии положительной характеристики - штраф, а при её отсутствии – год тюрьмы или два года исправительных работ.

В конце этого рабочего дня мне по телефону позвонил Виктор Костромцов, и попросил меня подъехать к нему по важному делу. Странно, я с ним раньше никаких дел не имел, но знал, что с Татарчуком он был в близких отношениях.

- А куда подъехать?

- Я нахожусь рядом с тобой, в Пешках, в конторе совхоза «Савельево», на втором этаже. Увидишь: кабинет замдиректора.

- Ты, вроде, юристом работал.

- Сейчас здесь.

В кабинете он был вдвоём с Усманом Укаевым, и понятно, о чём пойдёт речь. Интересно, что связывало чеченца с замдиректора совхоза.

- Я посмотрю, что можно сделать, опрошу понятых. Но, если освидетельствования на состояние опьянения были проведены правильно, то ничего не обещаю, - сказал я, откликаясь на просьбу Виктора помочь приятелю.

Протоколы на Укаева сотрудниками ГАИ были составлены в полном соответствии с законом, все формальности были соблюдены, и материал по делу мне надо было направлять в прокуратуру на утверждение. Остался один

день, а одного документа нет – характеристики. Звоню на работу Усмана по телефону, номер которого он мне дал. Трубку подняла женщина.

- Здравствуйте. Капитан милиции, Астанин. Можно директора, - попросил я.

Через минуту мне ответил мужской голос явно не принадлежащий моему подследственному.

- Мне нужен Усман Укаев, - сказал я в трубку.

- Здес такова нэт, - сказали на том конце провода со средне-азиатским акцентом.

- Он у Вас не работает? – спросил я.

- Нэт.

Надо же, а Усман произвёл на меня приятное впечатление: не юлил, не врал, вёл себя достойно. Придётся возбуждать уголовное дело. Но, вечером Укаев приехал сам, на автомашине такси, на «Волге», которой управлял его друг.

- Вы звонили в магазин? – начал он с порога.

- А как же? Завтра мне дело надо сдавать в прокуратуру и в суд, а характеристики нет. Вы привезли?

- Видите ли, в чём дело. Этот магазин мой. Я нанял узбеков, и они на меня работают. Когда Вы назвали капитаном милиции, то директор, которого я назначил, впал в панику. Для них в Узбекистане сержант - царь и бог, а тут капитан. Они в шоке, когда в метро встречают полковников милиции в качестве пассажиров, и не понимают этого. Он боится давать мне характеристику. Может, вы с нами проедите в Москву, скажете ему, что нарушение у меня по линии ГАИ, а не БХСС?

- Наверно, придётся. А что это за баул вы принесли?

- Деньги. Четырнадцать тысяч.

Он расстегнул молнию на большой холщёвой сумке. Там лежали пачки купюр в банковской упаковке.

- Вы, случайно, не кассу взяли на Поворовском заводе, вчера телефонограмма была? В сейфе, как раз была именно такая сумма, - поинтересовался я.

- Нет, я машину продал. Я, вообще-то, не работаю, я маклер. Надо тебе продать машину дороже, – ищешь меня, и я продаю её дороже; надо купить дешевле – ищешь меня, я продаю её дешевле. Я окончил техникум, пошёл работать. Проработал всего три года, денег явно мало. Ушёл, и стал работать на себя.

По, пути в Москву, таксист рассказал мне, что у него тоже задержали водительское удостоверение за управление машиной в нетрезвом состоянии:

- Хоть в область не выезжай, - посетовал он, - обязательно остановят.

- А как же ты работаешь **без прав**? – спросил я.

- За меня работает напарник. Я ему плачу, а сам занимаюсь своими делами. Ему хорошо – деньги зарабатывает, и мне неплохо. Таксист был грузин.

Подъехали к уютному, двухэтажному зданию под вывеской: «Узбекская кухня». Это 1988 год, и в частной собственности? **Интересно.** Предъявив удостоверение директору магазина, я получил характеристику на Укаева, и Усман мне предложил пообедать.

- Что будете пить?

Я выбрал шампанское. Мне принесли его в стеклянном кувшине, со льдом, и узбекский суп - шурпу. Мне до этого такого вкусного шампанского не приходилось пробовать. И шурпу я ел впервые. Вкусно. Себе они заказали сухое вино, причем пил и водитель.

- Мне понравилось, что Вы не стали крутить, а сразу рассказали, что мне светит, - сказал Усман, прощаясь, когда они привезли меня обратно в Солнечногорск. У прокурора Карасёва в кабинете был идеальный порядок, на столе не было видно ни одного документа, ни одной бумажки. Виктор Васильевич скрупулёзно прочитал подшитое дело, и педантично указал на ошибки, вплоть до запятой. Выучил раз и навсегда. Семь раз потом прочитаешь материал прежде, чем ехать к Карасёву.

На Пасху меня попросил Юдин Анатолий Николаевич выйти в ночь на усиление. Юдина назначили заместителем командира по службе, а Подъячев Юрий Иванович перешёл на должность начальника смены. Мы на служебной автомашине, за рулём которой находился Анатолий Татарчук, направились в Клинский район, в село Троицкое, к церкви. В 22 часа ещё было светло, от Высоковского по дороге к храму тянулись люди к службе, и мы их потихоньку объезжали.

Я поднял телефонную трубку радиостанции, чтобы доложить, что мы на месте. Выслушав меня, дежурный по батальону Владимир Комов спросил:

- Я вас вызывал, вы не отвечали. Рацию не включили что ли?

Анатолий говорит мне:

- Рация барахлит, иногда трубка замыкает.

От церкви, нам навстречу, вынырнул, объезжая людей, мотоциклист на «Яве», с пассажиром на заднем сиденье. Оба без шлемов. Татарчук сразу развернулся и быстро догнал мотоцикл. По громкоговорящей связи он дал команду: «Остановится», но мотоциклист только прибавил газу. Мы были на «хвосте», но дорога узкая, мешали пешеходы, не обогнать. «Остановись, хуже будет», - продолжал по ГГС кричать Анатолий, и обратился ко мне:

- Давай, стреляй по колёсам, у меня лишние патроны есть.

- Ты что? Опасно. Упадут – разобьются, - возразил я.

Въезжаем за мотоциклом на пустующую площадь Высоковского, дома кругом, а мотоциклист свернул в лес на пешеходную асфальтированную дорожку.

- Хорош, возвращаемся, - говорю Татарчуку.

Но разве упрямого хохла остано́вишь. Он мотоцикл не отпускал, ширина просеки позволяла. В лесу было **уже** темно, и мотоциклист ехал впереди нас в лучах фар автомобиля «ВАЗ-2103», как заяц, и, не увидев поворота, съехал по откосу в большой ручей. Мы же, свернув по дорожке влево, выехали на мост, расположенный ниже по течению.

- Останавливаться не будем, - говорит мне Татарчук.

- Тормози, может, поранились, - не согласился я.

Оставив машину на мосту, мы пошли к месту падения ребят. Мотоцикл на месте, «гонщики» скрылись. По идее, надо было бы просто вернуться к церкви и выполнить ту задачу, какую нам поставили, но, с другой стороны: чей мотоцикл? Я вернулся к машине, чтобы доложить о случившемся, и связался с Комовым.

- Что там у вас происходит? Какая стрельба? – сразу тревожным голосом перебил меня дежурный.

Я понял, что трубка на рации замкнула, и вся погоня за «Явой-350» прослушивалась в эфире.

Время за полночь, и провозились мы с мотоциклом до трёх часов утра. Сначала попросили водителя «ГАЗ-53» помочь нам вывезти мотоцикл из леса, остановив его в Высоковске. Машина там застряла. Потом искали: кто бы её вытащил. Связались с Клинским ПАТП, и нам прислали тягач, который тоже чуть не застрял. Если на открытой местности было сухо, то в весеннем лесу была сырая земля. Когда мы сгрузили мотоцикл на посту Клин-Волоколамского направления, то по мероприятию поступила команда: «Отбой». Вот тут к месту поговорка: «Овчинка выделки не стоила».

Нас попросили не развезжаться, прикрыть Ленинградское шоссе в Клину, пока граждане не «рассосутся». Мы с Татарчуком подъехали на перекрёсток с Ямской улицей. Перед нами остановился автобус Клинского ПАТП, развозивший ночных пассажиров, открыл дверь салона, и из него вышла явно пьяная девушка, лет семнадцати. Я успел остановить автобус, и водитель мне сказал, что девушка с ним катается два часа:

- Мне надо в парк ехать, куда мне её девать? – объяснил он свои действия.

Резонно, но девушка удалялась по проезжей части в сторону Москвы. Я догнал её, чтобы убраться **с дороги и отвезти домой**, но она явно не хотела со мной идти. Мне пришлось: чуть ли не нести её к машине. Я спросил девушку:

- Где ты живёшь?

- На улице Карла Маркса.

- Садись в машину, мы тебя отвезём домой.

Она ни в какую не хотела садиться. Мы с Татарчуком еле затащили её на заднее сиденье, так она сопротивлялась, хорошо, что не звала на помощь. Откуда только силы взялись?

- Вить, ноги держи, рацию разобьёт,- сказал Анатолий, садясь за руль.

Я, как мог, держал девчонку, и Татарчук выехал в нужном направлении. На своей улице девушка притихла и, пожалуй, немного протрезвела.

- Какой у тебя номер дома? – спросил я её.

Она назвала, и мы туда подъехали.

- Тебя надо проводить? – спросил я её.

- Не надо, - ответила она, к этому моменту совсем успокоившись.

- Дойдёшь до квартиры?

- Дойду, - заверила девушка.

Мы подождали, пока она не скроется в подъезде, и вернулись на своё место. На скорости, с включёнными проблесковыми маяками, к нам подлетает Юдин, выскакивает из машины, и к нам.

- Вы кого тут насиловали?

Он долго с недоумением смотрел на нас, пока мы не успокоились после безудержного смеха, понимая, что было слышно в эфире.

22 октября 1989 года исполнилось 60 лет Льву Ивановичу Яшину, выдающемуся вратарю московского «Динамо» и сборной СССР, легенде мирового футбола. В честь юбиляра была организована с ним встреча, где состоялся концерт известных артистов и исполнителей, и мне посчастливилось быть на этой встрече. Борису Полукарову приглашения на концерт подарил Константин Иванович Бесков, и он на «Волге» привёз меня, Подъячева и Андрея Михайлова, сына Бориса Петровича, на малую спортивную арену стадиона «Динамо».

Лев Иванович болел, и находился на сцене в инвалидной коляске. Много было сказано тёплых слов и спето много песен. Концерт был замечательный. Выступал Михаил Ножкин, песни которого я любил слушать. И там я впервые услышал Михаила Задорного. На фоне Сумгаитских событий, и конфликтов в Киргизии, в его юмореске рассказывалось, как республики и области брали независимость. Задорнов интерпретировал, как из центра звонили по телефону в края и веси, и получали оттуда соответствующие ответы. «Сахалин, Сахалин», - запрашивал Задорнов. – «I don*t undenstend you», - отвечал он же за остров. Это было далеко до Ельцина. А мы смеялись.

Наступил 1990 год. Ко дню 120 годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина, 2 января, Юдина, как секретаря партийной организации батальона, пригласили посетить музей Ленина в Кремле, и мавзолей на Красной площади, куда поездку организовал городской комитет КПСС. На следующий день он поделился со мной своими впечатлениями.

- Виктор, ты знаешь, как скромно жил Ильич? В одной комнате кабинет, во второй – спальня, а в третьей жила - его сестра. Никакого сервиза. Чашки – и те разные. На меня это произвело такое впечатление! Я приехал домой, выпил,

посмотрел на свой сервиз в серванте, взял две хрустальные рюмки и грохнул их об пол, - с горящими глазами Павки Корчагина произнёс Анатолий.

Не похоже, что лицемерил.

- Я-то знаю, там тоже был - отвечаю я. - В отличие от Владимира Ильича, Троцкий занял во дворце все комнаты императрицы. Сейчас Ленин у нас везде: надо, и не надо. Тут недавно я увидел по телевизору репортаж из венерического диспансера. Корреспондент брала интервью у главного врача, а стояли они у стенда, посвящённому вождю пролетариата. И название стенда было такое: «Ленин с нами». Куда режиссёры смотрят?

- А как тебе плакат на входе в воинскую ракетную часть: «Наша цель – коммунизм»? – спросил Анатолий.

- А улица в Москве: «Коммунистический тупик»? – в свою очередь спросил его я. - Тебе анекдот на эту тему рассказать?

Увидев заинтересованность на лице Юдина, я начал: «Брежнев заехал к Хрущёву на дачу и спрашивает его: «Как живешь на пенсии, Никита Сергеевич, денег хватает»? - «Хватает, Леонид Ильич. Я устроился на работу к Никсону, он мне 500 долларов платит» - отвечает Никита Сергеевич. – «А что же эта за работа»? – спрашивает Брежнев. «Простая работа: сидеть на берегу атлантического океана и смотреть на закат капитализма» - «Приходи ко мне,- предложил Брежнев,- я тебе больше буду платить. Будешь сидеть на берегу Тихого океана и смотреть на восход коммунизма». – «Нет, не пойду», - говорит Хрущёв. «Почему»? – удивился Брежнев. – «Потому что, твоя работа временная, а у него - постоянная».

- Интересный у нас с тобой диалог, между секретарём партийной организации и председателем совета ленинской комнаты, - завершил разговор Анатолий Николаевич, и пошёл в свой кабинет.

Начался вывод советских войск из Германии по договору Горбачёва и Коля. Наши военные оставили тёплые казармы, и их вывезли на родину, в поля. У нас в Солнечногорске начали строить домостроительный комбинат для военных, но в эксплуатацию его так и не запустили. Техника, а то и вооружение, по сути, было брошено там, на радость врагам социализма.

Ко мне в Пешки приехал Валера Ярославцев. У меня на столе под стеклом лежали нужные мне повседневно бумаги, несколько фотографий и коллаж: все руководители Советского Союза, начиная с Ленина. Валерка, указав на Горбачёва, определил: «Мафия».

- Ладно, тебе, мафия. Я из-за него в партию вступил, - возразил я.

- Говорю тебе: мафия.

Мы перешли на другую тему, оставшись каждый при своём мнении.

- Сейчас я занимаюсь оформлением офисов, залов, - начал разговор Валерий. – Вожу цемент, стройматериалы, на своей машине. Жалко её. Я

слышал, что сейчас можно приобрести «Уазик» в воинской части. Ты не можешь узнать подробней?

- Я не интересовался, у меня машины нет, и не предвидится. Впрочем, сейчас я позвоню одному человеку.

Я вспомнил про маклера, Усмана Укаева, и стал листать ежедневник. Найдя нужный номер, я позвонил. Мне ответил женский голос.

- Здравствуйте, могу я услышать Усмана, - спросил я.

- Здравствуйте. Вы адвокат? - в свою очередь спросила она.

- До свидания, - сказал я, и положил трубку телефона.

- Валер, этот человек нам не подходит. Надо тебе у военных узнать.

- Ладно, найду ходы.

- Ну, как ты живёшь? - спросил я.

- Хорошо. Только что из Франции прилетел.

- Турпоездка?

- Нет. Одной француженке нравятся мои полотна, она мне заказывает картины, и пригласила меня в гости, в Париж, - ответил он.

- Как там живут, в Париже? - спросил я.

- Ты в доме отдыха бывал? - переспросил он меня.

- Бывал, - ответил я.

- Вот там живут, как в доме отдыха.

- Да, ладно. Там же безработица есть, - засомневался я.

- Там не работает только тот, кто не хочет работать. Они получают пособия, их это устраивает. Там не увольняют работника просто, как у нас. Если руководитель не сошёлся в чём-то с работником, то он даёт положительную рекомендацию для других руководителей, - рассказал Валерий.

- А бездомные на улицах? - спросил я.

- Их не трогают, иначе, это будет ограничение их свободы.

- Да, уж, - удивился я.

Сергей Галкин от нас перевёлся в спец.милицию, в военный городок Тимоново. Он, обычно, добирался до работы на попутной машине. Утром Сергей вышел на Тимоновское шоссе, в его сторону ехали два самосвала «КАМАЗ». Галкин, одетый по форме, остановил вторую машину.

- С вами можно доехать? - спросил он молодого водителя.

- Пожалуйста.

У Сенежского озера, на обочине стоял первый самосвал, водитель которого остановился подождать товарища. Водитель, с кем ехал Сергей, встал позади него. О чём-то поговорив с напарником, молодой парень вернулся к своей машине, и, трогаясь с места, спросил Галкина:

- Вам далеко ехать?

- А вы куда едете?

- Вам - то куда? - повторил вопрос водитель.

- Где мне остановите, там я и сойду.
- Что, можно здесь остановить? – спросил водитель.
- Можно и здесь, - согласился Сергей.

Водитель прижался к обочине и остановился.

- Спасибо, - поблагодарил Галкин, и стал ждать следующую попутку.

Приехав на службу, Галкин завёл служебную машину «Жигули» и выехал из городка. Он повернул на дорогу, ведущей к деревни Загорье, где рядом с ней находился карьер. Водители «КАМАЗов», как и предполагал Сергей, свернули туда, и теперь, гружёные песком, двигались в сторону дач. Там - то Сергей Галкин их и дождался.

- Я бы всё простил, - сказал Галкин понурым водителям, - и ваш левый груз, и другое нарушение, но высадить сотрудника ГАИ в лесу, посередине дороги, извините.

- Ты, что, обормот, мне не сказал, что везёшь гаишника? - накинулся пожилой водитель на молодого. – Ты что, два километра не мог его довезти до проходной военной части?

Когда Сергей Галкин, окончив очную школу ГАИ в Саратове, пришёл к нам в дивизион, в Молжаниновку, была зима. Ему ещё не выдали зимнюю форму, и поэтому его определили в дежурную часть ко мне помощником. В 23 часа я по телефону передавал в Управление ГАИ Московской области сведения по личному составу: сколько в наряде и в отпуске, сколько выходных и больных; сколько было задействовано автомобилей и мотоциклов, и другое. Поскольку я в течение дня заполнял книгу нарядов, и не один раз, то количество данных я знал наизусть. Я передавал информацию дежурному по Управлению, смотря перед собой. Сергей, который первый день вышел на службу, проследил за моим взглядом и, упёршись глазами в пустое место на стене, задал вопрос:

- А где ты видишь эти цифры?
- На потолке.

Галкин поднял голову на побелённый потолок, ничего там не увидев, стал шарить взглядом по стене.

- Где? Я не вижу.
- Там, там, смотри.

Подойдя почти вплотную, Сергей стал рассматривать углы. Я, закончив разговор, положил трубку, и, видя, как продолжает недоумевать Галкин, признался, что цифры у меня в голове. Он ударил себя по лбу ладонью и долго смеялся над собой.

Осенью - слякоть, летом - жара,
Зимой – гололёд, стоим в снегопаде.
Говорят: наша служба - прелесть одна,
Жезлом махнул, и уже в шоколаде.

XV

Хорошо, когда занимаешься делом, оно тебе нравится, и в нём ты компетентен. При моей работе с административными материалами, поступившими на водителей к нам в батальон, главное было выяснить: соблюдены ли все формальности при составлении документов.

Если нетрезвого водителя инспекторы ГАИ оформляли на месте, то важно было, чтобы при продувании трубки «Контроль трезвости», присутствовали двое понятых, и чтобы при них трубка вскрывалась. А также надо было, чтобы окраска наполнителя трубки при положительной пробе приобретала именно зелёный цвет. При продувании контрольной трубки, на второй её конец инспекторы надевали полиэтиленовый пакет, чтобы видеть, что выдыхаемый воздух проходит через трубку. И правильно делал сотрудник ГАИ, когда выпускал воздух из пакета уже после того, как трубка отделялась от пакета, а не обратно через наполнитель, не снимая пакета. Мало ли чего туда могли накапать недобросовестные работники ГАИ. Вот, всё это я выяснял при рассмотрении материалов дел.

Если освидетельствование на состояние опьянения водителя проходило в медицинском учреждении, то акты с положительным результатом, подписанные врачом, должны были отражать четыре пункта: пульс, кровяное давление, координация движений и запах алкоголя изо рта. Если в акте хоть один пункт не соответствовал норме, то я направлял такой акт медицинского освидетельствования на комиссию в московскую наркологическую больницу №17 для экспертизы. Мне попадались такие акты, в которых указывалось: пульс в норме, давление в норме, координация в норме, запах алкоголя присутствует, вывод – лёгкая степень опьянения. Однозначно, такой акт отменялся. Кроме того, проводить освидетельствование должны были только наркологи и терапевты.

Так, что эта часть моей работы в юридическом плане трудности не вызывала.

Ко мне в дивизион приехал главный агроном совхоза «Солнечный» Михаил Сергеевич Козлов, с которым я и Иван Захаров вместе проходили срочную службу в Красноярском крае.

- Какими судьбами? Я твоих трактористов курирую, не беспокойся, посевную не сорвём. Но работу с ними проводи, - встретил я товарища такими словами. – Кто-то ещё попался?

- Попался. Друга остановили ваши на Тарakanовском шоссе, а он был выпивши. У него это второй случай. Говорят, что ты занимаешься расследованием таких дел.

- А где он сам? - спросил я.

- Во дворе. Давай выйдем к нему, ему неудобно в кабинет заходить, - попросил Михаил.

У стоянки машин стоял мужчина, которого я сразу узнал, потому что запомнил его на всю жизнь. Двадцать лет назад я подъезжал с ним на чёрной «Волге», из Солнечногорска в Молжаниновку. Он сам мне остановил, предложив подвезти, и сорок минут поездки я провёл в интереснейшей беседе. Мы познакомились. Его звали Евгений Иванович, и он мне немного рассказал о себе. В то время, когда он меня подвозил до места службы, была золотая осень.

- Виктор, ты посмотри: какая у нас природа, - с восторгом начал он разговор. - какая красота! Я недавно вернулся из Африки, не могу надышаться нашим воздухом. Ты где живёшь?

- Сейчас в Дулепово, - ответил я.

- Земляк, - обрадовался Евгений Иванович.

Он дал мне визитку со своими данными: «Зыкин Евгений Иванович, начальник таможенного комитета при Совете Министров СССР».

Просил звонить. Правда, я посчитал неудобным его беспокоить, да, и просить его мне было не о чем, хотя визитку я сохранил.

Он меня тоже узнал:

- Это вы, тот самый сержантик из Дулепово, которого я когда-то подвозил?

- Да, я.

- Что можно сделать в моей ситуации? – сразу перешёл к делу Евгений Иванович.

- Когда поступит ко мне административный материал, то тогда можно будет что-то сказать. Или второй вариант: я пересылаю его по месту учёта автомашины, то есть в ваше отделение ГАИ, в Москву, - объяснил я ему.

- Второй вариант меня устроит. Договорились. В субботу прошу вас всех ко мне в Дубровку, баньку натоплю, там и поговорим. Рад снова встретиться, - сказал Зыкин.

Административные материалы были переправлены в Москву.

Мы стали с Евгением Ивановичем хорошими друзьями, у него было многому чему научиться. Человек добрейшей души, очень гостеприимный. Работая в Москве, он проживал в деревне, в которой родился. Сама Дубровка осталась на карте именно благодаря Евгению Ивановичу. Когда в деревне осталось два дома, и было принято решение о переселении людей в центральную усадьбу совхоза «Солнечное», Зыкин отстоял свою малую родину в администрации района. В период построения коммунизма, одной из стратегий советского правительства было: осуществление слияния города с деревней. Стали строить в сельской местности многоэтажные дома, укрупнять совхозы, строить коровники на сотни голов, а не как было в послевоенные годы: каждая деревня - колхоз.

Со мной связалась следователь Клинского ОВД:

- Виктор Матвеевич, ко мне пришёл материал из суда на Петрова, в отношении которого вы проводили дознание по статье 211 со значком 1, для возбуждения уголовного дела.

- Да, я помню Петрова. Он живёт в Солнечногорске, а повторно его задержали в нетрезвом состоянии при управлении автомашиной в Клинском районе. Да, я рассмотрел дело по протокольной форме.

- Так вот, он не явился по повестке в суд, и судья вынес постановление в отношении Петрова о возбуждении уголовного дела и его аресте. Завтра его привезут из Волоколамска для допроса, а я в отпуске. Вы не могли бы допросить его в Клинском ОВД, - попросила она.

- Конечно, могу, - ответил я.

- Вот, спасибо.

Каждое рассмотренное дело – это чья-то судьба, чья-то жизнь. И ты становишься косвенным свидетелем проступков, или поступков людей. Когда я передавал материалы на подследственных в суд, то каждого предупреждал, что суд – это очень серьёзно, и за ними никто бегать не будет, на повестки надо являться неукоснительно.

Я, обеспокоенный судьбой Петрова, заехал по его адресу: на квартиру по улице Советской. Он на мои повестки тоже не являлся, и я посещал его на дому. Это был молодой человек, который недавно женился, и жена была беременна. Выходит: мои предупреждения Петров игнорировал, и вот результат.

Мне открыла уже молодая мама с ребёнком на руках. Они жили вдвоём с мужем, и я представлял себе: в каком положении её оставил бестолковый супруг. Я ей сказал о положении её мужа, и предложил ей написать ему записку.

Милиционер проводил меня в камеру предварительного заключения.

- Ну, здравствуй, - сказал я моему бывшему подопечному.

- Здравствуйте, - ответил мне безрадостно Петров, не поднимая глаз.

- Давно в СИЗО сидишь?

- Третий месяц.

- Я же тебя предупреждал. Ты хоть знаешь, что ты уже отец?

- Нет.

- У тебя сын родился, держи письмо от жены.

Прочитав послание, он мне пожаловался:

- Виктор Матвеевич, в СИЗО все смеются надо мной: там за убийства сидят, а я по такой мелочёвке.

- Ума нет – считай калека, как говорила моя мама. Сам виноват. Давай, снова расскажи мне о задержаниях тебя при управлении автомашиной в состоянии алкогольного опьянения, - сказал я, доставая бланк протокола допроса.

И, конечно, судья приговорил его к шести месяцам лишения свободы, если он просидел в Волоколамске пять месяцев.

При очередном звонке Татьяне, она мне вдруг назначила свидание:

- Приезжай ко мне в Зеленоград с другом, я буду с сестрой. Куда-нибудь съездим на природу.

Семь лет прошло, пока я услышал от неё такое предложение, и желание видеть её за этот срок у меня только усилилось. А совесть как-то присмирела. Олю я тоже давно не видел, она вышла замуж и имела двоих детей.

- Как у тебя в семье? – спросила Таня.

- Чем дальше, тем меньше понимания, - ответил я.

- Тогда я от тебя не отстану.

Легко сказать, а как поступить? Сомнения властвуют над нами. Может у меня наступил кризис среднего возраста, как толкуют с телевизора? Вопросы, вопросы. Но, какой кризис? Я хочу её видеть, и, как говорят, если нельзя, но очень хочется, то можно.

Среди сотрудников я нашёл одного желающего разделить со мной компанию, и мы на его «Москвиче» приехали на место встречи. Дамы были пунктуальны. На берегу Истринского водохранилища мы развели костёр и, разделившись на пары, сели на траву друг против друга. Мой сослуживец быстро нашёл с сестрой Татьяны общий язык, и они начали целоваться. Я видел, что Таня пришла в волнение, когда я положил ей голову на колени. Она позвала меня прогуляться, но проявлять нежные чувства мы с ней не стали.

- Ты можешь у друга взять машину, и мы с тобой позже встретимся? – спросила она.

- Могу.

- Хорошо. Ты мне завтра позвони, а сейчас поедem домой.

На следующий день я позвонил ей, мы поговорили, и Таня мне задала главный вопрос:

- Ты можешь на мне жениться? – в голосе её звучали нервные нотки.

- Давай увидимся и серьёзно поговорим обо всём, - ответил я.

- Хорошо.

Мой ответ, наверно, её не устроил. Через пару недель, переварив ситуацию, я приехал в Зеленоград на нашу встречу с полной решимостью что-то поменять в своей жизни. А она пришла на свидание не одна, а с сестрой Олей, и больше речь не заводила о наших дальнейших отношениях. На неё это было похоже, и я не настаивал. Выбор всегда остаётся за женщиной. Я давал себе отчёт о серьёзности поступка и, что стоит на кону. Но если бы настояла она, я не знаю, как бы я поступил в тот момент. Пятьдесят на пятьдесят. Любовь или долг – дилемма. Конечно, и во втором случае есть любовь, но...

А вот Ольга серьёзно подошла к своим отношениям с моим приятелем Сергеем. Они оба ушли из своих семей, и стали жить вместе. У неё сын и дочка, и у него был ребёнок. Я себя чувствовал виноватым.

Закончив рассмотрение очередного дела, собрался я ехать в Солнечногорскую прокуратуру с «отказным» материалом по повторному управлению в состоянии опьянения. Меня попросил Игнатов взять заодно на подпись и его «отказной» материал по дорожному происшествию. Виктор Васильевич Карасёв, прочитав моё дело, подписал его, а постановление Игнатова об отказе в возбуждении уголовного дела прокурор не утвердил и вернул на доследование.

- Володь, прокурор не согласен с твоими выводами.

- А чего он не согласен? Со стороны Менделеево водитель проехал на красный свет, а водитель, двигавшийся по «ленинградке», в сторону Твери на зелёный сигнал светофора. Доказано.

- Я не читал материалы дела, но из разговора с Виктором Васильевичем я понял, что он прав. Из объяснений водителей возникает вопрос, какой мне и задал прокурор: «Была ли техническая возможность у водителя, двигавшегося на разрешённый сигнал светофора, избежать столкновения»? Вот ты это и доказывай, - разъяснил я.

- Надо выезжать на место ДТП, на 41 км, для следственного эксперимента, брать секундомер, – то ли утверждая, то ли спрашивая, сказал Игнатов.

- Правильно. Поезжай и замеряй: какое расстояние от «стоп-линии» у светофора на Ленинградском шоссе до пересечения с Льяловской дорогой. А там метров тридцать. Водитель указал скорость движения своей автомашины: так мог ли он остановиться при возникновении опасности, или нет? А там местность открытая. Пункт 10.1 ПДД.

- Второй водитель признал свою вину, - продолжал защищаться Владимир.

- Ты же знаешь Карасёва. Вопрос возник? Вопрос резонный, а его не должно быть. Ты проведёшь эксперимент, и заключение будет такое же, но уже без вопросов. Здесь у московского водителя усматривается косвенная форма вины: мог предвидеть, должен был предвидеть, но отнёсся к этому легкомысленно. А вдруг у машины, выехавшей на перекрёсток, отказали тормоза? Должен предвидеть. Пункт 10.1. Правило, - в части безопасности, - что каждый участник дорожного движения рассчитывает, что и другие участники соблюдают Правила дорожного движения, не работает. Помнишь, когда я вначале работы в дознании поехал в Переславль-Залесский на служебной машине опрашивать понятого. Сентябрь, солнечный день. Выехал по «ярославке» за пределы области. Красота, в золото одетые леса, машин мало. Дорога: спуск – подъём, проезжая часть односторонняя в обе стороны. Спускаюсь, передо мной в двух километрах вижу населённый пункт, а справа

по полю к шоссе пылит «ГАЗ-53». Дорога перед деревней идёт на подъём, грузовик в поле моего зрения, и я вижу, что мы с ним пересечёмся в одной точке. Но я - то иду по трассе, а у него выезд на главную дорогу, поэтому я, ни о чём, не беспокоясь, продолжаю ехать, как ехал. А водитель «ГАЗ-53», нисколько не сомневаясь, вдруг выезжает прямо перед моим носом. Тормозить поздно, резко выезжаю на полосу встречного движения, а она всего одна, и по ней мне навстречу поднимается «Камаз». На моё счастье, водитель «Камаза», видел всю ситуацию и остановился. Мне удалось проскочить между «Камазом» и «Газоном». Первая мысль была остановить нарушителя, - как можно не увидеть «канарейку», с маяками, - но не стал этого делать. Я должен был предвидеть такую ситуацию и подстраховаться.

Хотя нельзя выезжать на полосу встречного движения, но я видел: у меня оставалось место для маневра: я мог съехать в левый кювет. Спасибо водителю «Камаза» – не пришлось этого делать.

Звонил Татьяне. В разговоре она спросила меня: могу ли я узнать данные на водителя автомашины.

- Могу, если ты знаешь номерной знак.
- Узнай, пожалуйста. Автомашина, «ГАЗ-24», - и она назвала номер.
- А зачем тебе?
- Я потом тебе скажу.

В информационном центре мне сообщили, что машина принадлежит Хамонову Виталию Владимировичу, жителю Зеленограда. Вот это да! Так не бывает. Это же Виталий из совхоза «Солнечный», с которым я поступал вместе на службу в МВД в 70-м году.

Позвонив в следующий раз, в конце разговора я спросил Таню:

- Что-то ты не спрашиваешь про водителя «Волги»?
- А уже не надо, - ответила она и положила трубку.

У меня, в отделе дознания, была рабочая пятидневка, дознаватели же работали по графику: день, через два, по 12 часов, и часто были в отъездах. Порой, так не хватало время на свои дела, - поджимали сроки исполнения, - а тут посетитель к дознавателю, а он в отъезде. Один раз пришла пожилая женщина, в чёрном платке. «Это явно к дознавателям», - подумал я.

- Разрешите?

- Пожалуйста, проходите. Похоже, вы по дорожно-транспортному происшествию.

- Да, три недели назад мой сын попал в аварию в Солнечногорске.

Я открыл ящик стола, за которым сидели мои товарищи, и по книге происшествий нашёл нужную запись. Это была «мелочёвка», то есть, ДТП без пострадавших, причём, я помнил, что виновный в нём водитель, - а им был указан сын женщины, - с места происшествия убежал в процессе оформления

аварии сотрудниками батальона. По их словам, этот водитель был трезв, и непонятно было, что его подвигло на такой поступок.

- А что случилось с вашим сыном, ведь он скрылся с места ДТП, бросив машину? – спросил я женщину. – Там же ничего серьёзного не было.

- Он попал под электричку.

- Как?!

- Не знаю, нам не известно. Мы его искали, и через неделю оказалось, что его тело находится в Солнечногорском морге, и числился, как не опознанный. Документов при нём не было.

Я понял, почему это произошло. Человек погиб на станции «Подсолнечная», на железной дороге, а железная дорога обслуживалась линейным отделением милиции, которое находилось в Клину. Таким образом: труп был обнаружен в центре Солнечногорска и направлен в морг нашего города, но Солнечногорская милиция была не в курсе: на место гибели человека прибыли сотрудники линейного отделения Клина. Водительское удостоверение же погибший передал сотрудникам ДПС до своей гибели, и оно осталось в батальоне. Я, конечно, сочувствовал женщине, потерявшая сына, и терпеливо выслушивал её.

Она сокрушалась, что автомашину сына отдали его жене, а с невесткой у неё нелады. В моей голове застрял вопрос: почему из - за небольшой аварии человек бросился под поезд? Наверно, не только авария являлась причиной, а что-то ещё. Может это что-то ещё и стало причиной самого ДТП. Не только здоровье, усталость или состояние водителя, но и настроение в процессе управления автотранспортом влияет на безопасность движения.

При дорожно-транспортных происшествиях погибает гораздо больше людей, чем в результате преступлений, или при несчастных случаях, и в ДТП погибает самая трудоспособная часть населения. И ещё вопрос: какая смерть страшнее - от ножа, от пули, от кирпича, или под колёсами машины? Исходя из этого: безопасности дорожного движения должно бы уделяться гораздо большее внимание, так нет. Сотрудники ГАИ, кроме своих обязанностей, выполняют и другие: помогают милиции, пресекая нарушения общественного порядка, помогают уголовному розыску, задерживая угонщиков автомашин, помогают ОБХСС, контролируя незаконную перевозку автотранспортом, и выявляя хищения собственности, сотрудничают с КГБ, помогая выявлять иностранцев, нарушивших наши законы. И, часто, гаишники первыми встречают преступников, скрывающиеся от возмездия праведного суда, и использующие для этого автомашины. В ущерб своей службе, с моей точки зрения.

ГАИ была образована 3 июля 1936 года, и тогда в её функции относились: «...борьба с авариями и хищническим использованием транспорта, наблюдение за подготовкой и воспитанием шофёрских кадров, разработка

технических норм и измерителей эксплуатации автотранспорта, количественный и качественный учёт автотранспорта».

Вот! Наверно, каждый должен заниматься своим делом.

Я обратился к Цветкову, когда он пришёл в кабинет, заступив на сутки:

- Саш, - вчера приезжал участник ДТП, оно было в твоё дежурство. Я ему ничем не помог: ты не отметил, где находится дело, а в твоих незавершённых делах я не нашёл.

- Матвеич, затолкала эта бухгалтерия. Пусть, прежде, связываются со мной.

- Бухгалтерия бухгалтерией, но если ты отмечать не будешь, потом не разгребёшь, аварии каждый день.

Как в воду глядел. Спустя время смотрю: Цветков перебирает бумаги то в столе, то в сейфе, то в архиве копаются.

- Что потерял? – спрашиваю.

- Прокуратура запросила материал, в отношении которого я вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, а его нигде нет.

- В секретариате смотрел?

- Не нашёл.

Я поднялся к секретарю:

- Марина, посмотри: не отправляла ли ты материал Цветкова куда-либо?

- Он сам приходил, мы не нашли, по исходящим не проходит.

- Ты по реестру посмотри, может по телефону запрос был.

- С какого числа смотреть?

- ДТП было четыре месяца назад.

- Нашла, - сказала она через несколько минут, перелопатив стопку квитанций, – отправлено с нарочным в Солнечногорский ОВД.

- А кто отправлял?

- Александр Сергеевич.

- Матвеич, осознал, - обрадовался Цветков, - тут вот, ещё какое дело. Две недели назад приходит ко мне мужчина из Майдарова, и заявляет, что его сбила машина на бетонке Дмитровского направления, и указал номер машины. Я установил: кому она принадлежит и кто её водитель. Я зарегистрировал происшествие, вызвал и опросил водителя, осталось напечатать постановление. А сегодня этот пешеход ко мне приехал и написал отказ от своего заявления - наезда не было. Выходит: я ему помог деньжат срубить с водителя.

- Саш, что подделаешь? Какой мы только бесполезной работой не занимаемся. Вот, если бы был закон об ответственности за ложный вызов милиции. Я тут ехал с одним дальнбойщиком. Он был в рейсе во Франции на грузовой машине «Вольво», и там попал в ДТП. Мне о последствиях рассказывает: «Полиция приехала очень быстро. Поскольку я был виновный в

аварии, то передо мной поставили выбор: приличный штраф, или трое суток тюрьмы. Плюс - оплатить вызов полиции. «Я полицию не вызывал», - говорю им. - «Это не важно, вина ваша – будьте любезны оплатить».

- Чего он выбрал?

- Конечно, штраф. Трое суток простоя груза выйдет в такую копеечку! Там груз должен придти точно по времени – ни позже, ни раньше, в обоих случаях – штраф, а никак у нас: гонит водитель всю ночь без отдыха, чтобы раньше доехать, и бегают за грузчиками, чтобы разгрузили. А основная причина аварийности на дорогах мира, по статистике, - это превышение скорости, а на втором месте - усталость водителя.

Поступили мне материалы на одного товарища, на которого было составлено четыре протокола за управление автомашиной в состоянии опьянения в течении одного дня. Вызвал его повесткой. Это был молодой мужчина, приятной наружности.

- Как же это вы умудрились целый день разъезжать на машине в нетрезвом состоянии? - первое, что я спросил его

- Я жил в Пушкино, и поссорившись с женой, напился, а пил спирт, - начал он свой рассказ. - Утром, я решил поехать в Ленинград, и, попив воды - горло пересыхало - отправился в путь. Надо было перед поездкой повидать отца, он живёт в Красногорске. На Ярославском шоссе, перед МКАД, меня первый раз остановили, провели освидетельствование и составили протокол, а через час разрешили продолжить движение. Поговорив с отцом, я отправился дальше. Опять попил воды, которой я запасаю, выехал на Ленинградское шоссе, и в Спас-Завулке меня снова остановили на посту ГАИ. Спирт с водой даёт реакцию, и на меня второй раз составили протокол за управление машиной в состоянии опьянения. Через час меня отпустили. Я попил воды, и в Калининской области сотрудники ГАИ меня в третий раз оформили. Через полтора часа въезжаю в Новгородскую область, свисток, жезл, протокол.

- Сколько же вы спирта выпили? – спросил я.

- Много, - ответил он.

Мне оставалось опросить отца этого молодого человека и направить дело в суд. В субботу, декабрьским утром, я выехал на служебной автомашине «ВАЗ-2103», чтобы застать свидетеля дома. Приехав по нужному адресу, я подхватил дипломат, в котором находилось единственное дело, и поднялся в квартиру. Отец моего подследственного, как и он сам, произвёл на меня приятное впечатление. Интеллигентный, сухощавый, пожилой человек. Он всё правдиво рассказал о том злополучном дне, подтвердив показания сына.

С чувством выполненного долга я вышел на улицу. Поставив на снег дипломат, я открыл дверь машины, и навалился плечом на переднюю стойку. У нашей машины группы дознания были не только плохие тормоза, но и слабый аккумулятор. Поэтому, прежде чем где-либо оставлять машину, мы выбирали

возвышенность, чтобы, столкнув машину вниз, сесть в неё и на ходу включить передачу. Так мы её заводили. Мой пригород был коротким, и я боялся, что двигатель не успеет завестись, но завёлся. С мыслями, что всё сложилось хорошо, я выехал из посёлка. Не прошло и трёх минут, как я хватился дипломата. Вернувшись на прежнее место, его я уже там не обнаружил. Посёлок ещё спал, на улице ни души, хотя время подходило к 10-ти часам.

Спросить некого, и я пошёл к единственному известному мне здесь человеку: к отцу подследственного, даже не зная, чем он может мне помочь, и захочет ли. Открылась дверь, и этот порядочный человек говорит мне с порога:

- Я сразу за вами вышел, чтобы погулять с болонкой, вижу: стоит дипломат.

Передавая его мне, он попросил:

- Прошу вас, постарайтесь что-нибудь сделать для сына.

- Я вам обещаю, - сказал я. – Большое спасибо.

Я говорил искренне. Обещать было легко, но к доказательной базе комар носа не подточит, я всё проверил. Подлог – не вариант. Надо постараться что-то найти, ведь развалить дело гораздо легче, чем доказать вину. И, по-моему, нашёл.

Приехав в Клинскую прокуратуру к заместителю прокурора, Даничкину Борису Николаевичу, я обратил его внимание на то, что инспекторы ДПС делали одну и ту же ошибку, а именно: при составлении протоколов за управление транспортным средством в состоянии опьянения, они должны были отстранить водителя от управления до полного вытрезвления.

- Этого сделано не было ни в одном из четырёх случаев, а в остальном – всё правильно, Борис Николаевич. Поэтому я запросил характеристику с места работы водителя, она положительная, и я, в соответствии со статьёй 51-й Уголовного Кодекса, вынес постановление на передачу дела в товарищеский суд.

Даничкин начал знакомиться с материалами дела, и я добавил:

- Если направить дело в городской суд, то судья, наверняка, направит представление в Управление ГАИ.

- Да, это бесприкрытый вариант, - согласился Борис Николаевич, и подписал постановление.

Иной подход в почти похожем случае имел прокурор Солнечногорска. Когда я пришёл к нему с делом, рассмотренным мною по протокольной форме в отношении ветерана афганской войны, который повторно управлял автомашиной в состоянии опьянения, то был уверен, что Карасёв моё постановление сразу подпишет. Но я ошибся.

- Почему это вы предлагаете освободить водителя от уголовной ответственности, и направить дело в трудовой коллектив на поруки.

- Он награждён орденом Красной звезды, есть ходатайство с места работы с положительной характеристикой. Согласно 52 статьи УК, можно выносить такое постановление, - защищался я.

- Но это не значит, что мы должны с этим согласиться.

- Виктор Васильевич, наша цель: направить оступившегося человека на путь истинный, а передача его на поруки коллективу есть перевоспитание и исправление. Но, если вы не согласны...

Прокурор моё постановление подписал.

ДТП – наша боль, мы мчимся туда,
Пострадавшие в «скорой», спасибо бригаде,
Говорят: наша служба - прелесть одна:
Жезлом махнул и уже в шоколаде.

XVI

Я отгонял мысли о Хамонове, но тревога поселилась в моей душе.

- Скажи мне: почему тебе уже не нужны данные на водителя «Волги»? - позвонив Татьяне, спросил я, холодея от предчувствия.

- Он меня нашёл.

- Вы стали встречаться? – спросил я.

- Да, Виктор Матвеевич, я влюбилась, - сказала Таня.

Учитывая отношения Тани с мужем, это не должно было быть неожиданным. Впервые в жизни я ощутил, что такое ревность. Был бы это неизвестный, а не хорошо знакомый мне человек, то я, может быть, не почувствовал бы такой боли. Я даже не ожидал, что меня так расстроят правдивые слова Тани. Она стала спокойно мне рассказывать о Виталии, как в своё время рассказывала о муже. Тоже мне, подругу нашла. Для меня, между мужем и любовником - большая разница.

Я ушёл в отпуск и взял путёвку в санаторий «Салют» от МВД в городе Сочи. Безрадостный был мой отдых – все мысли о Татьяне. «Что ты, как собака на сене: ни себе, ни людям. Ты же не бросишь своих девчонок, ты же не сможешь уйти от жены, потому что она этого совсем не заслужила», - говорил мне внутренний голос. Жена никогда не давала мне повода для ревности, но и никогда не говорила, что любит меня, в отличие от Тани. Но вера жене больше.

Я думаю: жениться надо, в первую очередь, на умных, а уже во вторую - на красивых. Люба, конечно, не дура, но ведёт себя со мной неправильно. Любви ко мне она не показывает, но ревностью достала.

Где-то, через неделю, когда я со многими перезнакомился, меня ребята спрашивают:

- Виктор, мы смотрим: вроде, ты с виду ничего, и общителен, столько женщин, а ты ни с кем из них не дружишь. И с нами не выпиваешь?

- Друзья! Я от этого из дома уехал, или вы думаете, что там не хватает женщин, и, тем более, водки. Она вот где сидит, - ответил я, взявший себя рукой за горло.

Говорят, клин клином вышибают. Но этот клин должен быть не хуже, и крепче. Где его только взять, этот клин? Хорошие люди на дороге не валяются.

У моего соседа по номеру, Александра, который приехал на две недели раньше, был серьёзный роман с отдыхающей Светланой. Они были оба в разводе, и собирались жить вместе. В компании с ними, в которой была и соседка Светланы, Надя, мы ходили, на пляж. В море мало, кто купался, декабрь всё же, но мы с Александром рискнули. Я не проявлял попыток сблизиться с Надей, хотя она была очень не дурна собой. Мне было не надо, а она – хорошо воспитана. До их отъезда оставалось три дня. До этого Светлана уже два раза ночевала в нашем номере с моим соседом на одной кровати. Он жил в Хабаровске, а она москвичка, и они со мной поделились, что после санатория она приедет к нему на Дальний Восток, и они поженятся. Попросили они меня на оставшиеся две ночи перейти в номер к Наде.

- Мне всё равно, согласится ли Надежда? - откликнулся я на их просьбу.

Она согласилась, а я ей пообещал, что приставать не буду. По-правде, не очень-то и хотелось. После обеда мы сообразили шашлык на берегу моря, укрывшись среди пальм. Ветки пальмы послужили нам шампурами. После ужина женщины отправились в номера, а Сашка, купив бутылку водки и плитку «Сникерса», решил «проставиться» мне за отъезд. Мы уселись за стол, укрытый зарослью магнолий, у пешеходной дорожки. Александр разлил водку в стаканы, оставив половину в бутылке.

- Извини, я больше не буду, Пойду, ладно? – попросил он, посидев со мной минут двадцать.

- Иди, конечно.

Мне самому, как никогда, хотелось побыть одному. Я просидел в сочинской ночи до 23 часов, допивая оставшуюся водку. Не помню, чтобы я когда-либо пил один, а тут мне хотелось напиться. Пил русскую водку, закусывая приторным, невкусным, американским «Сникерсом». И чем больше я пьянел, тем тягостнее мне было на душе. Вслушиваясь в музыку из близлежащей танцплощадки, я всё больше погружался в грусть-тоску. Когда зазвучала прекрасная песня о разлуке с любимой, у меня в глазах стояли слёзы, так мне было жалко себя.

Надя лежала, укрывшись простынёй. Я разделся и лёг на свободную кровать. Утром проснувшись, умылись, и собрались на завтрак. Подойдя к двери, Надя повернулась ко мне и сказала:

- Виктор, какой ты надёжный человек. С тобой можно идти в разведку.

«Если я её сейчас не поцелую, она мне этого не простит». В её глазах я прочитал одновременно и благодарность, и непонимание, и желание. Я

вложил в поцелуй ту страсть, которую предназначал другой. «Хоть не люблю, а целую».

Мы провели с Надей день в прогулке по городу, посетили дендрарий. Надежда зашла в церковь, был какой-то церковный праздник, проходила служба. Священник окроплял верующих водой, и мне досталась хорошая порция. Надя сказала:

- Это очень хорошо, ты лицо не вытирай.

На другую ночь, раздевшись, я забрался к ней в постель. Она не возражала, но предупредила, что сегодня ей уже любовью заниматься нельзя, мы опоздали. После нескольких поцелуев, я перешёл к себе на кровать. Не согрешили, и хорошо. Прощаясь со мной на вокзале, она, прижавшись ко мне, сказала:

- Мы оба этого хотели, но не судьба. Если будешь в Куйбышеве, я тебя встречу.

Я промолчал, у меня перед глазами стояла Татьяна. Не вдохновлял меня курортный роман. Вспомнился анекдот про курорт: «Встретились три подружки после отдыха на юге и стали делиться впечатлениями. Одна говорит: «В первый день я познакомилась с коммунистом. Сразу легли с ним в постель. Потом он 20 дней уговаривал меня, чтобы я никому не рассказывала».

Вторая говорит: «А я связалась с сотрудником КГБ. Он меня 20 дней мурыжил, всё допытывался: кто я и откуда, а на 21-й день мы легли в постель. Третья говорит: «Не знаю. Я встретила Ваньку-слесаря. В первый день мы завалились в постель, на 20-е сутки он встал, подошёл к окну и говорит мне: «Маш, гляди: а здесь и море есть». Но это было не про меня.

Есть же другие женщины, но других не надо, мы выбираем тех, с кем потом мучаемся, страдаем. Хотя, наверняка, знаешь наперёд, что так и будет, не надо бы начинать отношения. Но, как Сухов говорил – правда, по другому поводу - в фильме «Белое солнце пустыни»: «Оно, конечно, лучше помучиться».

!2 июня 1991 года Президентом РСФСР стал Ельцин, и первым его указом был запрет на деятельность всех партийных организаций. Таким образом, он нанёс главный удар по КПСС, так как другие партии только формировались. И в июле городской комитет коммунистической партии Солнечногорска вернул мне мою учётную карточку, прекратив своё существование.

19-го августа должен был состояться новый союзный договор с союзными республиками, кроме прибалтийских стран, но всё пошло не так. Пока Горбачёв отдыхал в Крыму, образовался ГКЧП (государственный комитет по чрезвычайному положению). Вроде, и хорошо, надоела эта никчёмная борьба между Горбачёвым и Ельцином. И в этот день, на 49 км Ленинградского шоссе, у поста ГАИ случилось ДТП с пострадавшими, в котором получили

ранения VIP персоны. На оформление прислали оперативную группу из Следственного Комитета МВД.

Я тоже приехал на место аварии, как старший группы дознания. Там уже делались замеры и велись следственные действия. Впервые я увидел бойца, закрывшим лицо маской, с автоматом. Он прикрывал группу. А от кого? Мы-то никогда ни от кого не прятались, всегда были на виду. Пока следователи делали своё дело, старший группы, поделился со мной своими впечатлениями о перевороте в Кремле, закончив разговор словами:

- Может сейчас порядок наведут.

Не навели. Духа не хватило трём силовым министрам отдать приказ. На третий день всё было закончено: Ельцин перехватил инициативу, министры, устранившие Горбачёва, были арестованы и тайно препровождены в Солнечногорск в сопровождении полуроты автоматчиков, которые их охраняли в доме отдыха «Сенеж». Потом их перевезли в тюрьму, а 23 числа выпустили. Из них достойно закончил только наш министр, Борис Пуго, он застрелился. Его жена разделила с ним эту участь. Остальные развесили нюни. Оказался прав Валерий Ярославцев в отношении Михаила Сергеевича

В этот день я приехал на службу к 9-ти часам, и у дежурной части встретил Льва Григорьевича Максимовича. Отглаженный пиджак, стрелки на брюках вызывающе бросались в глаза. Я никогда ранее не видел его в таком виде.

- Ты нарушаешь форму одежды, надев белую рубашку. В честь чего нарядился? - спросил я Максимовича.

- У меня сегодня праздник, - ответил Лёва.

Владимир Игнатов в выходной день находился в Зеленограде, захотел пить. Купив баночку кока-колы, он вышел на улицу, и пошёл по тротуару, на ходу утоляя жажду. Рядом с ним оказалась пожилая женщина, шедшая в попутном направлении.

- Антихристы. Совсем совесть потеряли, на улице распивают, -

стала выговаривать ему женщина. — Вот, такие страну и довели до ручки.

- Бабка, что ты орёшь, - парировал Игнатов. — Ты вдвое старше меня, так, что надо разобраться: кто из нас страну развалил.

Вмешался мужчина, поддержав женщину. Игнатов понял, что спорить не стоит, соберётся толпа, и не поймут, ведь.

В это лето на 34 км Ленинградского шоссе ранним утром в автомобильной катастрофе погиб вратарь футбольного клуба ЦСКА Михаил Ерёмин, через 9 часов после победы команды в финале Кубка СССР. Что меня неприятно удивило? Читаю информацию в газете «Комсомольская правда»: «По сведениям агентства «Rerters» ...». Почему «Рейтер»? У вас в

центре Москвы находится УГАИ Московской области, где можно получить правду о ДТП во всех подробностях.

В октябре, в Клинской прокуратуре, я подписал у Даничкина новое дело, которое направлялось в суд. Я вышел на Ленинградское шоссе, чтобы доехать до Пешек, машину я не брал, удобней было доехать на «попутке». В сторону Москвы двигалась «Лада», и я поднял руку. Водитель говорил с характерным прибалтийским акцентом, хотя номерные знаки на машине были московские.

- Пожалуйста, садитесь, - предложил он.

Прибалтийские страны уже были не наши, но ещё входили в состав Советского Союза. Он ехал из Ленинграда, и, как каждый водитель, находящийся долго в пути и нуждающийся в собеседнике, поделился со мной:

- Дорога опасная, - сказал он.

- Осень, дожди, дорожное покрытие оставляет желать лучшего, - поддержал я разговор.

- Не в этом дело. Я еду уже восемь часов, а в Европе я бы это расстояние преодолел за пять-шесть часов. У вас очень опасно водители управляют автомашинами, не знаешь, что от них ждать, - объяснил он.

«Он, допустим не наш, но не настолько же. Диалект похожий, но не совсем».

- Вы из какой страны? – спросил я.

- Из Дании.

«Дожили! Когда-то я составил протокол на туриста из ФРГ за то, что пассажиром у него в машине находился сержант Советской Армии, служивший в ГСВГ, и ехавший домой в отпуск. А теперь сам еду с иностранцем. Времена поменялись. Теперь и в советниках у нашего правительства американцы».

- Я с детства живу в Москве, при посольстве, - продолжил беседу датчанин, - школу здесь окончил. Мне очень жаль, что вы теряете свою государственность. Знаете: на Калининском проспекте, в высотных зданиях, было Министерство по внешней торговле, и я имел дело только с одним человеком. В настоящее время, все люди остались на своих местах, а согласовывать приходится со многими. Причём: теперь деньги я должен перечислять не в банк Москвы, а в Берлинский, или Парижский. Я их спрашиваю: «Почему вы не перечисляете деньги в Российский банк»? Мне отвечают: «Раньше государство грабило нас, сейчас мы грабим государство».

«Суки! Государство, - по Ленину, - это аппарат насилия, то есть, подчинение меньшинства большинству. Вы грабили не государство, а страну, то есть, народ».

По телевизору рассказали анекдот: «Собрались: Горбачёв, Шеварнадзе и Ельцин, и стали рассказывать друг другу свои сны. Шеварнадзе говорит: «Приснилось мне, что меня назначили министром иностранных дел при ООН».

Горбачёву приснилось, что он стал президентом всех стран мира. А Ельцин говорит: «А мне приснилось, что я вас на эти должности не утверждал». Всё шутили.

8 декабря 1991 года разграбленное государство прекратило своё существование, и 25 декабря, Горбачёв официально передал правление страной Ельцину. Красное полотнище флага Советского Союза над Кремлём сменили на бело-сине-красный Российской Федерации. С молчаливого согласия народа мы стали жить в Союзе Независимых Государств. А от кого мы зависели?! Не понятно.

25 января 1992 года был назначен большой спец.проезд в Завидово. И Ельцин туда же. Меня тоже вызвали на усиление, и я регулировал на перекрёстке у поста ГАИ, в Солнечногорске. Машины прошли с большой скоростью. После Брежнева, туда по одному разу ездили: Андропов и Черненко, и два раза Горбачёв - перед съездом КПСС, и перед партийной конференцией.

На усиление привлекались сотрудники Солнечногорского ОВД, и районной Госавтоинспекции. К нам выехал командир полка, Мамот Вячеслав Васильевич, и его зычный голос зазвучал в эфире. Указания сменялись замечаниями в отношении инспекторов батальона, работавших на перекрёстках. Вдруг, по рации прозвучали слова:

- Мамот – идиот.
- Кто сказал? – сразу среагировал Вячеслав Васильевич.
- Все говорят, - невозмутимо ответил кто-то.

Я бы не приводил этот факт в повествовании, в отношении уважаемого полковника, если бы не натолкнулся на опубликованное одно из высказываний прославленного вице-адмирала, Радзевского Геннадия Антоновича: «Если про известную актрису больше не говорят, что она - бл*дь, значит - она теряет популярность. Если командира корабля подчиненные в разговоре между собой, хотя бы иногда не называют *удакон, значит, его пора снимать с должности», - говорил он.

Приехав в Пешки, Вячеслав Васильевич, зашёл в дежурную часть батальона. Дежурным был Алексей Самкович. Мамот, пройдя к телетайпу, начал проверять порядок.

- Почему у Вас мусор в мусорной корзине, товарищ капитан?
- А что там ещё должно быть, товарищ полковник? – вопросом на вопрос ответил Самкович.

Премияльные Алексей за квартал не получил.

И в январе погиб Пономарёв Владимир Борисович, работая в ночную смену на посту 49 км. Далеко за полночь он остановил для проверки грузовую

автомашину с прицепом, двигавшуюся в сторону Москвы. Водитель встал на обочине и вышел к инспектору на проезжую часть. Владимир прошёл с ним вдоль борта, и они встали между машиной и прицепом. Ширина перекрёстка имела пять полос для движения, - средний ряд для поворота налево, - а водитель легковой машины двигался в правом крайнем ряду, и не увидел стоящих людей, на освещённой дороге. Пономарёв успел толкнуть водителя к сцепному устройству машины и прицепа, а сам попал под колёса.

Заработную плату мы получали в бухгалтерии Солнечногорского ОВД, и заместитель начальника по следствию, Александр Иванович Насруллаев, в дни полочки уже два раза меня встречал в отделе, и предлагал перейти к нему на работу следователем. А в 92-м году сотрудникам следственного комитета был увеличен оклад в два раза.

Он сначала предлагал стать следователем, Гале Корниловой. Она работала в Крюковском отделении милиции, и тоже закончила юридический факультет КГУ, только на два года позже меня. Мы с ней встречались на сессиях, а недавно она приезжала ко мне в батальон по поручению начальника отделения. Галина на предложение Насруллаева ответила отказом, переведя стрелки на меня:

- Александр Иванович, ну, какой я следователь, опыта никакого. Потом, меня только что назначили начальником паспортного стола. В батальоне работает начальником дознания Астанин, вот, он достойная кандидатура для вас.

Я Александру Ивановичу пообещал:

- Товарищ подполковник, если 1-го июля нам не увеличат зарплату, то я напишу рапорт о переводе к вам.

- Договорились, - согласился он.

Я о разговоре с ним никому не рассказывал, и не знаю, дошли ли слухи до моего командира, или нет, только Евгений Иванович, ни с того, ни с сего, вызвал меня к себе.

- Виктор Матвеевич, принято решение: ввести новую должность в батальоне: заместитель командира по оперативной работе. Где-то, к новому году. Я планирую тебя на эту должность назначить.

Интересно, получается: как только я собирался уходить из подразделения, так командир меня повышал по службе. Мы с Евгением Ивановичем далеко ни за пани брата, и я, бывало, не соглашался с его мнением, но он, из 18-ти сотрудников, имеющих на тот момент высшее образование, предложил мне эту должность.

- Спасибо за доверие, - ответил я.

А зарплату нам повысили.

Зашёл ко мне в кабинет старший инспектор по административной практике, Александр Ушаков. Наши кабинеты были рядом.

- Вить, пойдём, что покажу.

- Что?

- Пойдём, пойдём.

В кабинете он завёл меня за стойку, которая отделяла рабочее место от посетителей, и с довольным видом, представил моему взору внутреннюю сторону, где на полках, стояли с десяток бутылок коньяка, виски, дорогой водки.

- Ну, ну, - только и мог я сказать. Не понятно, для чего ему надо было хвалиться передо мной? И было бы чем.

На следующий день, 2 октября 1992 года, Инютин Евгений Иванович, объявил мне приказ Управления ГАИ Московской области о создание контрольных пунктов милиции на постах ДПС, на основных трассах Подмосковья.

- У нас КПМ создается на посту 79 км, и ты назначен начальником на правах заместителя командира батальона, - сообщил мне командир. - С личным составом определимся, а пока занимай 10-й кабинет, поделите его с Юдиным.

Первым делом, я зашёл в кабинет административной практики. При виде меня Александр Ушаков встал, я прошёл к нему за стойку.

- Показывай.

- Чего? – прикинувшийся непонимающим, ответил Ушаков.

- Что вчера показывал. Занавески раздвигай.

Полки были пустые.

- Смотря на вашу барную стойку, хочу вас со Славой Фроловым предупредить. Будете приносить мне постановления на подпись, о наложении штрафа на водителей за управление автотранспортом в нетрезвом состоянии, если они, конечно, это заслуживают, то, чтобы этим водителям вы не говорили, что и мне, в том числе, требуется благодарность.

Наталия Еремина

Только с тобой

Она безумно его любила. Именно БЕЗ умно. Никаких картин дальнейшей совместной жизни не рисовала. Да и вообще никаких планов на будущее Лиза не строила. Только обожание кумира. Здесь и сейчас.

Познакомилась с ним около года назад. Да и, собственно, личного знакомства не было. Соседка по лестничной клетке, девушка старше всего на год, предлагавшая иногда провести время вместе, в мае прошлого года пригласила её к себе в музыкальный колледж на отчетный концерт, где одним из музыкантов был он.

Концерт Лизе казался скучным и долгим, пока в самом конце не была приглашена на сцену музыкальная рок-группа, возданная преподавателем колледжа и з студентов, обучающихся здесь же. Казалось, никто из участников ничем не выделялся. Пока не зазвучала соло-гитара. Солист был виртуозен и неподражаем, с самого начала исполнения увлекшим весь зал. С первых же аккордов сердце у неё сжалось в счастливый комочек, поднявшийся из груди к горлу, перехватив дыхание, прорвавшись затем радостным криком и выжав из глаз слезы восторга. Таких восторженных девочек была, вероятно, большая часть присутствующих. Вскakiвая с мест, громко кричали, кто умел, свистели на каждый очередной пассаж. Солист самозабвенно с невозмутимым видом продолжал играть, как будто не замечая присутствия слушателей.

Надо сказать, что у музыканта была своеобразная внешность: темные волосы, высветленные на концах длинной прически, были собраны в пучок на затылке, в то время как тщательно выбритые виски открывали большие уши с вставленными в мочки «тоннелями», лицо обрамляла смешная бородка. Одет он был так, словно пришел на очередную тренировку в тренажерный зал: свободная футболка с короткими руками, обнажавшая предплечья с витиеватыми наколками, прикрывала тело до бедер, терявшихся в широких спортивных штанах с вытянутыми коленями. Видавшие виды кеды завершали экипировку. Впрочем, все участники группы выглядели приблизительно так же.

Домой Лиза шла под большим впечатлением от нового знакомства, засыпая вопросами о музыканте свою приятельницу, с усмешкой, но подробно рассказывавшей о нём все, что ей было известно. Звали его Артём Савельев, учился на втором курсе на факультете исполнительского искусства отделения струнных инструментов. Самая большая обрадовавшая её новость – кумир жил в соседнем подъезде! И с этого дня все мысли и действия были подчинены только одному Артёму.

Первое время приходилось подолгу стоять у окна кухни, выходившего во двор, чтобы наблюдать за передвижениями музыканта. Едва был установлен

его временной график, Лиза уже точно знала, когда нужно быть возле подъезда возлюбленного, чтобы как бы невзначай встретиться с ним. Были многократные столкновения лицом к лицу, к великому огорчению не приведшие ни к какой заинтересованности или даже простому узнаванию своей почитательницы. Казалось, кумир постоянно пребывал в своих неведомых грёзах и ему дела не было до окружающего мира.

Лиза готова была целовать ступени, по которым ходил он, кнопку вызова лифта или ручку двери, которых касались его руки. Останавливал только страх быть осмеянной. Однажды была подобрана мелкая монета, случайно оброненная им, в которой потом проделана дырочка для подвески на шнурок. Этот самодельный кулон стал для неё самым дорогим украшением и бесценным даром судьбы. Жизнь, до сей поры бесцветно протекавшая, засверкала яркими красками случайных или продуманных встреч с кумиром. С нетерпением Лиза ждала окончания уроков, чтобы бежать домой и с трепетом в сердце ожидать возвращения Артёма у подъезда. Мечтательность и отрешенность стали преобладать в её поведении над вспыльчивостью и импульсивностью.

Музыкальная группа состояла в основном из студентов колледжа, а руководителем был их же преподаватель, который успешно организовывал выступления в разных местных клубах. Девушка чудесным образом узнавала все эти возможные места. Ей так хотелось лишний раз услышать игру и увидеть обожаемого музыканта, что она всеми правдами и неправдами проникала на эти концерты. Однако, чтобы не идти на конфликт с бабушкой, с которой Лиза проживала последние семь лет, старалась вовремя приезжать домой, нехотя отвечая на вопросы и едва поужинав, уходила в свою комнату, где открывала учебники, в которых почти ничего не видела. Учеба Лизе давалась легко, но без должного прилежания девочка все чаще вызывала у преподавателей вопросы.

Надо сказать, что бабушка заметила произошедшие перемены в поведении внучки, но это не пробудило в ней серьезной тревоги. «Влюбилась, должно быть, что не удивительно в пятнадцать лет,» – догадывалась она. Хотя легкое беспокойство в душе возникло: а как же – все же девятый класс. Впереди экзамены. А что если голову от любви потеряет и не сдаст их?

Мать Лизы Копейкиной за последние семь лет уже трижды выходила замуж, всякий раз нарываясь на «последних скотов», которыми была нещадно бита после первых же месяцев совместной жизни из-за её слабости к алкоголю. Не прожив с ними и года, возвращалась к матери. Бабушка «пилила» мать за бесхарактерность и неразборчивость, просила остепениться, бросить пить и оставить затею с замужеством. Но проходило время, забывались прежние побои, и снова встречался тот, который обещал ей «золотые горы», и мать переезжала к нему на очередной год супружеской жизни. О судьбе дочери не волновалась, считая, что та находится под надежной опекой.

Об отце в семье не говорили. Да и Лиза не спрашивала – была уверена, что это один из негодяев, иначе зачем было матери оставлять его.

Бабушка чувствовала себя ответственной за судьбу внучки и в её жизни принимала самое активное участие. Пыталась привить навыки, которые могли пригодиться ей в жизни, развить способности, повлиять на правильный выбор. Но чем старше становилась девочка, тем меньше взаимопонимания и привязанности оставалось между ними. Первая трещина в отношениях появилась ещё в седьмом классе после того, как по примеру единственной школьной подруги она без согласования с бабушкой выкрасила волосы в малиновый цвет, чем вызвала бурю негодования и запрет на общение с одноклассницей, такой же безотцовщиной, как и Лиза. Против общения с соседской девочкой бабушка не возражала – она была из «приличной семьи».

Девятый класс Копейкина окончила вполне сносно, сдав выпускные экзамены почти без троек. Бабушка настояла, чтобы девочка поступила в профучилище на парикмахера, полагая что именно эта профессия всегда будет востребована и даст возможность заработать Лизе на кусок хлеба.

Сказать, что девушке эта идея была не по душе, нельзя. Ей нравилось делать прически, был незначительный опыт выполнения стрижек и окрашивания волос для одноклассниц. Но училище находилось в другой стороне от музыкального колледжа, что очень сокращало возможность случайных встреч с Артёмом. И это стало причиной возражений, которые все же были разбиты о железные доводы бабушки.

Начало учебного года в училище ознаменовалось массой спортивных мероприятий. Лизе тоже пришлось принимать в них участие, хотя и без малой доли желания. К своему удивлению, в забеге на 500 м она пришла к финишу второй, что стало причиной выдвигения её в числе остальных победительниц на городские состязания.

И тут произошло, по её мнению, чудо – Артём тоже там присутствовал, но только как болельщик, но главное – он узнал её и даже поздоровался! Лиза ликовала. Она так старалась уклониться от этого мероприятия и тут на неё свалилось счастье! Именно так и думала девушка, хотя потом ни разу за все время состязаний он не удостоил её своим вниманием. И все же на эмоциональном подъеме Лиза снова пришла второй на той же дистанции. Но и после этого она не увидела рядом своего возлюбленного. Зато к ней подошел сурового вида мужчина, и вручив свою визитку, предложил приехать на городской стадион для беседы. Это оказался тренер «Локомотива» по легкой атлетике. Копейкина нехотя пообещала.

По настоятельному совету бабушки Лиза все же съездила на собеседование, но заниматься легкой атлетикой решительно отказалась. Бабушке же сказала, что тренировки станут регулярно проводится в вечернее время на базе спортивного клуба, расположенного за городом, получив таким

образом возможность без объяснений и разрешения посещать концерты рок-группы Артёма и задерживаться там допоздна.

Шло время, музыкант более ни разу не обратил на Лизу внимания, хотя после встречи на соревнованиях она стала буквально преследовать его повсюду. И чем равнодушной он относился к девушке, тем сильнее крепло в ней чувство, доводившее её до исступления. Когда оставалась дома одна, она в отчаянии металась по комнате, заламывая руки и непрестанно шепча себе под нос «почему». Лиза точно знала, что девушки у Артема нет, и все свободное время он посвящает музыке. Но это было слабым утешением и не давало никаких надежд, что Савельев еще хотя бы раз заметит её среди толпы поклонниц и почитательниц его таланта. Но чего ждала Лиза от этих встреч, девушка не понимала сама.

Как-то вечером на лестничной площадке Лиза столкнулась со своей приятельницей соседкой. Та, поинтересовавшись Лизиными успехами в учебе, вдруг с горечью сообщила, что по колледжу прошел слух, будто Артёма поставили на учет в наркодиспансере за употребление легких наркотиков, за что руководитель рок-группы отчислил его из состава, и поставил вопрос перед педсоветом об отчислении из колледжа.

Лизе стало понятно, почему после своих выступлений молодой человек, проходя мимо, оглядывал её отсутствующим затуманенным взглядом. Её охватила такая жалость, что захотелось побежать к нему домой, обнять, утешить и пообещать помочь выкарабкаться из этой беды. Но ничего этого девушка не сделала, а осталась стоять как оглушенная, позабыв, куда собиралась идти. Ей было невыносимо больно, что её кумир теперь останется без музыки, в которой заключался весь смысл жизни.

Спустя неделю после этого разговора Копейкина днем возвращалась из училища и заметила у подъезда Артёма машину «скорой помощи». В доме жило много пожилых и престарелых людей, и такие события были не редки. Но в этот раз сердце Лизы почему-то ёкнуло, но она, не придавая этому значения, поднялась к себе в квартиру. Бабушка несколько удивилась раннему приходу внучки, уточнив, когда та собирается идти на тренировку. На что девушка, вяло отмахнувшись, ответила, что никогда, что все надоело. Невероятная жалость к себе, к любимому и ко всему миру охватила её. Бабушка сердито заворчала, а Лиза, скрывшись у себя в комнате, бросилась на кушетку лицом в подушку и беззвучно зарыдала.

Словно в режиме экономии энергии ходила девушка на занятия и, возвращаясь домой, пребывала в отчужденном состоянии. Концерты рок-группы придавали смысл жизни не только её кумиру, но и ей. А теперь она чувствовала невосполнимую пустоту в душе.

Заканчивалось обучение на первом курсе. Впереди экзамены. Если практические занятия проходили успешно, то по общеобразовательным предметам был полный провал. Куратор группы вызвала в училище бабушку

Лизы. По возвращению домой бабушка отчитала внучку и объявила об установлении над ней полного контроля. Лиза впала в отчаяние. Она не могла думать о занятиях, давили тоска и острое чувство одиночества, но спорить с бабушкой было невозможно, поэтому с внешним смирением пришлось принять условия, поставленные перед ней.

Возвращаясь на следующий день с занятий, Лиза увидела подъезжающий к дому ритуальный автобус. У соседнего подъезда толпились люди. Из автобуса вышли несколько человек в трауре, и среди них Лиза узнала сильно изменившуюся, постаревшую маму Артёма. За людьми вынесли и поставили на приготовленные табуреты гроб. Мама Савельева с рыданиями бросилась к лежавшему в нем человеку, лицо которого показалось Лизе очень знакомым, но не сразу понятно чьим. Лиза даже сначала подумала, что это отец Артёма, но тот стоял рядом с матерью, пытаясь оторвать её от гроба. Заострившиеся черты лежавшего в гробу музыканта сделали его намного старше.

В окружавшей семью толпе зашептались, что наркота, мол, никого до добра не доводит. Вот и этот погиб от «передоза». У Лизы внутри что-то оборвалось, пронзив острой болью все тело и обжегши мозг. С криком она бросилась в подъезд Артёма и, быстро добежав до пятого этажа, стала с силой давить на звонок у квартиры любимого, в надежде услышать, что все случившееся неправда. Не получив ответа и не помня себя, побежала выше, до межэтажной площадки у последнего, девятого этажа.

Прильнув к окну, с горькими рыданиями смотрела вслед отъезжающей похоронной процессии. Когда та скрылась из виду, рыдания прекратились сами собой. Лиза оглянулась вокруг, вытерла слезы и подняла с пола кусочек какого-то камешка, которым на подоконнике старательно выцарапала слова: «Только с тобой». С трудом отворив окно, встала на край и, раскинув в стороны руки, бросилась вниз. В первые секунды её охватил восторг от свободы парения, но стремительно приближавшаяся земля пронзила сознание неотвратимостью конца. Короткий крик Лизы и глухой звук упавшего тела заставил провожавших Артёма оглянуться назад и разом охнуть.

Елена Медкова

Философия моей жизни.

Предисловие

Сознание, как и самосознание, претерпевало изменения, мысли и убеждения менялись, как и я сама. То, что было вчера понятно и реально, сегодня уже не имело значения, или претерпевало такую метаморфозу, что исходные мысли было практически не узнать, как неузнаваема бабочка в гусенице, хотя организм один и тот же.

Зачем я это все говорю, или пишу? А затем, чтобы было понятно, что многое из того, что я сделала и написала, возможно, мне уже не очень нравится или совсем не нравится. Но все же это мои мысли, рассуждения и реальности мировоззрения, и уничтожать свои творения я не стану, хотя и такие мысли у меня были. Настолько я категоричной стала к себе и к своим мыслям в прошлом. Поэтому так и названо громко «Философия моей жизни».

Как сказал один из моих знакомых, и чего тебя на философию-то потянуло? А меня давно тянет и всегда тянуло!

С чего ж начнем? Наверно с конца.

Часть первая (она же самая последняя, повествующая о конце)

Из одной реальности в другую.

Я вышла из зоны Ёе влияния и сейчас мне кажется всё такой глупостью – все мои любовные страдания, мучения и душевные переживания. Я просто вышла из зоны Любви – такой страстной, безумно ненормальной и как кажется многим совсем запретной.

Не понять им нас, а нам их. Те, кто уже не любит или не любил, не понимают влюбленности – ее порывов и безумств. Отвергает глупости, сказанные от любви, а порой и от отчаяния-отверженности.

Это как два разных мира, как две разные реальности – Мир влюбленных и реальность любви и мир, вернее Сумрак остывших, потерявших любовь и отвергнутых – мир людей с ясным разумом и окаменевшим сердцем.

Они никогда не поймут друг друга, хотя и соприкасаются в обыденности.

Мрак Одиночества

Где-то очень глубоко, глубоко-глубоко в ней жили разные сущности и они ей диктовали совершенно разные слова, мысли и даже убеждения, предлагали поступить тем или иным образом... Но по сути, так и должно быть и такое

положение совершенно не говорит о раздвоении личности или о сумасшествии, все абсолютно правильно и обоснованно наукой.

Однако вернемся к одиночеству, которое испытывает человек, находясь среди других людей... Она пробовала... много раз пробовала открыть свои мысли, мечты и желания другим. После этого понятие и чувство одиночества становилось настолько сильным, таким пронзительным и явным, что меркло солнце в ее глазах. Мрак одиночества внутреннего охватывал ее... одиночества, когда нет человека, который мог бы понять тебя и принять такой, какая ты есть.

Открыть свой внутренний мир и свою душу, поведать миру свои потаённые мысли практически не может никто. Те, кто сомневаются, попробуйте, а когда попробуете, расскажите насколько вы стали одиноки после этого!

Часть вторая. «Никогда» ***Когда наступит время Никогда.***

Что человек думает, произнося "Никогда-никогда"? Утверждает сей факт, вопрошает пространство или Бога? Или надеется, что оно не исполнится?

... Или может, если сказать никогда, то оно наоборот и исполнится к вящей славе произносящего это слово!? Интересно...

Мной замечено, что когда искренне скажешь "Никогда!", то всё и случается - то, чего не должно было случиться – то есть никогда. Парадокс.

Когда кончится время Никогда

5 августа 2018 г. ... Ничего не будет радовать тебя, если рядом не будет его – любимого человека! ...Никакие радости в жизни и красоты мира, его удобства и благополучие не заменят глаз любимого и минут трепетного общения с ним.

Красоты мира померкнут перед теплотой и страстью, нежностью в отношениях, перед маленькими моментами внимания с его стороны и перед минутами счастья в его объятиях.

... Остров где-то далеко в океане. Ты идёшь по берегу океана, у самой кромки воды, наслаждаясь теплом песка и водой, набегающей волной на твои ступни. Но твои глаза и твой взор устремлён туда, где океан соприкасается с небом и облаками, на самом горизонте. И, кажется, если долго смотреть на горизонт, то можно сделать невозможное – заглянуть за него и увидеть своего любимого.

А потом Он становится все ближе и ближе, настолько близко, что можно не только увидеть, но и прикоснуться к нему. Космический взрыв по силе сравним с энергией соприкосновения и встречи с желанным человеком – Я могу дотронуться до твоего, столь притягательного тела.

Мысли о нем не дают тебе покоя, будоражат твоё сознание, создавая картины нереального пространства и событий.

Жажда встречи с тобой – мой любимый - неутолима. Но ты чужой, такой чужой и далёкий, что ни дотронуться, ни достать и ни прикоснуться - Никогда, никогда, никогда. А потом, когда кончится время никогда, я перестану ждать и мечтать о тебе, и мне уже будешь не нужен ты...

Когда кончится время никогда -2

Время Никогда кончилось, хотя быть может я чуть-чуть обманываю себя, и я бы с удовольствием с тобой пообщалась! – мысли одергивают саму себя: «Чего это ты с ним с удовольствием делала бы? Он презирал тебя, как можно с ним общаться – это ниже твоего достоинства...». «Ну хватит девочки, ссориться!!!» - прикрикивает моё сознание – «Прекратите уже, нельзя же так из-за него страдать ...» «Ха-ха!» - смеется второе Я: «Страдать!? сейчас все кажется глупостью, а тогда, уж тогда все было, как на острие ножа... сильно - страшно и больно».

Так вот вернемся к никогда! Оно было и ушло, осталось «Сейчас» - уже не больно и не страшно, лучше сказать: Безразлично – отпустило и даже молиться по дороге перестала, чтоб не встретить тебя ...

Теперь я уже и не знаю, что лучше – видеть тебя или не видеть... Странности моего сознания, ему никогда не угодишь. Когда становится получше, и страдания отступают, ты снова ищешь те самые грабли, на которые ты все время наступала до этого и от которых наступал коллапс того же сознания и жизнь превращалась в бред.

Часть третья. О червях.

Как полюбить червяка?

Как полюбить червяка? Сразу скажу никак! Ну, если только ты сам не червяк. И зачем вообще поднимать такой несуразный вопрос? Люби себе подобных, чего тебе от червяка-то надо?

Но ведь и сами червяки не испытывают любовных страстей, на них действует только закон природы - инстинкт размножения. Да и червяки бывают совершенно разные, как говорят, червяк червяку рознь.

Например, червяк первый - просто дождевой червь, а вот он-то гермафродит и любовь ему не известна и неприлично излишня. Другой червяк, чудесный опарыш, на который хорошо ловится рыбка, но полюбить их могут наверно только рыбы, да и то в качестве вкуснейшей еды. Мама-муха, производящая яйца, из которых потом и выведутся мушинные личинки – белые червяки, уж никогда больше не увидит своих кровных деток... Никакой любви и никакой привязанности.

Как же полюбить червяка?

Спросим червяка! Нужна ли ему самому наша любовь? Скорее всего не нужна. Вот и люби после этого каких-то червей!

Полюбить червяка, страшненького и неприлично мерзкого Невозможно, только если потерять зрение, обоняние и не трогать его, чтобы не ощущать его склизкости. И чтобы червяк был ну хоть чем-то привлекателен, например, голосом, а как ещё привлечь внимание партнера?

Ну, вот, например, Червяк бабочки, он же гусеница, - также противен, как и предыдущий представитель беспозвоночных, хотя из него и формируется в дальнейшем прекрасный экземпляр бабочки. Но это уже другой сюжет и про бабочек мы и не спрашиваем.

Искушенный читатель скажет и что мы тут рассматриваем разнообразных червяков? Ведь и так ясен ответ на вопрос. Нельзя полюбить человеку червяка. Не дорос червяк до человека в своем величии и гордыне. Ползайте Червяки, там, где вам и положено под ногами и не смейте мечтать о любви прекрасной твари – человека.

Как полюбить червяка-2? Влюбленный червяк.

Влюбленный червяк. В природе встречаются парадоксы и невозможные события. И... Так случилось - червяк влюбился, что совершенно противоречит предыдущим утверждениям! Случилось то, чего никто не ожидал.

Однако, я повторюсь, Червяк - глупенький - влюбился. В кого бы вы думали? В самое страшное существо по своей сути - в человека!

Напрасно вы будете возмущаться таким вопиющим событием. Как он посмел влюбиться в нас? Да он просто мерзавец - ничтожное создание, со своими отвратительными внешними данными. Вся риторика неуместна, когда на сцену выходит любовь!

Наивный Червяк объяснился человечешке в любви - в надежде какого-то понимания со стороны возлюбленного. Всё напрасно! Напрасно червяк ждал понимания. А дальше все по сценарию: крики возмущения, потоки слов отвращения и тошнота.

Безнадега у червяка. Любовь не создана для червяка. Вернее червяк для любви.

Что же делать червяку? Даже повесится не за что! Головы, как и мозгов, нет, и не было, отродясь. Вот такая беда. Вот такая природная оказия. Мораль: Не влюбляйся в того, в кого влюбляться нельзя. И не жди любви от всяких там людей.

Одним словом Парадокс ...

Часть четвертая. Нереальная, но все же смерть

Смерть в облаках

Она быстро бежала, неслась по лестнице, чтобы достичь своей цели - вершины полёта и своей заоблачной мечты, и вдруг внезапно верхняя ступенька просто исчезла, как будто ее не было. Она замерла на долю секунды, пытаясь сохранить равновесие, но удержаться было сложно. По инерции она все еще неслась вперёд и вверх...

Ещё немного и ее порыв устремился резко вниз - падение было настолько неожиданным для нее, что в первые его секунды она даже не почувствовала всей силы притяжения, как и глубины неосуществимости ее желаний.

Вы видели, как птицы умирают в облаках, складывая крылья и падая вниз? Вот так и она летела вниз со сложенными, скорее с оборванными крыльями.

Полет вниз был бесконечным, она почувствовала все прелести падения и безвозвратности утерянных смыслов. Пустота пронзала ее насквозь и она больше не чувствовала любви, только отчаяние, теперь ей хотелось спокойствия, и чтобы полёт вниз прекратился и наконец все закончилось...

Но возникшие в памяти образы вызвали жгучие чувство обиды и боли...

Часть пятая. Меня услышали и мимо не прошли.

Пройти мимо!

Пройти мимо маленького человеческого недостатка или глупого проступка, мелкого грешка, сделать вид, что не замечаешь, потому что, как только ты начинаешь копаться в них - в ошибках других, выискивая неправильность поведения окружающих, ты сам становишься подобным им, вымазываешься в этом дерьме. Истинно благородный человек даже не заметит этого, он сделает вид, что не знает ничего, и не будет распространять сведений порочащих других, и всегда помнит, что мелочи и мелкие грехи не являются полноценной характеристикой человека, они дополняют ее и ко всему прочему, надо помнить, что полностью идеальных людей не существует.

Воспитание достойного человека всегда сложно и связано с трудностями, на своем примере можно воспитывать, если человек имеет внутренний стержень и сам понимает, что такое зло, а что такое добро. Про добро и зло мы не будем говорить. Каждый добро видит в своем поведении зло видит только в зле, которое ему причинили. И не видит зла в себе и своих поступках. Самокритикой мало кто страдает. Отсюда и поговорка Каждый судит со своей колокольни, сколько людей столько и мнений.

И ещё маленькая ремарочка: не смейся над другими, даже в душе, всё вернется к тебе. Ко мне вернулось, как ни тяжело это признавать... Мне со

своей гордыней и высоким самомнением только в короли идти. Но вот тут маленькая загвоздка, как-то так вышло, что я тоже человек и маленькие недостатки есть и у меня, и потому, если покопаться, то на каждого можно найти погрешности в его жизни.

И вот. Ты такая гордая! Да коснется меня длань божья, думаешь – какая наивность. Коснулась она тебя, и ты получила, может не по заслугам своим, и даже не по словам, а по мыслям своим не очень хорошим. Вот и надо относиться к другим, как хочешь, чтоб к тебе относились, даже в душе, даже молча. Ведь тебя слышат небеса!

Часть шестая.

Мое понимание истины, лжи, греховности и искупления.

Где начинается Истина и заканчивается Ложь?

Заметила, что люди часто бравируя своими открытыми и широкими взглядами на жизнь и разудалой смелостью, отпуская пошлости на каждом шагу и при этом, переступая через черту нравственности, Внутри себя так же ревностно и бережно охраняют, холят и лелеют ее каноны, думая, что уж они-то точно нравственные-нравственные, и нравственной просто дальше некуда. Клянут других за отступление от неё, осуждают нарушивших её, не замечая своей безнравственности. Как говорят «в своём глазу бревна не замечают».

Жутко... но так и есть. Главное, это не открываться самому, беспредельно доверяя людям, они не поймут откровения и непременно осудят и поставят на тебе клеймо пропащего...

А сетовать не надо! Никто тебя не просил выставлять всю свою душу на показ. Она станет «хлебом и зрелищем» для лицемерных негодяев, до того момента соблазнявших тебя, уж они-то первыми будут наслаждаться твоим падением с пьедестала.

Для Негодяя, искушавшего тебя по всем законам жанра мелодрамы или трагедии и жаждущего увидеть твоё грехопадение. Он не преминет плюнуть в твою сторону, в душу он уже наплевал, не преминет предать и выставить тебя на посмешище перед всем светом или просто перейти на другую сторону улицы.

Забывая при этом величайшую мудрость «А кто безгрешен, бросьте в него камень...»

И это всё о ней. И это всё о нём

Ты. Я увидела тебя. И ноги подгибаются, и руки трясутся, движения тела становятся неуклюжими, а улыбка быстро расплзается на моем лице! Потом слёзы и ревность к пространству, в котором ты живешь без моего участия и боль из-за утраты связи с тобой.

Душа не имеет возраста. Она не старится. Иногда она устает жить, иногда выгорает как свеча.

Душа остается молодой, но подчас наша земная плоть – физическая оболочка скрывает это. И только искрящиеся молодостью и задором глаза могут выдать ее настоящий, совсем юный возраст!

Однако, в нашем мире в очень равнодушном и обнищавшем внутренне, никому не надо за стареющей плотью рассматривать глаза, как зеркало души или как вход в душу, когда плоть уже не привлекает взгляд и не улаживает его молодостью. А всё просто с точки зрения биологии срабатывает инстинкт поиска и выбора молодой особи, и взгляд выбирает молодое и трепещущее тело, способное продолжать жизнь и её рождать.

Всё закономерно, против природы не попрёшь! Срабатывает только одна хитрость: сначала прирасти душой друг к другу, а уже потом встречаться телами в пространстве. Но никак не наоборот, иначе закон природы отсечет такие отношения как нерациональные.

Как я заметила, многих, вообще, душа и душевные переживания других людей практически не волнуют и не интересуют. Главное, это получить мало-мальскую выгоду. Но если человек мешает это сделать, препятствует, вот только тогда жаждущий выгоды вспоминает о морали и нравственных ценностях, и начинает взывать обидчика к ответу, обосновывая свои претензии моралью. Как сказали бы сейчас, двойные стандарты, лицемерие и цинизм. А сам с моралью и не дружит, и не имеет о ней никаких представлений.

Когда ты давала ему свою любовь, отдавала всё, что могла отдать на тот момент – тепло и свою душу, энергию тела, он брал, не задумываясь. Но стоило только тебе попросить его о душевном тепле и участии, он сразу начал возводить стену непонимания, искреннего недоумения и самое главное – самое смешное – стену из нравственности. Это так удобно, когда надо – ей пользоваться для устранения ненужных людей и забывать про неё, когда сам пользуешься другим человеком.

Ps: Никого не волнует твоя душа, только физическая оболочка

Почему Бог любит больше грешников, чем праведников

«И как их земля носит?» - часто слышим, или думаем мы о некоторых представителях рода человеческого, возмущаясь их деяниями и безнаказанностью их поступков. До некоторого времени я тоже так же думала и верила, что, да простит меня Господь, обязательно «их бог покарает», или что есть какой-то там бумеранг и обязательно до них дойдет или кто-то донесет, в общем, чушь несусветная. Ничего и никто не донесет... и ни к кому бумеранг не вернется, хотя ко мне может, назло, если я отрицаю его обязательно вернется, чтобы я не была такой самоуверенной и не говорила слово Никогда ...вот такая философия. ...Но вернемся к нашей теме!

Сегодня ко мне пришло откровение, и я поняла кое-что. Я думаю что понимаю, почему Бог любит грешников, причем больше чем других - правильных людей, которые думают, что они праведники - хорошие и порядочные самаритяне.

Вот живет обычный человек, он грешит - по-всякому и по-разному, причем каждый день. При этом он думает, что он ничего такого не делает, потому что его грехи не видны другим или он их не озвучивает, не проявляет явно в открытую свою натуру, носит маску, под которой бывает много грязи и грехов - греховных помыслов - зависти, гордыни, гнева, не говоря уже о явных грехах – обжорстве, прелюбодеянии и т.д.

Так вот, грешники это иногда сильные, интересные личности, иногда явные преступники, которые совершили преступления против других. Они не боятся заявить всему миру, какие они, не боятся снять маску благочестия со своего лица и показать свои намерения по отношению к другим людям. Да, они плохие люди, я их не оправдываю ни в коем случае, и они как минимум грешники и как максимум преступники. Но они признают это, они не отказываются от своей сути, они не лицемерят, открыто заявляя миру, что они грешны, и их замыслы и поступки греховны.

А признание это первый шаг на пути к прощению Господа - нашего всемогущего.

Ты признай свои ошибки, покайся и тогда, возможно, получишь прощение от Бога. Признайся хотя бы самому себе, что грешен, что совершил отвратительный поступок, это тоже хорошо, ведь каждый несет в себе частицу Бога, в его душе есть Бог. Признаваясь себе самому в ошибках и грехах, осознай их, реши, что не будешь так поступать, ты тем самым получаешь прощение и любовь Бога.

Грешник, который знает, что он совершил грех, осознал его и покался, Любим Богом, в отличие от того человека, который самоуверенно думает, что безгрешен, скупаемый своей гордыней, следуя по пути зависти, к своей, похожей на чужую, цели в жизни. И Он не получит прощения за грехи свои. ...И поступится к тебе последний из мирян,

и будет оплачено все, что ему ты задолжал,
и закроются за ним дверь в мир,
и не услышишь ты речей благодарности от него,
прольются слезы огорчения,
и неизбежность происходящего
не сможет объяснить исход... храни тебя Господь

Часть седьмая. Не седьмое небо, и даже уже не небо.

Так совпало, часть седьмая, а небо, увы, уже не седьмое! Она уже не на седьмом небе... Парадоксальное сознание преподносит сюрпризы. «На седьмом небе от счастья!» А счастья нет, значит, и неба седьмого тоже нет...

Ставка на любовь

Высокая ставка - ценою... в любовь.

Это была самая высокая ставка в ее жизни. Высокая ставка проявлялась во всем! Она блистала - и была обворожительна - шикарное платье, трепещущее от энергии тело, летящая походка и сверкающая улыбка. Ей казалось, что мир принадлежит ей, она уверено шла по жизни. И наверно здесь более уместно слово для описания ее движения - она не шла, а Летела!

Также уверено она вошла в казино и, купив на все свои деньги фишек, решила сыграть! Выбрала зелёный стол с рулеткой и изящным, но уверенным – восхитительным для всех движением руки двинула все свои фишки на красное:

Всё или ничего!

Ставка поменьше маленькая и можно долго играть, вращая рулетку ожидая маленького выигрыша, но в ее представлении и в ее понимании реальности - играть, так играть, ставить, так ставить, любить так любить, а не довольствоваться наименьшим - но стабильным - вежливым и радушным отношением.

Она замерла – сердце учащенно билось в предвкушении выигрыша, она затаила дыхание, а глаза не сводила с волчка, который все крутился и крутился, она даже на секунду закрыла глаза от внутреннего напряжения ...

Открыв глаза, она увидела, как стрелка волчка, последний раз сделав оборот вокруг своей оси, остановилась на Зеро, ... значит - по нулям! В глазах потемнело и ей стало больно, сразу повсюду – внутри, она завизжала - неееееет!!!!

...Есть три границы или три стадии в отношениях.

Начало - знакомство и вот Первая граница - уважение, продолжение в отношениях - и вторая граница - дружба и уважение, и экзальтация отношений - третья граница - любовь и уважение или понимание.

Она не могла остаться там в самом начале - на первой границе – на его уважении к себе, она шла наперекор судьбе и обстоятельствам - вперёд, до самого конца, она не могла не любить, она могла Только любить! Самая высокая ставка была сделана на любовь, и она всё потеряла - проиграв, у нее теперь ничего нет - ни любви, ни уважения, ни дружбы, и уж тем более признательности за помощь или благодарности. Ни-че-го!

Они её предали - он и она - подруга и любимый, предали и смеялись над ней, вдвоем или порознь, уже неважно, обсуждали и осуждали.

Она же сходила с ума от безысходности, что ничего не может сделать и исправить в отношениях с ним и даже отношений нет уже, он ненавидел и презирал её за её же любовь к нему... Ставки сделаны, господа!

Часть восьмая. Бесконечность.

Знак моего рождения два кольца – это Восьмерка, означающая Бесконечность - наверно моего сознания и мыслей, которые приходят ко мне из ниоткуда, возможно, из космоса Бытия и, сделав два круга - восьмерку, оставляют след в моей душе и заставляют открывать их (мысли) миру. Пока я любила, я Летала, Грезилась и путешествовала по другим мирам, а теперь я тихо умираю. А рядом с тобой я умела летать!

Я умею летать!

Я думаю, что я умею Летать!

И для этого мне почти ничего не надо! никаких технических новшеств.

Достаточно мыслей о тебе, чуточку внутренней свободы и мечты, зовущей ввысь.

Идешь по улице - по обычной дороге домой. Незаметно, но так сильно накатывают мысли о тебе, они меня увлекают и возносят. И тут начинается что-то немыслимое, почти резким движением расправляю корпус тела и грудь, как будто расправляю крылья за спиной, и ощущаю, как стряхиваю груз со своих плеч. И, как само собой разумеющееся, - рефлекторно - расставляю руки в стороны. И вот ... я уже лечу!!!

Идешь по земле, едва касаясь ее, словно летишь как ветер, вместе со своими мыслями - Вперед – Вдаль - Ввысь!!!

Невероятные ощущения, и они мне так нравятся!

Полёт любви, полёт счастья, полёт мечты!!!

Как научиться грезить?

Как научиться грезить? И вообще надо ли Вам это?

Допустим, что надо, тогда...Тогда, для того чтобы научиться грезить, нужны условия!

Конечно же, тишина и уединение, хотя при сильных чувствах можно грезить и в общественных местах - в помещении или на улице. Вот только ваш вид будет слишком сильно отличаться от нормы и будет многим заметен! Но в тот момент, когда я гредила в подобных обстоятельствах, мне было категорически всё равно, что думают обо мне другие! На лице будет или томный взгляд – или взгляд, направленный в одну точку, глаза полуприкрыты, а зрачки наоборот расширены!

Чтобы начать грезить, сначала - лучше лечь, в крайнем случае, сесть, глаза можно не закрывать, но глаза в тот момент почти ничего не видят, вернее, видят, но мозг не воспринимает информацию в той мере, в которой он должен это делать, он ее не анализирует практически, большая часть ее отсеивается, мозг в этот момент работает в другом направлении, он создает картинку более приятную, чем та, которая есть на данный момент вокруг вас.

Так вот, вы, наконец, нашли местечко и легли... Думаете о нем или о ней. И начинаете свой диалог с предметом вашей любви и страсти, причем его начало должно быть взято из настоящей жизни, например, вы вели беседу с ним, там были определенные фразы и вы не договорили его,- диалог - не довели беседу до ее логического завершения или до нужного вам результата.

Вы начинаете вслух очень тихо, почти шепотом, чтобы не вспугнуть тишину и не привлечь внимание к себе, проговаривать последнюю фразу или несколько слов или вопрос к собеседнику, и не так быстро.

Можно, даже лучше, проговорить несколько раз то слово или вопрос и ждать, и самое первое, что придет в голову ответить, пространство или мозг подскажет ответ, а сами вы ведь знаете ответ на тот вопрос. Я, например, знаю как надо, а вы ответьте себе, так, как вы хотите, но лучше как думаете, потом ещё несколько фраз самому себе, вы почувствуете, что пространство наполнилось чем-то другим не воздухом, а энергией и информацией, которая вам была не доступна до этого или вы ее не слышали.

Вот примерный диалог:

Он: мне не о чем с вами разговаривать (я не хочу с вами разговаривать или общаться)

Я произношу вслух: Да я знаю.., я знаю, что ты можешь мне сказать... что у тебя нет желания или времени, что нет общих интересов, но... но мы с тобой уже общаемся, пожалуйста, поверь, каждый момент для меня так важен, уникален и сакрален, даже когда ты отрицаешь возможность общения

Он: я не думаю, что получится

Я: Просто доверься мне и поверь что все будет... будет хорошо. И мне так хорошо с тобой!

Создается безумное состояние как наваждение, ты слышишь ответы на свои вопросы, которые ты задал пространству, ответы могут нравиться или не нравиться, но ты убеждаешь его рядом с тобой человека - фантома в своей правоте, ведь он никуда не уйдет, он останется, пока ты этого хочешь, он часть тебя, как и часть пространства.

А твое подсознание, работая вместе с сознанием, находит ответы, получая информацию извне, ты играешь со своими эмоциями, вовлекая в эту игру пространство и оно, наполняясь твоими эмоциями, создает подпространство в себе.

Твое дыхание становится более частым, возбуждение общее нарастает чувствуется тепло вокруг, если ты думаешь о сексе с любимыми представляешь его, то становится жарко и внизу.

Один раз я грезила прямо при любимом, правда недолго, два раза в общественной столовой и много раз дома на кровати, в тишине.

Любопытен опыт грез в столовой, твое состояние настолько возбужденное. Ты не от мира сего, взгляд твоих глаз плывет, улыбка или застывшая гримаса на лице, зависит от эмоций, положительных или отрицательных. Тогда была боль, любовь и мистическое стремление к тебе (к нему).

Вот как звучит один из отрывков из рассказа «Одна мечта на двоих»

«...И грёзы наяву, и душевное сближение настолько, что чувствовали друг друга на расстоянии... она сидит и тщательно пережевывает еду, а душой летит к нему, стремится к нему, настолько сильно насколько и он к ней, он сидит дома и смотрит на огонь в камине и тоже мыслями с ней, бросая в огонь дрова, не замечая, что камин сейчас вспыхнет, но он в нирване, он далеко от своего дома, он задумался, огонь как портал, как завораживающий взгляд иллюзиониста-волшебника- гипнотизера... уносит его в другую реальность, к ней, где они уже вместе...».

Окружающим остается только отмечать твое волнение и отрешенность взгляда.

Путешествие во времени и в пространстве.

Открытие, сделанное сегодня. Многомерность сознания! Как у меня это получилось? Я проснулась рано с небольшой головной болью и потому, что уже выпалась – вчера легла рано спать.

Лежала и думала о тебе, о твоих глазах, о твоих ясных очах и той энергии, которую ты мне давал, и как приятно мне было рядом с тобой! Гредила я о тебе – а, если точнее, плавала в удовольствии. И тут мне в голову пришла мысль. Как интересно, а ведь можно перебирать варианты событий, со мной

происходящих, событий, которые могут быть предшествующими другим событиям – последующими за ними и в зависимости от выбора мной предшествующих событий последующие будут совершенно другие, то есть можно создавать и конструировать разные реальности в своем мозгу. Можно играть с этим. Можно увидеть другие миры и другие реальности, не перемещаясь ни во времени, ни пространстве. Помните того чувака, который проживал несколько жизней в реальности в фильме «Люди в чёрном». Только у него все миры были в реальности, а у нас в сознании!!! И он их видел и предсказывал.

Я думаю, что открыла не только многомерность сознания, но и способ путешествия в пространстве и времени. И, самое главное, что можно построить определенную реальность, а потом ее проецировать на существующую вокруг себя реальность. Можно транслировать ее из себя во вне, и тогда она станет той самой – осязаемой и физической.

Ну, можно конечно оставаться и внутри своего сознания и творить там, но ты будешь постоянно грезить, и другие люди по неадекватности твоего внешнего поведения сочтут тебя сумасшедшим, что не соответствует истине, а только лишь является их умозаключением, так как они судят по себе. Но, на самом деле, сумасшествия конечно нет.

И ещё! Чтобы транслировать реальность, созданную в сознании, необходимо ее полностью создать, вплоть до мелких деталей и описать множеством деталей, только тогда реальность заиграет всеми красками бытия. Иногда у меня получается грезить, и тогда мое сознание рисует настолько реальную картину вокруг меня, что я её ощущаю уже не только мысленно, но и всеми чувствами, которые могут реагировать только на внешние факторы. И я скажу вам, удовольствие это ни с чем несравнимое!

Часть десятая. Отправная точка.

Что считать отправной точкой в своих рассуждениях? На что опираться? На Истину или мораль? или на что-то другое? – на свое мнение?

Мы все хотим казаться лучше! Только вот вопрос зачем? И все ли мы?

Думаю, что осознанные личности – да! А те, кто уже не воспринимает себя как личность, это «овощ», «травя», деградировавшая личность, скатившиеся до уровня примитивизма, до уровня животного, уже не могут притворяться в силу физических причин.

Так всё же, мы хотим казаться лучше, чем мы есть на самом деле! А как же те, что утверждают, что они такие, какие есть, что они не притворяются и ведут себя одинаково везде и со всеми? Они лукавят? и если не лукавят, то это значит вызов обществу! Правда, можно думаю назвать категорию людей,

которым не надо притворяться, они, на самом деле, красивые внутренне и являют миру свою внутреннюю красоту!

Причины же, по которым человек хочет казаться лучше, чем на самом деле, кроются, я думаю, в приспособленчестве, во-первых, и во-вторых, в желании очаровать окружающих, преподнести себя с лучшей стороны, чтобы достичь своей какой-то определенной цели!!!

И Снова на ум пришло лирическое отступление - «Ступенька в небо!»

Странно, может, если долго притворяться хорошим, может так и остаться хорошим, сам того не предполагая. Или истинная сущность все-таки проявится со временем?

А нужно ли притворяться, чтобы казаться лучше?

Во мне противоречивые мысли – нужно и не нужно! Что было бы, если бы мы все проявляли свои потребности и цели явно, не скрывая своих намерений? Не имея тайных помыслов.

Второе противоречие – не будешь притворяться - сдохнешь! Так сама природа распорядилась!

С незапамятных времен человек пытался обуздать свои животные страсти – разными способами – табу (прямыми и жесткими запретами), законами и наконец - моралью и нравственными ценностями. И ему это почти удалось, теперь многие скрывают свою внутреннюю сущность.

Но Человек должен знать истинное положение вещей, истинное лицо окружающих его людей.

Мы также все хотим счастья для себя, и стремимся его достичь разными путями, порой игнорируя и ущемляя чужие интересы. Человеку очень важно знать, что скрывается под маской приличия и вежливости, возможно показной, что внутри у другого на душе или в мечтах или в невысказанных желаниях.

Так с чего же начать, чтобы внешнее и внутреннее совпадало и человеку не приходилось притворяться и казаться лучше, чем он есть на самом деле?

Очень редко, когда у человека совпадает его внутреннее Я с его внешними проявлениями, здесь говорят о внутренней культуре и внешней.

Сызмальства знать, что ты честен сам с собой, и прислушиваться, к другим и к самому себе крайне сложно. Поведенческий аспект у детей и подростков основан на подражания, причем не самому лучшему варианту в среде. Цинизм и ложь среды мешают быть откровенным, ломают внутреннее я, облачают его внешним лживым образом, а их собственный максимализм и нетерпение, настырность и непринятие мнения взрослых пропитывают их, не давая возможность стать лучше, стать целостной личностью.

И всю жизнь приходится исправлять то, что было сломано когда-то...

Часть одиннадцатая. Точка счастья

Лишь кратким мигом мы счастливы. Ловите момент! Я его поймала когда-то...

11 – это символ чрезмерности во всех своих проявлениях, поэтому оно может дать как безумство мыслей, так и судьбоносное просветление.

Место встречи изменить нельзя!

Жизнь удалась! Раннее утро, мой балкон. Слева Солнышко, а справа Луна! Вот такое утро! Два светила встретились на балконе у меня.

Солнышко уже вступило в свои права - такое яркое! Смотрю на него исподволь, закрываю глаза - яркие пятна остаются в них. Луна бледнеющая на западе всё ещё высоко над горизонтом, и не собирается заходить... Такое прекрасное утро. Тишина... небо немножко с розовинкой от восходящего солнца. Стою и наслаждаюсь, насыщаясь пространством, тишиной, красотой, и такое умиротворение в душе... не слышно машин, собак и звуков цивилизации. Неслышно шепчу, как само собой разумеющееся, спасибо Тебе Господи, за мое маленькое счастье. Дышу им, улыбаюсь солнышку. На слабом ветерке колышется остатки паутины, ее нити поблескивают в лучах восходящего светила. Всё в мире прекрасно, пока нетронуто...

Тишина... Даже птиц не видно, если не считать одинокий, еле различимый на горизонте силуэт птицы, правда, вдалеке слышны птичьи трели, но они совсем не мешают мне ощущать восторг и наслаждаться утренней тишиной.

На горизонте выше домов равномерно по небу расположились облака - окаймленные, немного тёмные, но не тяжёлые, небольшие, пушистые, очень странной формы, ни на что не похожие, слегка с розовинкой по краю. Медленно, почти не двигаясь, плывут они в бесконечность, как корабли в далёкое плавание. А я стою и смотрю им вслед, провожаю их как своих давних знакомых. И жду их возвращения и встречи с ними снова – у родных берегов – на своём балконе!

Собака ела снег

Снег... кругом снег. Наверно он выпал ночью. Поход на работу порадовал цветовой гаммой чистоты и невинности вокруг.

Снег скрывает под собой все, что может скрыть, искрится и сверкает на солнце и даже вечером при свете уличных фонарей. Он раздвигает границы пространства, создает простор для глаз. Окунуться бы в него! прямо в снег! наполнить себя холодной красотой мироздания! хотя бы дотронуться до белоснежного покрывала на земле.

Сквозь снег пробивается сухая трава, чернеет своими стволиками засохшими, стойкими - гордыми как кажется, выстоявшими в борьбе с ветром, но не полегшими, а на снегу свежие следы птичек и зверюшек, наверно собак.

Ощущение другого мироздания. Захотелось так вечно идти и смотреть на такую красоту, которая будет существовать ещё вечность. А вокруг Тишина, снег, настроение такое, что все проблемы кажутся несущественными. Перед глазами только снег - красота. Умиротворение...

Остановилась я на базаре. Стояла и смотрела как собака из кучи снега кем-то в нее собранного ела снег, рылась мордой находила самые вкусные кусочки комковатого снега и хрустела им. А я стояла и смотрела - такая жизнь - простая незамысловатая, а удовольствия сколько в незатейливом действии!? Собака ела снег, не обращая ни на кого внимания...

Это и есть счастье!

Проснувшись и открыв глаза, я обнаружила, что за окном автобуса кромешная тьма. И только огоньки, которые ярко сверкали, были единственным источником света. Сначала мне показалось, что огоньки это огни города, мимо которого мы проезжали, некоторые из них мигали странным образом, тухли и возникали вновь. Я стала всматриваться в происходящее за окном.

...У наших ног лежало иссиня-чёрное ночное небо с яркими пятнами звезд! Я почему-то сразу узнала это созвездие. Это был ковш большой Медведицы, его ручка незримо соединялась с горизонтом, а сам горизонт убежал буквально под колеса автобуса. Над ковшем сверкала Полярная звезда, по которой я определила Север, а наш автобус мчался по трассе строго на Восток, навстречу дому!

Казалось, мы летим в пространстве, ночная мгла окутывала летящий со скоростью автобус! Пространство было единое и появилось ощущение полёта в космосе! Земли не было видно, а окружающая нас темнота земли и неба сливались! Красота, тишина и уединение с природой, несмотря на спящих пассажиров, завораживала! Я не могла оторвать свой взгляд от звёзд ночного неба, которые сопровождали меня всю оставшуюся часть пути до самого рассвета, пока небо не начало светлеть и свет звёзд не померк. А Автобус мчался навстречу Солнцу, мчался в Завтра, а вернее, уже в сегодня потому, что время перевалило за полночь.

Счастье бережно качалось в моих рассказах-мыслях и как лакомые кусочки с удовольствием поглощались при их чтении.

Лада Рындина

Лорен

В полупустом баре на причале сидели двое мужчин. До меня доносились обрывки из разговора, стоит признаться, весьма интересного.

— Я вчера «Лорен» видел, — сказал тот, кто сидел тут дольше. Об этом свидетельствовали пустые кружки, а едва начатая пинта эля была в его руках.

— Может, отложишь рейс? Плохой знак... — забеспокоился второй.

— Не знаю. Вообще думаю с морем завязывать. Возраст уже не тот... — выдохнул первый.

Я уже месяц исследую мифы и предания этого городка. Легенда о пассажирском лайнере «Лорен» занимательна, жестока и крайне грустна.

В прошлом веке верфь «Крис и Гейбл» процветала. Рыбачьие и прогулочные суда были её специальностью, но «Лорен» должна была побить все рекорды пассажирских судов и открыть для верфи новое направление.

Лайнер вмещал три тысячи человек, по тем временам рекорд. Впервые судно было полностью металлическим, с двойными бортами и дном. Толщина пластин девятнадцать миллиметров, что укрепляло корабль. Приводили в движение всё это винт и гребные колёса, работающие от паровых машин. Они потреблялись около четырёхсот тонн угля в день, поэтому трюм был невероятно вместительным: десять тысяч тонн угля и прочие необходимые вещи (продукты, багаж и другое). Братья Джексон надеялись привлечь пассажиров ещё и роскошным убранством. Каждая каюта имела собственную тематику.

В начале того судьбоносного года о борт «Лорен» разбили бутылку шампанского, и блестящий огнями и окутанный звуками музыки лайнер отправился в путь.

Энтони Марш аккуратно поставил рамку на полку в своём кабинете. Он с детства дружил с братьями Джексон. Когда ему предложили стать капитаном судна их верфи, Тони согласился с одним условием: назвать лайнер в честь жены. Её фотография всегда сопровождала мужчину в плаваниях. Хрупкая и миниатюрная девушка стояла на сцене и пела.

С будущим мужем Лорен дю Пон познакомилась в ресторане Парижа, где пела по выходным. Несколько лет счастливого брака были прерваны ранней смертью певицы. Чахотка забрала её. Капитан так и не женился после этого.

Нил и Марк устроились на лайнер для заработка. Старший из братьев копил на свадьбу, а младшему помогал. В основном они грузили ящики, переносили их из трюма, помогали с заправкой паровых машин. В свободное

время они отдыхали с пассажирами и общались с остальным персоналом. По правде говоря, братья тихо ненавидели эту напыщенную толпу богачей, но уважали капитана и остальной экипаж. Чтобы заработать они тратили кучу сил, а эти снобы только слонялись по палубам в поисках развлечений.

Однажды Нил заметил в трюме странный ящик, на его боку был вырезан треугольник. Чуть сдвинутая крышка вызывала любопытство. В куче опилок лежали футляры с тускло поблёскивающими бриллиантами, то что это были именно они сомнений не было. Судно слишком пафосное для перевозки подделок. Пара штук тут же были убраны в карман рабочей одежды, а также нашлись ещё несколько подобных ящиков. Кажется они с братом смогут не работать до конца жизни, нужно только всё продумать...

Тысячи глаз с интересом смотрели на сцену. Высокий, даже слишком, тощий, в ярком фраке — фокусник. Итальянец развлекал гостей своими трюками по средам и пятницам. Ярро рыжий, коротко стриженный, это особенно выделяло его взгляд. Голубые глаза с искорками поистине детского счастья и удивления. Фигура мужчины казалось несурзальной, но лицо... Нос орлиный и горделивый чётко отпечатывал образ Симона Бруна в памяти видевших его. Смешливый и говорливый мужчина обладал активной жестикуляцией, приятно обволакивающим голосом и чувством юмора, что делало его любимцем публики. Когда к Симону подошли братья Келли, он говорил с симпатичной официанткой Мари. Блондинка почти согласилась погулять под луной, но подошедшие смутили её и она откланялась, прочирикав извинения.

— Прости за беспокойство. Заработать хочешь? — начал младший, его звали Нил.

— Хочу, но вы испортили мне вечер, — выдохнул разочарованный итальянец.

— Может, отойдём? — предложил Марк.

— Ладно... — удивился Симон. Друзья были странными сегодня.

План, разработанный братьями, был прост и логичен. В течение недели они выносили камни во время смены, а Симон прятал их в реквизите для давно надоевшего толпе трюка с распиливанием.

За три дня Нил и Марк незаметно вынесли три ящика. Большое количество опилок и объёмные футляры увеличивали занимаемое камнями место. Подружка Симона — Мари нашла им ещё семь карманов на куртку для ускорения плана. Правда, она не знает, зачем им лишние карманы, но умоляющий взгляд фокусника быстро смирил её любопытство.

Симон не понял, как так вышло. Нил и Марк целились в него из пистолетов, сам итальянец благодарил свою любовь к парному оружию и инстинктивно целился в ответ. Ситуация зашла в тупик.

Началось всё вечером следующей недели, большую часть бриллиантов разделили честно, но оставшиеся камни были явно больше и дороже остальных. Фокусник с удивлением наблюдал ссору братьев, они спорили, кто больше сделал для плана, но их участие было одинаковым. Когда на него начали смотреть дула их пистолетов, Симон не успел осознать, только Келли решили не отдавать его долю, а спустя секунду это...

Одновременно грянули четыре выстрела, запоздало Брун почувствовал сожаление от того, что не увидит Мари и не сможет погулять на их свадьбе. Случайная интрижка на лайнере обернулась для итальянца судьбоносной встречей. Ведь он хотел отказаться от участия в плане... Кто же знал, что так выйдет?!

Я вынырнул из воспоминаний и сделал глоток из своей пинты. Наверное, вы удивлены. Как кража может повлиять на судьбу верфи и судна? У братьев Джексон начались проблемы после того плавания. Часть бизнеса пришлось продать, чтобы погасить ущерб ювелира, вложившегося в судно и доверившего перевозку камней. Убийство подельников создало в народе дурную славу о «Лорен» и на следующее плавание не набралось пассажиров. Среди моряков лайнер стал предвестником беды.

Пора идти, даже завсегдатаи уже двинулись к выходу.

Вдали от цивилизации

В Тшатане кипела жизнь, учёные сновали по лаборатории, инженеры настраивали оборудование, а секретари дооформляли бумаги. В этом году весь Койран оглушило новостью об обнаружении древней рощи, в свитках именуемой Солдер. До этого времени она считалась археологической байкой. В одной из случайно обнаруженных жреческих книг также упоминался храм в честь Таены. Экспедиция, собранная в этот год, состояла из пятнадцати лучших волшебников страны, возглавлял её мессир Кхун. В рунном зале готовили центральный телепорт — последнюю разработку лаборатории. Стационарный портал представлял собой круглую и довольно вместительную площадку, покрытую руническими символами. Вход был выполнен в форме арки, а четыре стелы окружали её со всех сторон. Они опоясывали площадку, не пропуская свет, поэтому тускло мерцающие и потолочные светильники, работающие в сумеречном режиме, создавали напряжённую атмосферу. Недостатками портала был большой расход энергии и неподвижность, а достоинством способность перемещать группы людей количеством более 10 особей. Предел

этой модели — тридцать человек. Теперь немного о группе археологов: мессир Кхун — боевой маг высшего ранга, Тэр, Лан и Мирин — тоже боевые маги, но третьего ранга, хорошие полевые специалисты. Юпас и Амун — лингвисты, Сарес и Исану — бытовые маги, отличные теоретики и специалисты по культуре древних племён. Арин и Радохил — водники, незаменимы при прохождении сложных ловушек. Ваннир и Гаран — маги огня, Маннир и Вето — воздушники, а Биас — маг земли и целитель, должен был быть ещё один, но в прошлой экспедиции он подхватил лихорадку и лежал в лазарете. Переброс прошёл быстро, а точкой выхода стала поляна в нескольких метрах от предполагаемого места храма. Перед началом стоит объяснить, почему нужны были четыре стихийника, причём в двойном комплекте. Для обратного переноса группы был создан артефакт, для его активации требовался малый круг силы. За его организацию и отвечали эти члены группы. Ранги магов, не только боевых, делились на пять: первые самые слабые, их предел зажечь свечу или устроить сквознячок. Второй ранг немного сильнее, они могли создать два или три огненных шара и водяных пузыря. Третий ранг может использовать заклятия средней сложности и довольно неплохой запас праны. Четвёртый ранг мог использовать сильные заклинания, но недолго. Пятый ранг — высший, самые опасные и сильные, но даже они могут «перегореть». Мессир Кхун критически осмотрел поляну, для разбивки безопасного лагеря нужна земля, защитный круг сам себя не нарисует. Вокруг мага всё утопало в зелени, а здание храма, чья крыша виднелась из-за опутавших строение естественных «защитников», вызывало опасение за жизни группы. Помимо аварийности древнего храма мессира тревожили ловушки и возможные проклятия. Жрецы любили «наказывать» неожиданных гостей. Группу разделили на три отряда для поиска места ночлега, потому что времени до темноты было не так много, а нужно было не только найти место для лагеря, но и обеспечить защиту. Первую группу возглавил сам мессир, Амун, Радохил, Гаран и Биас вытянули жребий в неё же. Во вторую группу вошли: Вето, Ваннир, Юпас, Сарес, а возглавил Тэр. В третьей группе остались: Лан, Мирин, Исану, Арин, Маннир, управление взял на себя водник. Следующий час группа обходила рощу, давно перешедшую в разряд джунглей, пока вестник от третьей группы не вспугнул подуставших археологов. Небольшая водяная бабочка заговорила голосом Арина: « Мы нашли идеальное место совсем недалеко от храма, идите за вестником». Встреча состоялась спустя некоторое время. Все исполняли розданные мессиром распоряжения, а в ближайших зарослях две пары любопытных глаз наблюдали за новоприбывшими...

В Солдере изначально жили два племени, постепенно они начали сливаться воедино, пока не образовалось одно.

Управляли им вождь и шаман, избирал их совет старейшин.

Великая Мать оберегала своих верующих, а те, в свою очередь, приносили ей жертву и выделяли мальчишку, присматривающего за храмом и отгоняющего чужаков.

В семь лет избранного собирали всем племенем и устраивали ему прощальный праздник, на следующий день он уходил навсегда, по ритуальному пути, занимающему три дня. Больше избранный не имел права вернуться в племя.

Именовался этот этап жизни «выбор служителя», а избранный считался «мёртвым» для своего народа. Семьи, не желающие отдавать своих детей, вырезали сыновьям специальные руны под лопаткой, так они «портили» ребёнка.

Жизнь племени текла самобытно и тихо. Катам и Пилам не помнили названия своего племени, хотя это было и не нужно, ведь на всю рощу выжило только их сообщество.

Сейчас мальчики уже полчасика мальчики наблюдали за группой чужеземцев. Они разбивали лагерь рядом с храмом Великой Матери.

Ещё, будучи семилетними, братья были выбраны вождём для великой миссии — присмотреть за домом Великой. На днях она посылала им видение: похищение и принесение в жертву чужеземца. Братья раздумывали над планом, а будущая жертва командовала обустройством места для ночлега.

Великая Мать — Таена, древнее божество. Она покровительствует охоте, земледелию и магическому ремеслу. Внешне её можно было бы принять за красивую смертную, если бы не пара деталей: две пары рук, черноволосая, розовый цвет кожи и кокетливый хвост с милой кисточкой на конце, в остальном же богиня не отличалась от людей. Кровожадной Таена не была, но для поддержания деятельности храма нужны были души, а жертвоприношение ломало волю большинства. Для самых стойких использовались накопители с вечной пустотой, побывав там души готовы были целовать ей ноги, лишь бы не попасть обратно. Жертвы отдавались болью в её душе, но это было необходимо. Также богиня любила есть сочные плоды местных деревьев и смотреть за вечерними плясками племени у костра. Правда, случалось такое нечасто, в основном ей жертвовались мясо. В ловушке душ было скучно. Своих имён узники не помнили, также как пол, возраст и прошлое. Пробуждение здесь было внезапным, остаточное ощущение боли, вспышки света — всё что чувствовали души. Красивый женский голос объяснял им что делать, несогласные исчезали и появлялись снова, но такие потухшие... «Жизнь» дальше наполнялась заботами: уборка в храме, выработка энергии, её перенос, поддержка освещения и вентиляции. Встречи соседей по ловушке были редкими, ведь они не знали ни праздников, ни выходных, ни дня, ни ночи.

«Жизнь» превращалась в служение.

Группа собралась обследовать храм, выстроились так: по бокам стихийники, боевых магов распределили по сердцевине строя, в середине шли бытовые маги и лингвисты, а мессир шёл в самом конце. Само здание выглядело не так уж и страшно своды и стены не рушились, рискуя убить посетителей. Ограждение зияло большими провалами, в один из них прошли археологи. При входе когда-то был большой сад и широкая дорожка, ведущая к храму, также там виднелся засохший колодец. Сад зарос и опознать его можно было по остаткам плодовых деревьев, чьи голые стволы виднелись в зарослях, а через дорожку проросла трава. Одноэтажный храм квадратной формы утопал в зелени, а по колоннам, поддерживающим открытую часть, служащую для ритуалов на открытом воздухе, обвивали толстые лианы.

Внутри было множество статуй, а на стены крепились подставки для факелов. Как ни странно, факелы были вставлены недавно так, как следов копоти на стенах не видно, а сами факелы не прогорели и были пригодны для использования.

Мессир Кхун сделал себе заметку в памяти, чтобы группа не расслаблялась и была бдительна.

Гаран быстро зажгёт огонь и осмотрелся, а Вето организовал перед этим небольшой сквозняк, чтобы проветрить. В центре зала стоял алтарь со стоком крови, а окружали его четыре статуи, изображающие богиню. — Жутковато... — подал голос Юпас, он вчитывался в покрывающие стены руны. — В прошлой экспедиции было хуже, — заметил Сарес. — Поглотители праны не давали нормально работать артефактам, а ещё эта невыносимая затхлость воздуха... — Исану поёжился от воспоминаний. — Не отвлекайтесь, здесь кто-то был, может и не уходил. Факелы новые, да и чисто слишком для заброшенного храма, — утихомирил всех мессир. Группа молча кивнула и продолжила осмотр по заранее заготовленному плану. Все были насторожены и немного растеряны. Кто же за ними следит? Или за храмом?

Ночью Котам и Пилам сторожили вход в палатку чужеземца.

Вытащить его и унести в храм было единственным вариантом, группа днём слишком внимательна и опасна.

Братья несли чужеземца по джунглям к храму, не смотря на кажущуюся стройность жертва была тяжёлой. Подкрасться удалось не сразу, жертва была настороженной и обладал хорошим слухом. На выходе из палатки чужеземец задумался, а Пилам ударил дубинкой. Крепления алтаря были отдельной проблемой, ремни заедали и периодически рвались. Ритуальной молитвой занялся Катам, сегодня была его очередь. Ворвавшиеся товарищи жертвы оказались боевыми, а один из них успел скастовать заклятие. А задохнуться оказывается больно...

Ранее

Очнулся мессир уже на алтаре, понял он это по неудобному положению, характерному потолку и холодку, идущему по спине. Похитители были

неподалёку: один пацан молился у приалтарной статуи, а второй точил кинжал. Где же группа?!

Пропажу Кхуна обнаружили сразу, он обещал проверить смену караульного, но не пришёл, не в роще, не в палатке его не было. Заснувший на посту Биас не знал куда себя деть, мессира явно украли, но они не знали кто, зачем и куда его унёс. Разделяться для поисков не стали, а пошли сразу в храм, там всё началось, там же были следы присутствия людей. Может ночной гость не захочет ходить по джунглям и придёт туда? *** Маннир дрожал и еле стоял на ногах, только что он удушил двух туземцев воздушным арканом. Мессира отвязывали Исану и Гаран, остальные помогали избавиться от тел. Заклятие тлена накидывали бытовые маги, а Кхун отходил от похищения.

Экспедиция оказалось опаснее, чем все думали в начале.

Позже в Тшатане

Мессир Кхун сидел в своём кабинете, он только что оформил отчёт об итогах экспедиции. Запланированный срок исследования храма был равен двум неделям, но похищение увеличило его на несколько дней. Группа отходила от случившегося, а самого мессира пошатывало, удар туземца был сильным. Куда убрали трупы Кхун не знал, да и не хотел. Он не мог осознать как позволил себя украсть. Когда он вышел из палатки, чтобы проследить за сменой часового, за спиной мелькнула тень, а потом мессир почувствовал боль в затылке. Хорошо, что всё закончилось тихо.

На берегу реки...

Джек плутал по лесу больше часа, мама отправила его искать их заблудившуюся корову-Роуз. Перед выходом на ворот рубахи парня она застегнула железную булавку и дала нож, чтобы лежал за голенищем. На последок, мать запретила ему подходить к местной реке - Каменке.

Люди считали, что в этих лесах живут эльфы, а речка служит переходом в их мир. Люди, выпившие воды из неё, забывают весь день, а искупавшиеся могут и всю жизнь. Они либо остаются в их мире как слуги, либо умирают в лесу, потому что не помнят пути назад.

Жара была невыносимой: воздух нагретый до невероятной степени обжигал лёгкие, а лучи солнца припекали сверху. У мальчика ужасно болела голова, а запрет матери казался и вовсе садистским. Каменка манила уютной тенью и вкусной, прохладной водой. Корова, как на зло, не находилась, он подозревал, что её утащили волки. Вода оказалась ещё вкуснее, чем мальчик мог себе представить. Только его стало клонить в сон, а тень так и шептала:

"Спи, спешить некуда". Глаза закрывались сами собой, а корова незаметно покинула мысли Джека.

Где-то на другом берегу Каменки хихикнула эльфиечка, сидящая на вершине дерева, легонько поведя стрекозиными крылышками, она улетела в чащу.

Оваит

История Оваита насчитывала миллиарды тысяч лет. С самого начала её населяли шесть рас: эльфы, дроу, не признающие родство со светлыми собратьями, орки, гномы, люди и огры.

В самые древние времена почти все народы жили племенами, а управляли всем огры. Гномы ушли в горы, чтобы не подчиняться им, эльфы разделились на светлых и тёмных. Первые начал. Жить в лесах и поддерживали нейтральные отношения с другими расами, а вторые приняли веру в Ллосс, что навсегда изменило их облик и мировоззрение. Позиция «коротышек» была им близка, поэтому они заняли горы не понравившиеся гномам. Орки и люди жили бок о бок и подчинялись ограм.

До первой войны. Они объединились, чтобы свергнуть великанов. Позже присоединились эльфы, дроу, оскорблённые тем, что светлые их опередили не смогли стоять в стороне, а гномы всегда любили добрую драку.

Сто лет война шла с переменным успехом, но огры слабили, а соперники становились и злее, и умнее. Вскоре о великанах никто и не помнил.

Так образовались современные государства: Ротрил у светлых, а столицей стала священная роща. Осзор у гномов, те были народом рациональным и просто расширились на поверхность. Дроу остались верны себе и не вышли из своих гор, но назвали их Хаклор. Орки заняли степи назвав их Апрор, а люди заняли непригодившиеся районы: оставшиеся предгорья, некоторые степи, приморские территории, назвав своё государство Скаир.

Не обошлось и без внутренних конфликтов: дроу и гномы делили горные земли, также они совершали походы религиозного характера на светлых, но и гномы, и эльфы отбивали атаки быстро и с малыми потерями. Люди периодически воевали между собой, но их «успокаивали» орки. Им не хотелось проблем из-за воинственных соседей. Орки были самыми мирными так, как их жизнь регулировалась строгими правилами. Роли расписывались для каждой социальной ступени, а переходы контролировались из ступени в ступень.

У светлых была монархия, у дроу клановая система с матриархатом, а гномы свой уклад жизни очень тщательно скрывали. Людские земли делились на два типа: монархические и управляемые советом. ***

Магия неотъемлемая часть этого мира.

Шаманы орков жертвуют часть своей праны, энергии нужной для творения заклятий, в обмен на услуги духов. Эльфы хороши в целительстве, алхимии, магии жизни. Дроу используют артефакты и только жрецы пользуются силой, дарованной Ллосс. Гномы чужды магии и верят в сталь и технический прогресс. Люди тоже склонны к технике, но редкие чародеи поддерживают баланс магии и технологий в их творениях.

Среди орков маги были редкостью, например: Дабрутос был артефактором и единственным из семьи, кто обладает магией. Шаманы же не владеют искусством творения чар, но у них есть духи, делающие всё за них. Сами духи являются слугами Морка, поэтому частица заработанного уходила богу-покровителю.

Вероисповедание рас Оваита различны, но объединены общей чертой: нет многобожия.

Эльфы верят в супружескую пару Кирноуса и Ишу, гномы во всеотца-Валая, дроу в Ллосс, а орки в братьев воина и мага - Горка и Морка. Ритуалы гномов неизвестны, но наличие жрецов и храмов неоспоримо.

Обычаи тёмных эльфов кроваважны, минимум одна жертва в год от клана. Орки приносили дары более мирно, они молились перед боем Горку, а перед учебой и бытовыми делами Морку. Также они дважды в год устраивали праздники с песнопениями и обильными застольями во славу братьев. Обычно зимой и в самом начале лета. Светлые не устраивали особых праздников, лишь каждое воскресение молились в храмах. Люди верили в Многоликую богиню и жертвовали часть ежегодного осеннего урожая на особом празднике, где жгли костры, пели песни, устраивали застолья, переняв впрочем и эльфийские воскресные молитвы. Были и неверующие, они отпирались от таких обычаев и пытались просвятить непонятливых собратьев. Гармония существования на земле была достигнута ценой тяжелых потерь в небесной сфере. До Оваита дошла лишь малая часть бывшего количества богов.

В далёком мире, чьё название стёрлось из памяти очевидцев войны Великих, процветало многобожие, но не были Верховного, а разделение на серый, светлый и тёмные партеоны усиливало склоки среди покровителей рас.

Началась война, разрушившая мир и вынудившая часть Великих перебраться в Оваит, подальше от разрушенной родины.

Ллосс и Многоликая не смогли поделить верующих, паучиха, чтобы отомстить за снижение популярности своей веры, она убила новорожденного сына светлой богини: превратилась в маленького паучка и пробралась в детскую, а пока мать отвлеклась на отслеживание обстановки на земле, укусила его. Ребёнок умер от яда за пару часов. Многоликая явилась в главный храм обидчицы и разрушила алтарь, а само здание освятила, чтобы Ллосс не могла появляться в нём.

Дальнейшее противостояние разделило богов на две, пострянно воюющие части, оно сотрясало и небеса и землю, пока не сделало их необитаемыми.

Многие развоплотились, навсегда растворившись в вечности, лишь часть перешла в Оваит, где Верховная — мать всего сущего и хранительница гармонии, заставила их произнести клятву ненападения на друг друга, её и смертных, закрепив её развоплощением в случае нарушения.

Сама Верховная получала часть энергии верующих младших богов, но оставалась неизвестной, поддерживая мир. ***

Гномы в основном держали банки, ювелирные салоны, гильдии наёмников.

Здание гномьего банка было двухэтажным, напоминающим крепость. На входе клиентов встречали воины закованные в тяжёлые латы. Их бороды были заплетены в множество кос, что означает принадлежность к гномьим хирдам. Хирдами называют основные составные части армии в Осцаре. Небольшой коридор, ведущий к кассам, оснащён артефактами, сканирующими степень опасности и намерения проходящих. При попытке ограбления неудачливых воров сжигало на месте боевыми артефактами, спрятанными в стенах, потолке, даже в полу. Кассы разделялись от кассового узла стеклом. Последняя разработка гномьих учёных не пробивалась большинством боевых заклятий и ударами бронебойного оружия, но и была маленькая слабость. Если его предварительно заморозить, а потом совместно ударить кислотной волной и огненным валом, оно разрушалось. На кассах сидели гномки, что было довольно редким зрелищем, до этого их не допускали до этой профессии. В счётных кабинках на кассовых узлах клиенты не только подсчитывали деньги, но и заполняли бумаги. Офисы находятся на втором этаже и обставлены с повышенным комфортом. Учётно-операционный зал, вычислительный центр и, конечно же, вспомогательное помещение с сейфом были закрытой территорией. Гномы

сейфы отличаются особой крепостью и сложностью системы, вскрыть его может либо другой гном, либо очень искусный взломщик.

А ювелирные салоны напоминали скорее маленькие замки. Три или два тажа занимали залы: золотой, серебряный и артефактный. Если в первых двух украшения были чисто декоративными элементами, то в третьем можно было приобрести как готовый продукт, так и пустышку для самостоятельного создания. Гномы сотрудничают с многими расами, а маги других государств могли как продавать, так и обменивать свои артефакты. Традиционно зал охраны был внизу, склады находились на подземном этаже, а вели к ним специальные лифты. Служебные помещения примыкали к залам.

Отдельного упоминания стоят наёмники в Осцаре. Гильдии имели второй жилой этаж, на первом располагались бар, доска с заданиями, кухня и зона пекучих. Оружейные были во дворах, как и конюшни со складами прочих вещей, необходимых для жизни. Гильдии имели крепкие заборы вокруг, а комплекс помещений строился идеальным кругом, центром являлось двухэтажное здание гильдии. Сами наёмники ценились на весь Оваит из-за силы, умений и эффективности.

Также на весь мир славились гномьи эль и оружие с доспехами. В кузни и пивоварни входили лишь избранные, а для получения звания подмастерья давали клятву Всеотцу о неразглашении секретов профессии. Инфраструктура друу весьма специфична.

Начну с «Дома Хаоса». Это то место, где вы можете найти профессионала на любой вкус. От карманника, чтобы подпортить закланному врагу день, лишив кошелька, до убийцы высшего класса, способного как отравить, так и сбросить на вашего врага рояль. Найти его вы можете в столице Хаклора, названной в честь Паучихи. На Кровавом проспекте стоит мрачное двухэтажное здание, на входе вы не увидите охрану, магия надёжно скрывает воинов в тени. Внутри вы ощутите себя ничтожным из-за дизайна помещений, а мадам Лайла, возглавляющая Дом, вовсе не покажется такой уж опасной. Знающие будут опасливо поворачиваться к ней спиной или принимать что-то из рук миниатюрной эльфийки.

Следующий пункт — рынок. Одна часть вполне легальна: продукты, одежда, оружие и другие товары, но вторая... Один из её секторов напоминает зверинец: множество клеток, есть сцена и сидение для зрителей и даже касса, но это не он. Рынок рабов, вот где вы окажетесь, если зайдёте на центральную торговую аллею с восточного входа. Представители разных рас, пленённые, похищенные и просто задолжавшие туристы, продаются здесь. Далее идут артефакты и кузни, где можно заказать «особую» экипировку (перстни с секретом,

стилеты, отмычки и тд). Особенно интересны алхимические ряды: «Поцелуй Ллосс» можно купить лишь здесь, а это сильнейший и редчайший яд.

Казино дроу не имеет аналогов во всём Оваите, только тёмные эльфы смогли создать столь необычное заведение. Отсутствие окон заменяло грамотно выстроенное освещение, сочетающее магию и технику, а огни иллюзий снаружи отличали это здание от всех остальных. Настенные часы были запрещены, исключением являлись лишь наручные. Внутри было три зала: с карточными столами, магическими автоматами и концертный, здесь лучшие представители дроу показывали фокусы, пели и танцевали. Также в здании находились рестораны, бар, отель и спа. Жетоны, выполненные в виде паучков из оникса, были отличительной чертой заведения, как и карты украшенные каплями крови на рубашках и меняющий цвет при броске кубик.

Культовый служения Ллосс сильно влиял на инфраструктуру.

Непохожие

Сквозь прозрачную крышу лаборатории лился солнечный свет. Просторное помещение располагалось в отдельном одноэтажном здании и делилось на несколько отсеков: первый содержал странные колбы с мутным раствором, в них плавали отдельные органы, конечности, зародыши выведенных здесь же гибридов, а раствор в колбах временами пузырился и переливался волнами из-за работы артефактов, установленных в сосудах. Второй был оранжереей: Ротанис увлекался ещё и ботаникой. Растения вились вдоль стен, а деревья с неестественно толстыми стволами создавали зелёный купол под потолком, те, что поменьше, стояли в специальных горшках на полках. Третий — алхимический. Несколько столов с разноцветными колбами причудливых форм, деревянные и металлические шкафы хранили в себе записи и ингредиенты. Четвёртый отсек был самым маленьким и наиболее уютным. Здесь стоял письменный стол: массивный, из красного дерева, ножки украшала затейливая резьба, эльф мечтал о таком со студенческих лет. Удобное кожаное кресло находилось неподалёку. Книжные шкафы полностью закрывали стены, за исключением «зоны отдыха». Она представляла собой кожаный диван и стеклянный журнальный столик, стоящий на белом пушистом ковре. На этом самом диване и нашёл Дабрутос своего друга. Он был одет в джинсы, белый халат, имеющий прочность доспеха из драконьей чешуи из-за наложенных чар, и ботинки. Сам Ротанис был среднего роста рыжим эльфом с аккуратно заострёнными ушами. Он лежал на диване, лицо было умиротворённым с заставшей на нём полуулыбкой, а на свесившейся тонкой руке блестел перстень в виде дракона с синими глазами. * * * Стоило орку проверить пульс своего друга, как кольцо засветило драгоценными глазами и появилась иллюзия. Полупрозрачный Ротанис сидел за рабочим столом: — Привет, Рут. Если включилась эта иллюзия, значит, я всё же умер. Помнишь, я

бредил идеей создать эликсир вечной молодости, он бы прославил меня. Месяц назад мне удалось создать рабочий прототип. Все животные, на которых я его испытывал, молодели. Следующим этапом решил проверить его на себе. Ты же знаешь сам, светлые эльфы живут четыре тысячи лет, а мой возраст три тысячи девятьсот лет, не так уж и много мне осталось. Для нашей расы сто лет, что миг. Две недели всё было хорошо и без изменений, но потом моё самочувствие ухудшилось. Болела и кружилась голова, мучила бессонница. Как оказалось, мой организм воспринял эликсир как яд и медленно умирал из-за его приёма. Всё, что имею, я завещаю тебе, друг. Родственников у меня не осталось, а за годы дружбы ты стал мне как брат. Именно ты, Рут, поддерживал самые безумные эксперименты и отговаривал от слишком опасных авантур. Спасибо за всё. Завещание в верхнем ящике стола. Насчёт похорон всё подробно описано в письме, приложенном к нему. Прощай, не грусти обо мне, — иллюзия печально улыбнулась и медленно исчезла. Дабрутос неверяще смотрел на стену, где только что была иллюзия, и не мог осознать услышанное. Опомнившись, он поправил свесившуюся руку и решил ознакомиться с пожеланиями друга. Они не удивили его. Тихие похороны в живописном месте без лишней роскоши, Ротанис не считал пышные проводы хорошим вложением капитала. Сам орк тоже был учёным, создавал артефакты. Половина этой лаборатории обустроена с его помощью. Также знание эльфом орочьего языка было заслугой Рута. Ко дню друзей они весь год учили разговорные языки рас друг друга, а когда на празднике одновременно пытались поздравить друг друга на них, то только рассмешили. Этот случай был самым любимым у орка и всегда вспоминался с доброй улыбкой. Наконец Дабрутос встал и двинулся к выходу. Нужно было столько всего организовать. Всё же желания друга всегда были важны для него.

Андрей Пучков

Новый год

Рабочий день закончился, а наша компания, состоящая из Коляна, его подружки Зойки, Макса, Ирки, и соответственно меня, осталась в отделе. Нам надо было обсудить детали встречи Нового года, которую мы планировали чуть ли не с лета.

– А твои родители как, нормально согласились? Уговаривать не пришлось? – с интересом уставился на Коляна Макс.

– Да нет, – пожал плечами тот, – легко! Что мы, дети что ли, в конце-то концов. Да и к тому же, они знают, что со мной будет моя зайка, которая на дух не переносит спиртное. И он, карикатурно вытянув губы в трубочку, потянулся в сторону Зойки. Но та никак не прореагировала на такие идиотские, по её мнению, проявления нежности, и даже не посмотрела в его сторону.

Колян был не совсем прав. Алкоголь отрицался не только его подружкой, но и всей нашей компанией. Даже, наверное, можно сказать больше, спиртное не уважалось подавляющим большинством наших приятелей и знакомых. Не модно это было.

– А что насчёт шашлыка? – спросила Ирка, и посмотрела почему-то не на Коляна, к которому мы и собирались в гости, а на Макса. Тот недоумённо пожал плечами, и перевёл стрелки на Коляна, ткнув в его сторону указательными пальцами обеих рук.

– О-о-о-о! – забился в экстазе Колян, – там не мангал! Там сказка! Здоровенный, красивый, шикарный! Можно сказать, сам всё делает, нам надо будет только мясо на шампуры нанизать! Кстати! – спохватился он,

– А из чего, шашлык-то делать будем?.. Договорить он не успел, хлопнула дверь, и мы, разом обернувшись, увидели Ольгу, заместительницу нашего всевышнего, которая, по моему глубокому убеждению, тоже являлась небо жительницей, по какому-то недоразумению оказавшейся среди нас, смертных.

– Привет, – смущённо улыбнулась Ольга, – я не помешала?

– О! А ты-то чего здесь делаешь? Спросил никогда не отличавшийся тактом Колян. Девушка ответить не успела. Зойка, ухватила первую, попавшуюся под руку сумку, и со всей силы приложила сидящего на столе Коляна по голове. Я заржал, глядя на свалившегося со стола приятеля, который подгоняемый инстинктом самосохранения, на четвереньках уползал в сторону двери.

– Это я её позвала! – заявила Зойка, – а если кому-то не нравится...

– Не, не, не! Нам всё нравится! – от дверей прокряхтел Колян, потирая ушибленную голову, – ну нафига сумкой-то?! Больно ведь!

– Извини, – сокрушённо проблеяла Зойка, – я вообще-то хотела тебя стулом огреть! А Новый год, Оля будет встречать вместе с нами! Медленно продолжила она, и уставилась почему-то на меня, как будто я был самый яркий противник этого.

– Не одной же её оставаться в эту праздничную ночь. Наконец зловеще закончила Зойка своё выступление, и выразительно посмотрела на своего бестолкового Коляна.

– А что, я не против! Чем больше народу, тем веселее! Правда ведь Андрюха? Кинулся искать у меня поддержки проштрафившийся Колян. А я, как дурачок, только кивал, соглашаясь с ним, потому что слов у меня не было.

А всё дело было в том, что Ольга мне очень нравилась. Давно нравилась. Она была самая красивая! Самая умная! Самая спортивная! И вообще она была... Ого-го! У меня, слава Богу, хватило ума понять, что ловить там мне нечего, и я благополучно старался не обращать на неё внимания. Но, несмотря на то, что я старался даже не глядеть в её сторону, она как назло, всё время попадалась у меня на пути. Вот и сейчас. Нате вам. Вот она. Собственной персоной. Да ещё с нами на всю ночь! Обалдеть, однако!

Наша сходка, во время которой были оговорены детали предстоящего мероприятия, продолжалась ещё минут тридцать. В основном говорила Зойка, она железной рукой распределила между нами права и обязанности. Причём, правами она без зазрения совести наделила женскую половину. А обязанности вывалила на, как она выразилась, бестолковую мужскую! В результате чего, Колян, которой с умным видом поддакивал ей, оказался ответственным за шашлыки, я за напитки и одноразовую посуду, а Макс за прочую мелочёвку на стол. Оглядев наше сборище тяжёлым взглядом, и поняв, что возражений нет, Зойка величественным жестом отпустила нас на волю. Но, не преминула напомнить нам вслед, что до Нового года осталась всего неделя! И если мы не хотим умереть мучительной смертью, то с умом потратим это невеликое время для подготовки.

Отведённая демоном в юбке неделя пролетела быстро. И эта самая неделя, принесла мне ещё одно потрясение! В один прекрасный день, когда я раздумывал, над тем, что из напитков понравится Зойке, так как Колян этого на свою беду до сих пор не знал. Мне на сотовый поступил звонок с неизвестного номера. Я вообще-то в таких случаях не отвечаю, но сейчас, почему-то ответил, и чуть не уронил телефон. Звонила Ольга! Звонила она просто так, поинтересоваться, как идёт подготовка к Новому году. Узнав о моей проблеме с выбором напитков, предложила мне прийти к ней домой.

В результате чего, я оказался не только с пятилитровой бутылкой облепихового морса, который, как, оказалось, обожает Зойка! Но и с обалденными воспоминаниями о стройной красивой девчонке в короткой юбке, и в таком же коротком фартуке! Ну и чтобы совсем уж стать радостным, позвонил Коляну и поинтересовался у него, что скажет его зайка, когда узнает,

что тот не знает её любимого напитка. Потом, минут пять с удовольствием выслушивал визг приятеля о том, как тот любит жизнь! Ну и напоследок, сделал его своим рабом, сообщив, что Зойка любит Облепиховый морс.

С погодой в этом году не повезло. Снега не было. То есть, вообще не было! Мороз был, а снега не было! И я опасался, что в этом году Новый год будем встречать без снега, что, на мой взгляд, является совершеннейшим извращением. Но, больше всех боялся Колян. Он, не без оснований, как мне кажется, страшился того, что Зойка может потребовать от него, чтобы к Новому году выпал снег. Однако всё обошлось, и за три дня до праздника, снега навалило сантиметров двадцать! Колян и Новый год были спасены.

Двадцать восьмого декабря мы со своей компанией, и с неожиданно примкнувшей к нам Ольгой, отпраздновали корпоративный Новый год. Однако настроение у меня напрочь было испорчено тем, что Ольга не пошла со мной танцевать. Я её пригласил на медленный танец, а она отказалась! Смущенно улыбнулась, извинилась, и не пошла. К слову сказать, она ни с кем не танцевала в этот вечер. Я несколько раз видел, как к ней подходили парни, а потом, так же, как и я, смущённо потоптавшись, уходили, туда, откуда пришли. Так как вечер перестал быть томным, я пошёл домой, предварительно зайдя в свой отдел, чтобы одеться. В отделе, как и ожидалось, спугнул целующихся Макса и Ирку, которые с маниакальным упорством достойным лучшего применения, делали вид, что просто знакомы друг с другом, и не более того.

Наконец-то наступил всеми долгожданный день «Д», другими словами тридцать первое Декабря! И я, в очередной, сто первый раз выслушав от родителей нотацию о соблюдении правил безопасности при обращении с огнём, и о вреде алкоголя. Пришёл к Коляну, у которого дома уже находилась Зойка. Родители приятеля, в отличие от моих, были совершенно спокойны за своё великовозрастное чадо, и наставлениями себя не утруждали, резонно рассудив, что тот и так будет находиться под жёстким надзором своей зайки.

Дача, принадлежащая семейству Коляна, находилась в двух километрах от посёлка, и мы быстро добрались до места пешком. Благо, что свежевыпавший, рыхлый снег, легко разбрасывался ногами, и почти не затруднял движения. На участке, удобно расположившемся возле леса, стоял довольно большой приземистый дом, к которому мы и направились

— Ну вот! — радостно проорал Колян, остановившись недалеко от крыльца, — это и есть наша будущая семейная плантация, на которой, мне скоро придётся гнуть спину, и добывать хлеб насущный, в поте лица своего!

Я огляделся. Ни на одном из соседних участков ещё ничего не было построено, несмотря на то, что места были распределены ещё летом. Не было ни заборов, ни каких-то других ограждений. Только из-под снега выглядывали колышки с разметкой, да на нескольких участках, виднелся полузанесённый снегом фундамент. Я уже знал, что отцу приятеля повезло, и ему достался участок с уже стоящим на нём домом. В этом доме, когда-то давно, когда в

наши места только пришло телевидение, жили специалисты обслуживающие ретрансляционную вышку, передающую на местную округу телевизионный сигнал. Прогресс на месте не стоял, и со временем, надобность в вышке отпала, а вместе с вышкой ушёл и персонал, оставив своё жильё на произвол судьбы. Судьба к дому оказалась благосклонной, он прекрасно сохранился, и отец Коляна заменил только прохудившуюся крышу. Завёз некоторую мебель. Подправил широкое крыльцо, и недалеко от дома установил мангал, красиво обложив его кирпичом, и соорудив рядом с ним удобный столик.

На улице уже стемнело, но на будущей улице уже были поставлены столбы, и подведено электричество. Так что, в доме было светло, да и на улице, рядом с мангалом в землю был вкопан шест, на котором болталась лампочка, света от которой хватало на то, чтобы уютно освещать и мангал, и столик.

Шашлык был готов часов в девять вечера, и мы решили, что основательно поесть мяса надо в этом году, а в следующем году, будем только слегка перекусывать, и налегать на сладкое, которым, не смотря на свои неограниченные права, всё же основательно запаслись девчонки. Они даже умудрились притащить, не угробив по дороге, большой торт!

В доме стояла кирпичная печь, протопив которую, нам пришлось довольно скоро раздеться, и развесить одежду на гвоздях, вбитых в стену. Расселись на двух лавках, стоящих возле стола и началось...! Шашлык удался! У Коляна он почему-то всегда получался, я же, если брался за него, то всегда умудрялся его пережарить, или вообще обуглить! Шашлык съели весь, и теперь, сидя за столом просто дурачились. Настроение у меня можно сказать было хорошее, и только одно омрачало! Ольга сидела не рядом со мной, хотя, места на лавке было предостаточно, она села напротив меня с другой стороны стола! Села сама, никто её на то место не приглашал.

Наконец подошло время, и мы, притихнув, послушали по сотовому телефону президентское поздравление, посчитали куранты, и хором проорав ура, начали жизнь в новом году. Не знаю, сколько прошло времени, когда я понял, что мне стало как-то тревожно. И когда я, поёрзав на лавке, понял, что настроение испортилось окончательно, то решил выйти на улицу, постоять на свежем воздухе. Но, когда я встал, и пошёл к двери, меня за руку перехватила Ольга и почему-то шёпотом спросила:

– Ты ведь тоже это почувствовал? Правда? Я по тебе заметила, что ты это почувствовал!

– Что я почувствовал? – так же шёпотом переспросил я.

– Я не знаю!.. Может мне и показалось, но, мне стало почему-то страшно!

– Тебе не показалось! Мне тоже стало как-то не очень уютно. Тревога непонятная накатил.

И только сейчас я заметил, что мы с Ольгой стоим, она держит меня за руку, а остальные молча слушают наш с ней разговор.

– Ой! Мамочки! – пискнула Ирка и тоже схватила Макса за руку, – мне тоже страшно!

– Так... Андрюха! Ты бы сейчас не ходил на улицу... Мало ли... – прошептал Колян, и, покосившись в окно, выходящее, на лес добавил, – а то что-то действительно как-то не по себе стало.

Все замолчали, и в этой гнетущей тишине, за стеной дома вдруг раздались тяжёлые шаркающие шаги, под которыми характерно поскрипывал снег. Эти шаги услышали все! Их невозможно было не услышать! Шаги приближались со стороны крыльца, к окну, рядом с которым стоял стол. И я вдруг с ужасом осознал, что если ЭТО подойдёт к окну, то ОНО нас увидит! Увидит всех! А этого нельзя допустить! Почему нельзя я не знал, но, каким-то шестым чувством понимал, что нельзя.

– Колян! – прохрипел я севшим вдруг голосом, – окно! Надо задёрнуть занавеску на окне! А то ОНО нас увидит!

Колян, не отрывая от меня круглых глаз, повернувшись в пол оборота к окну, не глядя протянул руку и медленно задернул занавеску. И почти сразу же, на неё легла чья-то массивная тень, и раздалось глухое недовольное ворчание.

Я поднял вверх указательный палец, прислушиваясь к ворчанию за стеной, а потом медленно приложил палец к своим губам, призывая всех молчать, так как заметил, что Макс что-то хочет спросить у Коляна. В доме воцарилась гнетущая тишина, явственно было слышно только тяжёлое хрипение за стеной. Но вот и оно стихло, словно этот кто-то задержал дыхание прислушиваясь.

Так мы все и замерли, боясь вздохнуть! Я, с Ольгой стоя, а остальные, сидя за столом, друг напротив друга, причём Колян, так и не опустил руку после того, как задернул занавеску на окне. Первой не выдержала Зойка. Она шевельнулась на лавке, и раздался показавшийся мне оглушительным скрип половицы! И сразу же за этим раздался звук, похожий на то, как будто по стене начали скрести чем-то тяжёлым. Услышав его, Зойка медленно подняла обе руки и зажала себе рот, а потом, круглыми от страха глазами уставилась на противоположную от неё стену.

Я сразу же всё понял! Второе окно! И буквально сразу же, как будто поняв, о чём мы думаем, тяжёлые шаги зашаркали вокруг дома. Не надо быть гением, чтобы понять, что наш новогодний гость направился ко второму окошку. Вывернув свою руку из рук Ольги, я на цыпочках подсеменял ко второму окну, и почти не дыша задернул занавеску. Только сейчас, с облегчением обратив внимание на то, что она была изготовлена из достаточно плотного материала, и разглядеть, что происходит в доме, сквозь неё невозможно.

Тяжёлое шарканье, наконец, достигло другого окна, и за стеной, прямо напротив него началось непонятное топтание, словно кто-то тяжёлый переминался с ноги на ногу. Наконец ему надоело топтаться на месте, и шаги

направились в сторону крыльца. Услышав это, мы, как по команде, подались к противоположной от двери стене, по всей вероятности, интуитивно стараясь оказаться от неё как можно дальше.

Наконец заскрипело крыльцо под тяжёлым телом, и вздрогнула от удара дверь. Пискнула от ужаса Ирка... А я, вдруг забыл обо всём на свете! Забыл о том, что за стеной дома что-то бродит. Забыл про Новый год. Забыл обо всех своих страхах! Не знаю, как так получилось, но, когда мы толпой шархнулись подальше от двери, меня с Ольгой притиснули к стене, и я, обхватив девушку со спины, прижал её к себе, совершенно неосознанно положив руку ей на грудь.

И вот сейчас, я стоял с открытым ртом не решаясь, пошевелится, и, чувствуя упругость тела девушки, боялся даже вздохнуть. Опять дрогнула и застонала под нажимом чужой силы дверь. Судорожно, со всхлипом вздохнула Ирка. А Ольга, вдруг извернувшись под моей рукой, повернулась ко мне, и, запрокинув голову, посмотрела мне в глаза долгим взглядом, а потом, она закрыла глаза...

Ну, вот и всё! Весь мир может подождать! И это чучело за дверью тоже пускай ждёт. Мне не до него сейчас... я занят. Я, целовался с лучшей в мире девчонкой! Мы целовались с Ольгой и не обращали внимания на то, что на нас как на придурков смотрят друзья-товарищи. Но вот, за дверью что-то особенно громко гроыхнуло, и я, с сожалением оторвавшись от девушки, охрипшим от пережитого голосом сказал:

– Эта тварь меня уже достала! Может ей тупо морду набить?!

Разумеется, мне никто не ответил. Только Макс, переводил удивлённый взгляд с меня на Ольгу, и обратно.

– Ну а что! – разошёлся я, – нас трое здоровых парней, ножки от стола вон отломаем, и отметелим эту заразу!

И самое удивительное было то, что я действительно уже не боялся! Подумаешь, кто-то за стеной шарашится. Видали мы таких! Со мной была моя девушка, а значит, я справлюсь с любой угрозой. Тот, за дверью, видимо тоже понял, что наша компания насквозь дурная, и реально может, вооружившись ножками от стола, выбраться из дома на разборки. Потому что на крыльце раздалось, как мне показалось, обиженное ворчание, а затем, мы услышали удаляющиеся в сторону леса шаги.

А потом, мы сидели с Ольгой рядышком, и пили чай с тортом. Я был совершенно счастлив, так как чувствовал тепло сидящей вплотную ко мне девушки. Мы бестолково смеялись чуть ли не над каждым произнесённым кем-нибудь из нас словом. И нам было совершенно всё равно, вернётся ЭТО под стены нашего дома или нет! У нас с Ольгой был свой дом! Своя, принадлежащая только нам двоим крепость. И разрушить стены этой крепости не сможет никто, какой бы силой он не обладал! В отличие от своих друзей, я с

нешуточным сожалением воспринял восход солнца. Скоро станет совсем светло, и мы отсюда уйдём. А это место, мне очень и очень нравилось.

Собрались быстро, и прежде чем выйти, внимательно осмотрели окрестности из окошек. Ничего подозрительного обнаружено не было, и тогда Колян, осторожно откинув на двери тяжёлый крюк, вышел на крыльцо.

– Никого! – почему-то шёпотом сказал он, и поманил нас рукой. Ребята настороженной стойкой выбрались на крыльцо и стали оглядываться по сторонам.

Я вышел последним, и, улыбаясь, осмотрелся. Вокруг было очень тихо и красиво. Но, что-то не давало мне покоя, что-то было не так в окружающей обстановке. Словно художник начал рисовать картину, но вдруг забросил её, забыв, или не захотев нанести на холст последние штрихи.

– А где следы?! – спросила вдруг Ольга, и взяв меня за руку, встала ко мне поближе.

Точно! Вот оно! Следы! Вернее, их отсутствие беспокоило меня. Не должно так быть. Макс озадаченно посмотрел на Ольгу, а потом, ни слова не говоря пошёл вокруг дома. Обойдя дом по кругу, Макс остановился прямо перед крыльцом и словно извиняясь, произнёс,

– Ничего!.. Ни одного следочка!.. Я... не понимаю!..

Словно не поверив приятелю, Колян, прыгнув с крыльца, тоже направился в обход дома. Вернувшись, сосредоточенно начал стряхивать с ботинок снег. Он делал это так нудно и медленно, что Зойка, не выдержав взвизгнула:

– Ну! Что там! Да оставь ты, в конце концов, свои копыта в покое!

– Что, что... Ничего там! Кроме вон следов Макса, больше ни одного следа.

– Но как такое возможно?! – прошептала Ирка, – ОНО ведь было тяжёлым! Мы же все его шаги слышали, да и крыльцо скрипело под ним!

– Может мы разом с ума сошли? – предположил Колян.

– Нет! – решительно заявила Зойка, – это только ты с ума сошёл! С ума толпой не сходят! Я где-то читала, что рассудок теряют поодиночке.

– Так что тогда? Нам это всё померещилось что ли?! – явно обрадовался Колян.

– Не думаю, – вдруг опять сказала Ольга, и, кивнув в сторону нашей шашлычной, добавила, – Мангал...!

Обернулись все разом. Несколько секунд стояли, разглядывая лежащий вверх ногами мангал, а потом, не сговариваясь, рванули от дома в сторону трассы по своим же вчерашним следам. Выскочив на дорогу, остановились, и отдышавшись, уже не спеша пошли в сторону посёлка. Я шел рядом с раскрасневшейся от бега Ольгой, держал в своей руке её узкую ладошку и думал. Думал о том, что надо обладать невероятной силой, чтобы отбросить

мангал весящий, наверное, килограммов под двести, на добрый десяток метров. Именно отбросить, так как следов волочения я на снегу не видел.

С тех пор прошло уже много лет. У нас с Ольгой родились и уже выросли двое детей. А я, вспоминая эту ночь, до сих пор не знаю, что же это было! Но, в отличие от своих приятелей Макса и Коляна, которые думают, что к нам приходила какая-то страшная тварь, я склонен думать, что это был мне подарок на Новый год! Наверное, какой-то креативный Дед Мороз, таким необычным способом свёл вместе меня и Ольгу, подтолкнул нас друг к другу. И я благодарен ему за это!

Вадим Захаров

Хирс

Часть 1. Нон

Маломощная лампочка накаливания с трудом освещала все пространство глинобитной террасы таджикского дома. Терраса была добротной, сделана на совесть и завершалась двумя деревянными ступеньками, позволявшими спуститься к дворику с хозяйственными постройками, отороченному арыком – небольшим ручейком для полива, за которым открывался яблоневый сад. На тусклый свет лампочки весело слетались желтые майские жуки, которые, казалось бы, наперекор всем законам физики, не только надоедливо жужжали, но и умудрялись делать невероятные пируэты. Под лампой на задних лапах как два близнеца сидели кошка Манька и такого же размера щенок, названный не мудрствуя лукаво с моей подачи Полканом. Манька ловким движением лап сбивала очередного зазевавшегося жука и быстренько съедала его. Полкан, подражая Манькиным движениям, тоже пытался зацепить лапой пролетающее насекомое, но ленивые его потуги были неуклюжи, напоминали жалкую имитацию Манькиной охоты и ни разу не увенчались успехом. Впрочем, старания пса были не напрасны, ибо каждого четвертого жука Манька великодушно предоставляла ему в полное пользование, тому оставалось только нагнуться, слизать жука и, зажмурившись от блаженства, ждать следующей порции. Дом располагался на горном плато в предгорьях Памира на высоте 1300 м. над уровнем моря у подножия горы, верхушка которой в белой шапке горных ледников почти всегда была скрыта дымкой облаков. Поселок назывался Новабад, что в переводе с таджикского означает «Новый Город». Впрочем, название «Город» для населения в 3000 человек звучит крайне обнадеживающе. Дело в том, что в 1950 году кишлак был преобразован в город Новабад и по 1955 год был центром Гармской области Таджикской ССР, а в 1959 году утратил статус города и стал посёлком городского типа. Градообразующим предприятием поселка являлась загородная больница, главным врачом которой в летний период 1969 года во время своего отпуска по основной работе был мой отец, а мать исполняла обязанности заведующей отделением. Поселок был с трех сторон ограничен реками – у подножья – мощной рекой Сурхоб (Красная Вода), несущей с собой размытый грунт красного цвета, от чего и получила такое название. Из-за бурного течения, переплыть ее без специальных приспособлений было невозможно. Раньше для переправы использовали надутые шкуры баранов, но, если бурдюк во время переправы сдувался, человека могло отнести на километров шестьдесят. Тут маленький

шанс выжить оставался только в том случае, если удавалось избежать многочисленных бурных водопадов и выступающих скал при недюжей силе сплавляющегося и невероятном везении. Справа по ущелью в Сурхоб впадала горная речушка под названием Сангикар – Оглохшие Камни - с таджикского. Речушка хоть и небольшая, местами сужающаяся до 3 – 4 метров, но удивительно шумная, что, по-видимому, и обусловило ее такое странное, но красивое название и несла неимоверной силы поток, который невозможно было перейти вброд – взрослого человека сбивало с ног, переворачивало как спичку и швыряло на камни. В периоды дождей река выходила из берегов, заполняла своей массой все ущелье и становилась неукротимой, о чем свидетельствуют разбросанные по ущелью огромные гранитные камни величиной с автобус, которые река умудряется передвигать во время половодья. Вода в Сангикаре чистейшая, с температурой в несколько градусов, так как подпитывается от таящих ледников, а при попытке напиться прямо из реки, от перепада температуры во рту было слышно легкое потрескивание зубов, нередко от холода сводило челюсть. Вода, ударяясь о камни с большой скоростью, распадалась на мельчайшие капельки, образуя взвесь, от чего вдыхать разряженный горный воздух, обогащенный ледниковой водой, было неимоверным наслаждением. Мальчишки оборудовали одну из заводей канатом, схватившись за который, можно было окунуться в ледяном потоке. Несмотря на прошедшие годы, я до сих пор помню это ощущение – как будто за мгновение все тело пронзили маленькими стрелами, ощущалась жуткая оторопь и восторг одновременно. Но окунаться в воду с температурой в несколько градусов, особенно в первый раз, надо было крайне осторожно – были случаи, когда у неадаптированных людей от перепада температур возникала остановка дыхания со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этой ледяной реке из рыб выживала только форель, достигающая в размере 30 – 40 сантиметров. Детвора с пеной у рта в один голос передавала байку о том, что в прошлом в зимний период местная форель доставлялась к столу русского "ампиратора". С учетом того, что в царское время на арбе (короткая тележка с огромными двухметровыми колесами, являющаяся единственным средством передвижения), до ближайшей железнодорожной станции можно было доехать дней за тридцать, то эти рассказы больше напоминают сказки. Есть и третья река, примыкающая к поселку – это река Сарбог, которая в два раза была шире Сангикара, но вода в ней была значительно теплее, поэтому помимо форели в ней водилась и маринка – это более крупная хищная рыба, достигающая в весе десяти и более килограмм. У маринки была особенность, незнание которой нередко приводило к трагедии – изнутри брюшко было покрыто черной пленкой и, если пренебречь ее удалением, отведавшего ее человека ждала мучительная смерть от отравления.

По прибытию в поселок меня пытались взять на «слабо» местная детвора. Ее представители предложили устроить ристалище с целью определить «кто в

доме хозяин». Хотя отец предупреждал меня, что конфликты надо разрешать мозгами, а не кулаками, уйти от драки путем переговоров в этот раз не удалось. «Выбор оружия» оставался за приезжим, т.е. за мной, поэтому из бокса и гуштингири (местная борьба с тряпичными поясами), выбрал последнюю. Мальчишки сняли подпоясанные платками чапаны (легкий стеганный халат без воротника). Оставшись в старых, но тщательно заштопанных футболках, по всей видимости, передаваемых по наследству, переподпоясались платками, один из которых повязали и мне. Боролся я не плохо, но после очередного положенного на лопатки боходура (богатыря по местному), тут же появлялся новый боходур, который заявлял, что для полной победы необходимо сразиться с братом побежденного. Когда же я узнал возраст моих соперников, которые были либо моего роста, либо ниже меня, то оказалось, что все они на два – три года меня старше. От обиды с трудом сдержал слезы, но конфликт разрешился, так как вышедшая мать, не поняв ситуации (а, может, и поняв), пригласила всех «воюющих» за стол отобедать. Зато после драки мои соперники стали мне закадычными друзьями, и, даже предлагали принять участие в решении конфликтов с другой махаллей (кварталом). Мать ребятишек часто пекла в домашнем тандыре (глиняная печь, армированная конским волосом для крепости в виде кувшина), на разогретых стенках которого готовили лепешки – «нон» - по-местному, самбусу, более известную в России как самсу – по узбекскому аналогу, мясо и множество других вкусоностей и угощала ими нашу семью. В свою очередь, мать готовила сдобу, которую местные не умели готовить, и охотно делилась ею с соседями. Такую вкусную лепешку как у соседки, я ел только раз. Это было на «большой земле» вскоре после пасхи, когда для поездки в цирк бабушка завернула мне куличи, на которые я уже не мог без слез смотреть. Куличи были с кишмишом, таяли во рту, но бабушек у меня было четыре, и все, как назло, великолепно пекли, поэтому на сдобу я смотреть уже не мог. Рядом со мной расположился поселковый парнишка, узбек по национальности. В руках он держал поясной платок, в который была положена большая свежеприготовленная лепешка. От лепешки шел такой аромат, что червячки в желудке срочно потребовали чем-либо заморить их. Пришлось доставать кулич и нехотя по маленькому кусочку ошипывать себе в рот. Во время этой процедуры краем глаза заметил, как сосед жадным взглядом следит за моими потугами отбить желание полакомиться лепешкой. Он с вожделием глядел на кулич, и, видимо тоже решил заморить голод изо дня в день поднадоевшей лепешкой. Кажется, светлая мысль в наши головы пришла параллельно, ибо мы одновременно произнесли одно и то же слово: - «Меняемся?». Ко мне перешла еще горячая лепешка, которую я смаковал почти целый час во время поездки на стареньком ПАЗике. Центр лепешки был утрамбован и покрыт узором, который делался специальной колотушкой с выбитым на ней рисунком. Поверх узора помещались зерна кунжута. Тандыр разогревался гузапойей (сухие хлопковые стебли, из которых,

кстати, китайцы делали изобретенный ими порох), дающей большое количество тепла и маленькую горсточку пепла, а само пропекание осуществлялось за счет тепла, идущего от раскаленных стенок тандыра.

Мать ребят знала сотни рецептов маленьких лепешек под названием «фатир», «кульча», средних и больших лепёшек, для которых применялась мука только первого сорта, ибо мука высшего сорта не удерживалась на стенках тандыра. Лепешки были и с творогом, и с яйцами, поштучно делались праздничные экземпляры с орнаментом и затейливыми узорами. Такие лепешки подвешивались на стене, и, говорят, не теряли своих вкусовых качеств годами. Оставленная в тени лепешка, через пару деньков высыхала, но не портилась, а приобретала новые качества - становилась сладковатой на вкус, а серединка ее хрустела как редкие в то время финские хлебцы. Говорят в настоящее время тандыры в Таджикистане сплошь и рядом обогреваются электричеством, я пробовал приготовленную таким образом лепешку – это жалкое подобие того хлеба из моего детства, вымешанного руками хозяйки по древним рецептам, передающимся из поколения в поколение и с применением «живого» огня!

Кто-то скажет, что в детстве «и трава была зеленее, и деревья были выше», но никто не оспорит тот факт, что пища, приготовленная материнскими руками, из настоящих продуктов, да на «живом» огне, не чета нынешним суррогатам, полуфабрикатам, субпродуктам и мясным кубикам. Поэтому тот "НОН" (хлеб по-русски), его аромат и вкус - вкус лепёшки моего детства, я сохранию на всю свою жизнь!

Часть 2. Дон Педро

В летний период большую часть времени детвора поселка Новабад проводила на речке, для чего нужно было по круче спуститься к заводям реки Сурхоб. Примерно на полпути из скалы бил мощный источник. Отношение к роднику у местных было почтительное, место возле родника всегда было опрятным и ухоженным. В мои обязанности входило ежедневно принести из родника домой три – четыре небольших ведерка кристально чистой и обжигающе - холодной удивительно вкусной воды. Возле реки было несколько «купалок» и детвора распределялась по ним с учетом возраста - малышня купалась в заводи помельче, где движения воды почти не было, поэтому она прогревалась достаточно быстро, а более старшие ребята купались в водовороте, образованном одним из рукавов основной реки.

Именно в таком месте, где речушка образовала крутой изгиб, я чуть не поплатился жизнью – мальчишки хвастались друг перед другом и предлагали, нырнув, переплыть рукав реки под водой, чтобы выбраться на небольшой песчаный островок, где можно было вволю без суеты позагорать на солнышке. Для местных ребят это было делом плевым, так как по стремнине

они плавали, чуть ли не с самого рождения, а я, хоть и умел плавать, но пока только «по-собачьи». Тем не менее, на предложение посоревноваться «кто быстрее», опрометчиво дал свое согласие. Нырнув же, и попав в стремительный поток, понял, что, чтобы с ним справиться, детских силенок и опыта мне явно не хватает. В доли секунды мое тельце понесло по притоку, который возвращался через метров двадцать в еще более бурный поток основного русла реки Сурхоб. Что было бы со мной после этого - и к гадалке не ходи...! Наглотавшись студеной воды, судорожно хватая ртом воздух и семена руками, я из последних сил пытался удержать голову над водой. Мне уже не слышны были ни крики ребят, ни шум реки, при этом в голове почему-то теснились две мысли, сменяя друг друга - что сейчас утону и что хорошо бы было оказаться в небе рядом с этой величавой птицей, которую увидел мельком высоко в небе при очередном всплывании. По всей видимости, я уже начал тонуть, так как наступило полное безразличие ко всему и пропало стремление сопротивляться, но тут внезапно ощутил над собой купол сетки. Сетка вначале потянула меня на дно, но вскоре довольно интенсивно начала подниматься вверх. Вцепившись в ромбики сети мертвой хваткой окоченевших пальцев, я был вытянут на берег, словно большая рыба!

На мою удачу на берегу находился местный рыбак Дядя Петя – огромного роста мужчина, прозванный моим отцом в шутку «Дон Педро»- по имени короля Кастилии, отличавшегося высоким ростом. Кличка прижилась, тем более что добродушный дядька с улыбкой, и, даже, с какой-то бравадой, откликался на нее. В тот для меня злополучный день дядя Петя в буквальном смысле поймал меня «накидкой» - круглой плетеной сетью диаметром под четыре метра с карманами для рыбы и увесистыми грузилами по периферии. При такой скорости реки, у него был единственный шанс метнуть в меня сеть и не промазать, и он использовал его сполна.

Дядя Петя помог мне, трясущемуся от страха и холода, выпутаться из кармана сетки и расцепить заиндевевшие скрюченные пальцы. После того, как я пришел в себя, дядя Петя поинтересовался - смогу ли я самостоятельно дойти до дома, и наказал не говорить об этом инциденте отцу и быть впредь с горной рекой предусмотрительней.

Этого дядьку нельзя было не слушаться – он был веселым балагуром и неутомимым рыбаком. Своего сына у него не было, поэтому с разрешения отца он неоднократно брал меня на рыбалку в качестве «Санчо Панса Новабадского» (тоже прозвище моего отца) - я таскал за ним холщовый мешок для рыбы и через подсобный труд познавал основы рыбалки. Он советовался со мной как с взрослым,- с какой стороны следует бросить сеть, следует ли отпускать форель маленького размера (в отличие от других рыб у отрогов Памира, у форели на чешуе имелась слизь, в случае повреждении которой рыба была уже нежизнеспособной), что повышало мой рейтинг среди детворы. Любимым видом ловли у моего рыбацкого покровителя была рыбалка руками.

Я обычно держал горящий факел, а пара - тройка взрослых мужчин в ночное время заходили по колено в воду чистой заводи, куда полакомиться мальками выплывала хищная рыба – та же самая форель и маринка, но иногда попадалась и более редкая для этих мест рыба - подус. Рыбак, а вернее охотник должен был зайти сзади ослепленной рыбыны и осторожно, сводя ладони, крепкой хваткой взять ее в руки.

Дон Педро не чурался и сети накидки, которая в то время еще не считалась браконьерской снастью. Он знал повадки местной рыбы до мельчайших подробностей, и при забрасывании сети, мог предсказать, сколько в этой заводи поймает и какой масти будет пойманная рыба. Наши семьи сдружились и часто совместно выезжали за километров десять от поселка на очередную, по мнению дяди Пети, эксклюзивную рыбалку. Он бредил мечтой поймать форель невероятных размеров (о гигантской форели среди местных ходили легенды), но раз за разом размер форели оставался стандартным – 30, ну, максимум 40 сантиметров, а вот маринка временами попадалась знатная.

Перед рыбалкой дядя Петя обязательно "пропускал" грамм сто "беленькой", причем делал это необычно, перекрестившись (он был крещеный татарин) и произнеся как заклинание: "Грехов- то немало!". За всю рыбалку он "принимал" только одну рюмку и больше к спиртному не притрагивался. После приема "рюмочки" морщинки на лице Дона Педро начинали разглаживаться, лицо приобретало какой – то отрешенно - благородный вид, но ненадолго. Достаточно было взять ему в руки сеть, как он входил в рыбачий азарт - глаза его начинали светиться, на лице появлялось выражение радости, щенячьего восторга, отмечалась несвойственная до этого гиперактивность. Он начинал носиться от притоки к притоке без усталости, как заведенный, швыряя накидку словно пёрышко. В такие моменты я еле поспевал за ним, подтягивая волоком иногда достаточно весомый мешок с пойманной добычей, оправдывая данную мне отцом шутиливую кличку. Принятая "доза" на скорости реакции дяди Пети никак не сказывалась, за исключением, может быть того, что он забывал остерегать меня от красивого, но ядовитого растения под названием «юган». Сам он был невосприимчив к нему, другим же людям достаточно было слегка задеть мягкий на ощупь кустик с каким - то непонятно по какой причине дьявольски притягательным видом, вызывающим желание потрогать его, как с листьев на тело абсолютно безболезненно попадали капельки ядовитого сока, который вызывал повышенную чувствительность кожи к солнечным лучам. Местные ребята называли юган шайтановым кустом - порождением злого духа иблиса (дьявола). Сразу после контакта с растением, ожог был незаметен и до утра следующего дня не давал о себе знать, но на утро человек просыпался с высоченной температурой, головной болью и крупными пузырями на коже. На третий - четвертый день пузыри вскрывались долго незаживающими язвами, а на коже в течение нескольких лет оставались черные кольца - последствия перенесенного солнечного ожога. Однажды две студентки с геологического

факультета, приехавшие на практику, решили заночевать на природе в палатке, а для ночлега нарвали «замечательных метелочек». Их удалось спасти только благодаря выпрошенному у пограничников вертолету. Один дядя Петя ходил, смело раздвигая кусты югана голыми ногами, и никогда не страдал от этого. Я тоже не избежал такого "плевка шайтана"- трижды получал ожоги, и после каждого из них в течение недели «зализывал» раны!

Любимым развлечением Дона Педро было отловить маринку килограмм на пять - восемь и последние метров двадцать пути взвалить ее мне на плечо. Я гордо заносил рыбину на место нашей стоянки, где все начинали дружно хвалить удачливого рыбака, отчего дядя Петя смущался, но похвала ему явно нравилась. Впрочем, часть почестей доставалась и мне, так как Дядя Петя, явно привирая, заявлял, что без меня никакой рыбалки бы не было! К моменту возвращения рыбаков, женщины уже хлопотали над костром и экзотической по тем временам переносной газовой плитой, под «охи» и «ахи» «мою» и остальную рыбу быстро разделявали.

Отловленную форель обжаривали в кипящем масле без муки по рецепту дяди Пети, отчего корочка ее становилась хрустящей, но, в то же время, мясо оставалось мягким и нежным внутри, а из маринки готовили тройную уху. В каньоне меж высоких гор, даже в самую жару сидеть было приятно и комфортно (за счет прохлады, исходящей от ледниковой реки), а уха и жареная форель, приправленные местными травами (в сезон можно было набрать желтого и красного барбариса, дикого чеснока, лука, а если повезет, то и зиры), казались невероятно вкусными!

Река величественно текла между скалами, свидетелями многих катаклизмов природы - периодически встречались разломы, с сошедшим селевым потоком, либо состоящие из нагромождения мегалитов в виде застывших гигантских каменных водопадов, являющихся следствием былых землетрясений. В таких местах меня так и подмывало подшутить над дядей Петей. Дело в том, что замечена такая особенность - взобравшийся по разлому, даже на небольшое расстояние человек, на фоне камней терялся из вида. Со стороны его было слышно, но не видно, что вызывало ощущение какой-то таинственности, нереальности. Сюрреализма добавляло и многократное раскатистое эхо, делающее диалог между собеседниками бессмысленным, ибо понять что-либо при нем становилось невозможно. Я шустро перелезил с одного камня на другой и уже в метрах двадцати Дядя Петя терял меня. Он как клушка, потерявшая цыплёнка, начинал носиться вдоль древнего камнепада, пытаясь отыскать меня, и успокаивался только тогда, когда я, наконец, попадал в его поле зрения.

Воспоминания о дяде Пете, или Доне Педро остались самые теплые. Великолепный рыбак и знаток рыбалки, он привил эту любовь и мне, и очень жаль, что вскоре после нашего отъезда, дядя Петя прославился на всю округу, но уже не как самый удачливый рыбак. Дело в том, что в осенний период на

Новабад случилось нашествие крыс. Эти твари заселились в дома, и, несмотря на всевозможные приманки и крысоловки, никак не хотели из них добровольно эвакуироваться. И тогда Дон Педро, как лидер всего нового и передового в городке, решился на отчаянный шаг. Он где-то услышал, что крысы панически боятся крика соплеменницы, и, если крыс сильно напугать, они сами покинут жилище. Для реализации задуманного, дядя Петя в присутствии нескольких соседей, пришедших по приглашению посмотреть на новый способ избавления от хвостатых бестий, отловил в доме крысу, привязал к ее хвосту тряпку, облитую солярой, поджог ее, и стал ожидать исхода крыс из жилища. Крыса действительно испугалась, заверещала, и, глотнув воздуха свободы, тут же юркнула в какую то норку. Через минут пять к радости дяди Пети и приглашенных соседей, из всех дыр роем полезли крысы и другая живность. Правда долго наслаждаться зрелищем не довелось, так как вскоре из подвала раздался подозрительный треск, потянуло гарью, а через пятнадцать минут дом сгорел дотла вместе с пристройками и многочисленной живностью.

Были в этой истории и два положительных момента - никто из домочадцев не пострадал, и, крысы тоже сгинули вместе с пожаром, все до одной, причем во всем поселке!

Часть 3. Асоев

По пыльной грунтовой дороге в старом потертом чапане шел сгорбленный еще молодой человек, который смотрел не по сторонам, а, как бы стыдясь чего то, только себе под ноги. Мои друзья из поселка, с которыми я играл в лянг (старинная караванная игра при помощи небольшого кусочка бараньей шкуры с грузом, которой при помощи ног совершались пируэты разной степени сложности с поэтическими названиями: «виси»; «люра»; «джанджа»; «джура»), воспитанные в духе уважения к старшим, к моему удивлению стали беззастенчиво тыкать пальцами в прохожего и что-то со смехом кричать. Из криков можно было разобрать только фамилию – «Асоев». На мои вопросы по поводу такого поведения по отношению к взрослому, мальчишки хватались за животы и только сбивчиво повторяли:- «Хирс, Хирс» - «медведь» по-таджикски. Взрослые на аналогичные вопросы только улыбались и предлагали поинтересоваться у самого Асоева.

Видимо, зная об интересе приезжих к его персоне, Асоев однажды сам как то постучал в калитку нашего временного жилища. По восточному обычаю встречать гостя, в том числе и незваного, у ворот не принято. Отец пригласил пришедшего мужчину на террасу, где на небольшой столик был постелен дастархан (расшитая узорами скатерть) с обязательной снедью – сухофрукты, комковой сахар – набот и печак – местные сладости из сахара и муки, сумолак – удивительная халва из пророщенной пшеницы, которая готовится несколько

суток, только женщинами по-семейному рецепту, передаваемому девочкам (в процессе такого общения происходит их своеобразная инициализация).

После того, как мать по просьбе отца принесла заварочный чайник, жестянку с заваркой зеленого «95» чая и кипяток, началась предварительная беседа, когда гость интересовался все ли в семействе хорошо, с перечислением по восточному обычаю как можно большего количества родственников, а отец вежливо отвечал по теме и делал «кайтар» - наливал несколько раз заваривающийся чай в пиалу, и тут же выливал его обратно в заварочный чайник (не менее трех раз) для лучшей заварки, после чего гость неторопливо начал свою беседу. «Вы, уважаемый, раис» - начальник по-таджикски, - «наверное, удивлены таким отношением ко мне, поэтому для исключения кривотолков, я сам пришел рассказать о моей беде. Я, как и большинство жителей поселка, родился здесь, в доме напротив. Так как я был младшим сыном, по нашим обычаям дом достался мне по наследству. Учеба давалась мне легко, поэтому в отличие от многих, я окончил десятилетку, после чего устроился санитаром в больницу (единственная доступная и престижная работа в поселке). Родители выбрали мне достойную невесту (в Таджикистане и Узбекистане жених и невеста до свадьбы могут быть даже незнакомы), родители намеками спрашивают жениха, как он относится к семейству Садыковых, а родители невесты задают ей такой же вопрос в отношении семейства Асоевых, и, если они ничего отрицательного не имеют против семейства, или конкретно против потенциального жениха и невесты, начинается восточное сватовство с подарками, прибаутками и песнями типа наших частушек, в которых обязательно включается припев:- «Ёр, ёр, ёроне» - «любимая, либо любимый в зависимости от того, чья сторона – женская, либо мужская поет очередную частушку», девушки на выданье при этом кокетливо отводят глаза, а застенчивые парни краснеют. Родители помогли собрать калым (в зависимости от достатка семьи и достоинств невесты, определяются размеры выкупа, перечень подарков, количество гостей с обеих сторон и степень участия в свадебном пиршестве). Свадьба, на которую по традиции приглашаются 200 – 300 человек из числа родни с обеих сторон и почетных граждан поселения, прошла на зависть хорошо, после чего, как результат, стали рождаться дети-погодки».

Начало повествования я застал на террасе, играясь с любимым псом. В начале, откровенно говоря, разговор не произвел на меня какого-либо впечатления, но, по мере развития беседы, я все больше и больше вжимался в стул, так как, выходявшая из дома мать, могла позвать меня спать, а пропустить конец заинтересовавшей меня беседы, я уже никак не мог. Отец, правда, пытался пристыдить меня, ведь я присутствовал при разговоре взрослых людей, который мог носить приватный характер, но гость остановил его, сказав, что ничего не имеет против моего присутствия. Я же впитывал услышанное как

губка, практически каждое его слово отекало в моем сознании, и теперь, позвольте привести его от третьего лица.

Уже через шесть лет совместной жизни Асоев имел любящую жену и пятерых детей (на востоке количество детей запрещено искусственно ограничивать, и, если раньше большое количество родившихся компенсировалось естественной убылью от болезней, то при Советской Власти благодаря организации здравоохранения, семьи из 12-18 детей не были уже редкостью). Асоев старался, как мог – помимо работы санитаром, завел скотину, благо в горах зелени было достаточно, да, к тому же, на лето животных на откорм перегоняли на альпийские луга (альпийские луга начинаются с 2000 м. над уровнем моря). Так вот, проблемы и начались из-за этих самых альпийских лугов. Дело в том, что любимая корова Асоева запомнила дорогу, и по осени, когда в поселке, расположенном на высоте 1300 метров, уже выпал снег, отбилась от стада и направилась, судя по следам, в высокогорье, где, по всей видимости, надеялась до отвала поесть зеленой травки. Такие фортели корова выкидывала не первый раз, даже возникала мысль зарезать ее на туй, посвященный обрезанию сына (по мусульманским законам у мальчиков в 3-6-летнем возрасте проводят обрезание крайней плоти с обязательной организацией праздника), но корова каждый год приносила приплод и давала до 8 литров молока в сутки, что по местным меркам было не плохим результатом. В процессе поисков, следы коровы привели к довольно крутой и узкой тропинке между скал.

При походе в горы, необходима помощь слуги – длинной гибкой палки, с которой, впрочем, было удобнее спускаться, чем подниматься. Пытаясь перескочить с одного камня на другой, для страховки Асоев старался опираться на слугу, но, все же, неловко поскользнулся на наледи, и кубарем покатился к подножию горы. В памяти осталось, как в потоке сходящего с гор снега пытался лавировать при помощи слуги, как несколько раз ударялся о камни и скальные выступы, пока не провалился в забытье...

Часть 4. Западня

Сколько времени после падения Асоев находился без сознания, можно было только догадываться. Пришел он в себя в кокон, который состоял из снега, камней, старой пожелтевшей травы и веток. Ощупав себя со всех сторон, обнаружил запекшуюся кровь на голове, несколько ссадин, сильную боль в левой руке и отсутствие шапки, которую, вероятно, потерял при падении. Все говорило о том, что падение спровоцировало схождение лавины, которая его изрядно потрепала, но и спасла, накрыв снежным одеялом и не дав замерзнуть в этом, не иначе как аллахом предусмотренном убежище. С трудом превозмогая боль в руке, Асоев начал двигать частями тела, сгребать ладонями рыхлый снег вниз и притаптывать его ногами, чтобы расчистить пространство и

попытаться высвободиться из снежного плена. Внезапно до Асоева донесся какой - то непонятный шорох и храп. Храп был как человеческий и Асоев подумал, что в ледяном плену оказался еще с кем то. Он громко крикнул восточное приветствие:- «Ассалому алейкум, бародар» - «Мир Вашему дому, брат», ибо женщина в такое время в таком месте могла оказаться, если она только не в здравом уме, впрочем, и мужику в здравом уме здесь было делать нечего.

После крика на короткое время храп прекратился, послышалось какое - то мычание - «...уж не корова ли», - подумал Асоев, но храп вскоре возобновился. Несмотря на работу, все тело содрогалось от холода. Ватный стёганный халат (чапан), в который он был одет, местами пропитался водой и кровью и отдавал неприятным холодком, к тому же левый рукав был изорван вдоль всей руки, висел лоскутами, и тоже не добавлял тепла. Асоев стал вести подкоп в сторону возобновившегося храпа. Приминяя снег, удалось сделать лаз в нужном направлении. Работа продвигалась медленно, но спустя часа два, рука провалилась в пустоту, из которой повеяло теплом и одновременно неимоверной вонью. «Так должен пахнуть шайтан» - подумал Асоев. От неизвестности и животного страха, по телу прошел холодок, появилось желание закидать отверстие снегом от греха подальше, но свое дело сделали холод, голод и усилившаяся от работы боль в левой руке. Для придания себе хоть какой-то уверенности, Асоев потрогал поясной нож – «корд», который, к счастью, оказался на месте. Эти ножи, сделанные из черной мягкой стали с нарезной ручкой и клеймом мастера, являлись обязательным атрибутом любого повара, либо охотника. Достаточно было пары движений затупившимся ножом по выделанной коже – правиле, чтобы можно было на лету пересечь человеческий волос, порезать огурцы, лук, либо помидоры (хорошая хозяйка делает это одной рукой, ловкими движениями, строча как из пулемёта), этими же ножами, при крайней необходимости и умении, можно было забивать скотину, выделывать шкуры. На всякий случай нож был вынут из ножен. Проведя кожей большого пальца по острию и почувствовав на ощупь тонкую борозду от пореза, Асоев определил, что нож находится в должной кондиции.

Еще минут сорок понадобилось, чтобы тело протиснулось в лаз. Переместившись в новую яму, Асоев с облегчением увидел тусклый свет, идущий из отверстия неправильной формы, откуда - то сверху. Луч света терялся где - то на полпути, но после полной темноты, он казался слепящее - ярким, как луч прожектора передвижной киноустановки, по воскресным дням приезжавшей из районного центра для показа агитационных фильмов. Закрыв на минуту глаза, чтобы отвыкнуть от света, Асоев стал осматриваться вокруг. Вскоре стало ясно, что поток снежной лавины занес его в небольшую узкую пещеру. Сверху над головой под довольно сильным уклоном нависала огромная скала, которая сливалась с плитой в основании, а справа

пространство запирала каменная глыба, к которой примыкала масса, оставшаяся от лавины. Снег, перемешанный с камнями и частоколом переломанных как в гигантской мясорубке веток, являлся непреодолимой преградой. Асоев вдруг осознал, что он, весь оборванный, голодный и замерзший, да, по всей видимости, еще и с вывихнутой рукой, находится в каменном плену, надежда на выход из которого маячила где то впереди в виде тусклого света.

Держась за сходящийся свод, Асоев побрел на свет, но, подойдя поближе, оторопел – непосредственно у отверстия, из которого лился свет, он увидел морду медведя. Морда была огромной, с большим количеством шрамов, что выдавало бывшего разбойника. Медведь лежал, свернувшись комом, медленно дышал, и в такт его дыханию оттопыривалась, пострадавшая от праведных битв губа, вызывая храп, который Асоев принял за человеческий. Приглядевшись внимательнее, Асоев заметил, что приобняв медведя, сзади к нему пристроилась медведица, и, если бы не ситуация, могла бы вызвать умиление почти человеческая любовная сценка. Обычно медведицы зимуют с потомством отдельно от медведя, и лишь в том случае, когда медведица в силу тех, либо иных причин не понесла, она может уйти в зимовку вместе с медведем. По всей видимости, ялая (бесплодная)- промелькнуло в мозгу Асоева.

Вокруг животных были разбросаны пучки старой травы с кусками глины, из чего он сделал заключение, что лавиной была частично разрушена медвежья берлога, а звери при этом не пострадали и продолжали благополучно спать. С учетом того, что морда медведя находилась у самого отверстия, проделать здесь лаз не было никакой возможности. Достаточно было одного неосторожного движения, чтобы медведь проснулся. Он содрогнулся от одной мысли о том, что могло случиться после пробуждения зверя!

Асоев попытался было соорудить себе постель из травы, но спать в мокрой одежде было крайне неудобно. По всей видимости, от переохлаждения началась лихорадка. В полудремоте Асоев помнил, как начал, почему то раздеваться, а затем наступил провал. Проснувшись, Асоев ощутил вокруг себя тепло, «Слава аллаху» - подумал он, что это только сон! Подумалось также, что надо попросить жену дать ему чего-нибудь поесть, он согласен даже на сухую лепешку. Еще пришла мысль, что необходимо устроить ритуальный плов на харам (грех, с арабского) для соседей, чтобы такой нехороший сон (по преданиям все плохие сны нашептываются шайтаном в левое ухо, но не всем, а только тем, у кого имеются грешки), не дай Бог, не воплотился в жизнь. В полудреме, испытывая приятное расслабление под удивительно теплой курпачой (одеялом), Асоев попробовал потянуться, но на щеке вдруг ощутил дурно пахнущую слизь и сильную боль в левой руке. Сон в мгновения ока рассеялся. Оглядевшись по сторонам, Асоев понял, что находится между двумя

медведями, почти голый, но согретый телами животных. Пахло зверем, к тому же из пасти медведицы на его лицо капала слюна.

Асоев осторожно приподнял лапу медведицы и выскочил из-под туши на холод. Он долго наощупь искал свои вещи, но найдя их, одеть не решился – они оставались сырыми и холодными. С чапаном повезло больше – обшарив всю пещеру, он нашел его, наброшенным на медведицу. За время его сна на теле зверя чапан согрелся и почти высох, укутавшись в него, Асоев попытался осмыслить ситуацию. Первое, подумал он – это не сон, второе – высвободиться никакой возможности нет, он в плену, и третье – очень сильно хочется есть.

Поковырявшись ножом возле стыка плит, где имелась небольшая прослойка земли, Асоев откопал несколько корешков и двух земляных червяков. Мысль съесть червей, сразу отпала, ибо это была явно не халяльная (разрешенная) пища, пришлось отпустить их в расщелину, зато корешки были тщательно пережеваны и съедены. В почти бесплодных метаниях по пещере прошел весь день. Как только свет в отверстии стал тускнеть, Асоев разложил сырые вещи на медведях и начал готовить себе ночное ложе, для чего пришлось вновь побеспокоить медведицу, которая, поворчав во сне, вновь позволила приподнять обвисшую, но не на шутку тяжелую лапу, и, как бы закутаться в мягкую и теплую шерсть на брюхе. Тугие складки, накопленного за лето жира позволили комфортно устроиться под медведицей. Если бы не опыт предыдущей ночи, Асоев никогда бы не полез под спящую медведицу, так как, глядя на ее тушу со стороны, упорно лезли в голову мысли о реальной возможности быть раздавленным при любом ее неосторожном движении, к тому же медведица, по всей видимости, видела сны, так как периодически ее тело напрягалось, когти на лапах выпрямлялись и превращались в грозное оружие. Достаточно было двинуть ими по телу, чтобы от Асоева осталось одно мокрое место и теплые воспоминания, но медведица «лапы не распускала», соблюдая во сне правила приличия, возможно, отработанные медвежьей породой за тысячи лет совместных зимовок.

Дополнительное неудобство доставляли блохи, которые мириадами норовили влезть в рот и нос. Асоев подумал, и испугался своей мысли - «А вдруг я чихну, как отреагируют на это медведи?», но усталость взяла свое, и Асоев забылся продолжительным сном, в котором вновь оказался дома в окружении любимой жены и детишек.

Часть 5 Мыслить как зверь

Пошли четвертые сутки, как Асоев оказался погребенным лавиной в медвежьей берлоге. Все мысли в голове были сконцентрированы на еде, постоянный голод не давал возможности о чем-либо думать. Асоев ходил как привидение, урывками засыпал, но вскоре вновь просыпался с одной мыслью - как утолить голод. Он уже сожалел о том, что так непредусмотрительно

отпустил червей...! Силы начали потихоньку таять, появился звон в ушах, временами двоилось в глазах.

Воспаленный ум искал выход из положения, но выхода не было. Под утро созрело решение: - «Или я, или медведи, по крайней мере, один из них!» Действуя больше импульсивно, чем продуманно, Асоев осмотрел нож. Он был хорошо заточен, и можно было бы попытаться разделаться с одним из животных, однако сделать это нужно одним движением, да так, чтобы второе животное при этом не проснулось. С учетом того, что медведи лежали, прислонившись друг к другу вплотную, сделать это было практически невозможно. Помимо этого, убить животное ради еды Асоева сдерживали два обстоятельства. Во- первых, согласно Корану, есть хищных животных является большим грехом, во-вторых, по - местному поверью, медведь - это человек, который много веков назад рассорился с обществом и ушел от обиды в горы, оборудовал себе берлогу, затем украл из кишлака женщину, от их брака и пошли медведи - хирсы. Поэтому местные никогда не охотились на медведя, а, если случайно приходилось убивать животное, его никогда не ели – это Большой Харам, от которого ритуальным обедом для бедных не отделаешься!

От отчаяния и невероятного голода, Асоев готов был рискнуть. Он несколько раз подходил к животным, примерял оружие, но неизменно отступал, и это начинало напоминать навязчивость. Попытавшись подойти в очередной раз к животным, он обо что-то споткнулся и услышал рычание. Рычание исходило не от медведя, но и не от медведицы. Асоев подумал, что сходит с ума, ущипнул себя, но рычание не прекратилось, оно было тихим, напоминало рычание кутенка, и исходило откуда- то снизу. Опустившись на колени, Асоев увидел, а вернее определил на ощупь маленького медвежонка килограммов на пять, который, скорее всего, выкатился из-под медведя и слепо тыкаясь носом и одновременно порывая, пытался вернуться под него обратно. Тут Асоева осенило – то животное, которое он принял за медведя, вовсе не медведь, а медведица, но очень крупного размера. Меньшее животное, которое он принял за медведицу и под брюхом которого он согревался все это время – это крупный двух, либо трехлетний медвежонок, а маленькая особь – это медвежонок, родившийся недели три назад.

Асоев погладил малыша, тот интуитивно ткнулся носом в ладонь, от чего на ней обозначилось мокрое пятно. Почувствовав влагу на ладони и поднеся её к лицу, Асоев ощутил запах свежего молока! В дальнейшем он уже действовал как в трансе - оставался какой - то коридор в сознании, который помимо воли и зашитых в подсознании охранных рефлексов, двигал его тело в сторону утоления голода. Асоев кинулся в подбрюшье медведице, по запаху отыскал сосок и начал с жадностью сосать его, несмотря на кисловатый запах, оставшийся от не очень опрятного предыдущего кормления. Сосал он до тех пор, пока не заиндевело нёбо, и медведица коленями не стала отталкивать его. Только теперь Асоев сообразил, что напал на «золотую жилу», но

злоупотреблять милостью Аллаха нельзя - как поучал мудрец Лукман своего сына: «Соизмеряй шаг свой и голос свой, ибо самый громкий голос у осла!», тем более от переедания (высосал он не более стакана молока, но довольно жирного и сытного, что на первый раз было больше, чем достаточно), началась отрыжка, которая, впрочем, быстро прекратилась. Асоев сидел обалдевший, и, какой-то восторженный и просветленный, с трудом осозная, что выход из положения, хоть и призрачный, но, все же нашелся.

К этому времени медвежонок видимо от голода и холода начал повизгивать. Боясь пробуждения медведицы, либо ее старшего отпрыска, Асоев быстро нащупал второй сосок (обычно их бывает от двух – до шести) и подтолкнул к нему голову медвежонка. Тот от наслаждения зачавкал и быстро затих, согревшись в теплой шерсти матери. Постепенно звон в ушах начал затихать, пока окончательно не прекратился. Тема голода перестала быть всеобъемлющей, и Асоев почувствовал, что, несмотря на то, что, судя по отверстию из берлоги, наступило утро, ему мучительно хочется спать. Проспал он часов десять. Дальнейшая жизнь в берлоге сводилась к чередованию для питания сосков медведицы. Медвежонок Асоев подкладывал под ту грудь, которая была менее развита. Буквально два – три кормления, и эту грудь уже было не отличить от остальных. Асоев взял за правило – за раз опустошать не более одной из четырех грудей.

Дни тянулись за днями, постепенно то, что казалось невероятным, входило в привычку - Асоев как заправский медвежонок протискивался на ночь между хозяевами берлоги, и засыпал, свернувшись калачиком. Страх он уже никакого не испытывал, и, если было некомфортно (иногда довольно ощутимо подмерзала нога, или рука, выпавшая за пределы "тесной компании"), поработав локтями, он мог довольно бесцеремонно потеснить своих сожителей. Молочный брат - медвежонок заметно подрос, но досаждал Асоеву мало – он, как и мать, находился в состоянии спячки.

Несмотря на частичное решение проблем с бытом, Асоев продолжал терять в весе – молока хронически не хватало, так как вырабатывалось оно за счет накопленных запасов медведицы и, хотя и рассчитано на кормление до четверых медвежат, но никак не на поддержание взрослого, да, к тому же, бодрствующего человека. Асоев потерял счет дней пребывания в пещере, но судя по обвисшим складкам кожи медведицы, счет шел на месяцы.

Темные капли конденсата воды скапливались на неровностях каменного свода и периодически шлепались с шумом на каменное основание. Нередко крупная холодная капля попадала за вырез чапана, вызывая кратковременную оторопь и негодование. Судя по учащению капли, Асоев понял, что приближается долгожданная оттепель и надежда на возможность выбраться из западни. В пещере было душно и холодно и только возле морды медведицы можно было вдохнуть глоток свежего воздуха. Для того чтобы не разучиться ходить, Асоев в полусогнутом состоянии, ибо во весь рост встать не позволял

низкий «потолок», делал четыре шажка по свободной от медведей территории пещеры в одну сторону, после чего разворачивался и шел обратно, где старался дышать чаще, глотая более свежий воздух. Иногда, когда от неудобного положения сводило спину, он передвигался на четвереньках. Таким образом, в общей сложности он делал до ста поворотов – на большее количество решиться не позволяла усталость и усиливающаяся боль в левой руке, объем движений в которой, с каждым днем уменьшался все сильнее и сильнее. Асоев постепенно «сжился» с медведями, он как бы стал членом их сообщества, из-за чего его стали посещать дурные мысли о том, что от такой жизни он превращается в зверя ХИРСА, как некогда первый «человекомедведь». Неоднократно возникали состояния, когда Асоев с ужасом думал о том, что он уже мыслит как зверь – его интересы сократились до утоления голода и создания комфортных условий для спячки, именно «спячки», т.к. в дремотном состоянии, как и медведи, он находился большую часть времени. Вдобавок, он перестал во снах видеть жену и детей, все чаще ему стали сниться сны, где он на солнечной зеленой поляне, фразивоно заигрывая, прогуливается вместе с молодой медведицей... Асоев успокаивал себя тем, что в периоды бодрствования, «светлые» мысли о семье, любимой жене, детях, отгоняли «тёмные», навеянные, несомненно, шайтаном. По крайней мере, пока отгоняли...!

Часть 6 Возвращение

День ото дня увеличивающееся отверстие над мордой медведицы, свидетельствовало о начинающейся оттепели, в связи с чем, Асоев решил покинуть берлогу до того, как ее обитатели выйдут из спячки. Дождавшись, когда отверстие стало соизмеримым с толщиной его истощенного тела, Асоев окончательно решился на побег. Он в последний раз оглядел своё невольное пристанище, попрощался с заметно подросшим "молочным братом", погладив его, от чего медвежонок удовлетворенно зачмокал губами, затем отковырял ножом несколько крупных камней, сложил из них и снега горку перед носом медведицы, снял чапан, протиснул его в отверстие, и, только после этого, полез сам. К большому удивлению и радости Асоева после нескольких движений ногами и здоровой рукой, он вывалился из отверстия на уже начавший таять снег. Яркий солнечный свет слепил глаза и достаточно долго не давал осмотреться. Еще слезящимся взглядом Асоев, наконец, рассмотрел простирающееся под ним горное ущелье, которое спускалось к поселению. Сквозь дымку тумана были видны сверху казавшиеся игрушечными домики. Звуков как в немом кино не было слышно, но Асоев живо представил себе крики животных, а самое главное – запах пищи, отчего под ложечкой неприятно засосало.

Только теперь Асоев задумался – а как, собственно, он одолеет шесть километров до поселка, т.к. переночевать под открытым небом без тепла медведицы, было смерти подобно. Помогла смекалка - он просто сел, так как стоя держать равновесие был не в состоянии, оттолкнулся, и поехал на пятой точке как на санках вниз, помогая себе как рулем, подвернувшейся веткой орешины. Местами пешком, а где - скользя с горки, удалось довольно быстро добраться до «сангимазора» (каменная могила – тадж.) – огромного валуна величиной с двухэтажный дом, который когда то принесло стихией. По всей видимости, гранитную махину оторвало высоко в горах, пронесло не одну сотню метров по ущелью, обтесывая углы и неровности, пока ее не вынесло уже почти шаровидную на равнину в устье Сангикара. Последней преградой для теряющего инерцию камня, оказался сложенный из бутового камня крайний дом кишлака, который в аккурат стал местом его последнего пристанища, подмяв под себя целое семейство. Когда это произошло, точно никто сказать не может, но каждый житель знает, строить жилище выше этого камня, что гневить провидение, а это - неблагоприятное дело! Со временем скала обросла фиштакковыми деревьями, получив второе название - «пистамазор». К ней, как к священному месту стекались паломники, оставлявшие цветные тряпицы с узелками, при завязывании которых, как следовало из предания, сбывалось подавляющее число чаяний. Ленты были видны издалека, они, как и листва отклонялись в такт дуновению ветра, создавая ощущение какого - то внеземного райского уголка. Решил оставить свой узелок и Асоев, правда, в отличие от цветных, оставленных другими страждущими, он повязал узелок черного цвета (на Востоке черный цвет не является цветом траура, здесь таковым является белый цвет- цвет савана) – все, что смог оторвать от превратившегося в лохмотья рукава чапана, попросив у провидения здоровья и благополучия.

Превозмогая боль и усталость, Асоев направился в сторону своего дома. Каждый шаг от истощения давался с трудом, ноги подкашивались, поэтому после каждых десяти шагов Асоев останавливался, чтобы отдышаться. Прохожие, увидев его, а большей частью почуяв издалека, казалось – бы, пропитавший каждую клеточку его тела звериный запах, шарахались в сторону, демонстративно закрывали носы ладонями, а кое - кто кричал ему вслед, что надо не гневить Аллаха, а хотя бы раз в месяц делать омовение своего тела и стричь отросшие грязные лохмы. Где то на полпути, Асоев услышал громкий призывной глас «карнаев» (длинные двухметровые дудки, которые, резонируя под управлением опытного карнайщика, издают один единственный звук типа гудка парохода, который слышен на многие километры и является призывом к какому - то серьезному торжеству). Карнайщики почти синхронно поднимали дудки вверх, по очереди издавали звуки разных тональностей, после чего плавно опускали их раструбами на плечи помощников – карнай старинное и дорогое удовольствие, поэтому за их сохранностью глядели в оба ока! Асоев

заметил, что торжество намечается возле ворот агронома — дальнего родственника и уважаемого человека, «раиса». У него при родах умерла жена, по всей видимости, агроном решил вновь жениться. «И то верно, без жены крепкому и молодому человеку никак нельзя, пусть ему повезет с новой женой!» - подумал Асоев. Из открытых ворот повеяло запахом готовящегося плова, явно заправленного достаточной дозой зеры. Аромат свежей пищи чуть не лишил изголодавшегося человека рассудка. Асоев увидел как ошাকাши (мастер плова— непременно мужчина, так как женщины допускаются только до приготовления ингредиентов — настругать мелко моркови, нарезать тонкими ломтиками кольца репчатого лука и помидоров для приготовления пловного салата — шакароба, а сам праздничный плов — дело не женское) ловко орудует возле двухметрового в диаметре казана, поджаривая баранье мясо для приготовления первого этапа плова — зервака.

У всех овощей на Востоке имеются свои местные персидские, либо тюркские названия, за исключением помидора, картошки и капусты - у этих овощей названия были русскими, так как завезены они были в XVIII веке при присоединении ханств под российский протекторат, но привыкал к ним народ с трудом. В свое время в России, когда Петром Первым была завезена картошка и крестьян в массовом порядке заставили сажать ее, а потом есть, отравилось огромное количество народа, так как никто не удосужился объяснить, что есть надо не семена, а клубни. По этой причине в России возникали «картофельные» бунты, а в Средней Азии, или как ее теперь называют Передней Азии, возникали, подогреваемые англичанами и турками капустные бунты - «Русские хотят нас заставить, как животных есть траву!». Старожилы рассказывали, что подогретый извне настрой был такой, что если из занесенных семян на поле возле дома случайно выросал помидорный куст, он вызывал ощущение брезгливости, его обходили стороной. Но, если кто-либо из семьи, упаси Бог, наступал на плод и давил помидор, от отвращения настроение портилось на целый день - "уж лучше - б я в дерьмо наступил!" К приходу Советской Власти, эти три овоща стали уже настолько обыденными, что большинство населения считало их исконно своими продуктами, удивляясь, правда, их русским названиям.

Говорят, что плов — это изобретение Александра Македонского, который попробовал рис в этих краях и применил его для блюда, которое удовлетворило все необходимые для похода потребности, а именно,- было сытным, вкусным, нехитрым и быстрым в приготовлении. Ингредиенты для плова (баранина, а значит и курдючное сало, рис) всегда можно было приобрести у сопровождающих войско маркитантов. О том, что Македонский был в этих краях, свидетельствует название озера Искандеркуль (горное озеро в Таджикистане на северных склонах Гиссарского хребта в Фанских горах). Согласно преданию, за лояльное отношение, Александр потребовал контрибуцию — золотого коня в полный рост, которого должны были

переправить по озеру у подножья горы под названием Кырк-Шайтан (Сорок Чертей, естественно, в тот период оно имело другое, не тюркское название). Но во время переправы, плот не выдержал нагрузки, и на глазах полководца, конь пропал в пучине бездонного озера, названного в последующем его именем (Александр по - персидски – Искандар). Вопрос о том, зачем нужно было переправлять коня по озеру на высоте 2000 метров над уровнем моря, и не проще ли было перевезти его по суше, не поднимаясь так высоко, зависает в воздухе. Тем не менее, Искандеркуль, действительно, озеро уникальное, оно образовалось в результате обвала, перегородившего несколько ледниковых рек. Глубина озера достигает 72 метров, вода в нем никогда не замерзает, и ни одна рыба в нем не водится. Местные же говорят, что озеро бездонное и открывается с другой стороны Земли каким - то озером в Америке. Более реальным и исторически подтвержденным фактом присутствия Македонского на этих территориях, является его первая супруга - Роксана - дочь бактрийского князя (бактры – одни из предков таджиков). Вместе со своим отцом, который возглавлял оборону крепости "Скала", Роксана, а тогда еще 14-летняя Роушанак, попала в плен к Александру, который с первого взгляда влюбился, и немедленно решил жениться, причем сочетался браком по обычаю огнепоклонников. По другим источникам, Роксана была дочерью властителя Согдианы со столицей в Мараканде (современный Самарканд). Одновременно с Македонским на местных красавицах женилось около тысячи его воинов (в основном персов по происхождению из покоренной до этого страны), которые внесли свою толику в становление таджикского языка. На завоеванной территории греки основали греко-бактрийское царство, не поменяв при этом религию (бактры исповедовали в тот период буддизм), которое просуществовало около 100 лет. Среди части памирцев (горные таджики, удивительно внешне похожи на европейцев) бытует мнение, что они являются потомками воинов Александра Македонского - имея обузу в виде раненых, Александр распорядился от жары подальше разместить их в горных селениях Памира и Гиндукуша. Отдохнув здесь полтора года, Александр двинулся через территорию современного Афганистана и Пакистана в Индию. По преданию какая - то часть греков (в те времена голубоглазых и светловолосых) так и осела в этих местах.

Асоев оставил мысль добраться до дома – от истощения количество шагов от отдыха до отдыха уменьшалось с катастрофической быстротой, тем более что поесть можно и на свадьбе, хоть и дальнего, но все же родственника. Направившись к воротам, он рассчитывал на радушный прием, ну, может быть, не на самом почетном месте напротив входа, хотя бы где то сбоку от виновников торжества, но два бравых молодых и незнакомых ему человека живо прервали его попытку пройти подальше к заветным почетным местам, предоставив ему место возле ворот. Наплевав на этикет, Асоев решил поесть, где придется, и, только потом высказать свою обиду.

На импровизированной площадке лучший певец Гармского района затянул свадебную песню, из чего Асоев сделал заключение, что во - первых, он действительно, попал на свадьбу, а во - вторых, свадьба достаточно крутая, и, в - третьих, коль празднуют у жениха, то обряд венчания и оформление в Загсе уже совершены. Певцу аккомпанировал на дутаре (музыкальный инструмент типа небольшой балалайки с резонатором в виде разрезанной груши) сосед Асоева, двое поселковых помогали ему на дойрах – таджикских бубнах.

Внезапно дутарист прекратил свою игру, уставившись на Асоева, вслед за ним, проследив за его взглядом, прекратили игру на дойрах два других музыканта. Они стояли как три истукана с открытыми ртами. Асоева это позабавило, для хохмы он с вымученной улыбкой на лице, помахал им рукой. Певец по инерции пропел еще пару куплетов задорной свадебной песни, после чего непонимающе уставился на не поддерживавших его музыкантов. Во дворе воцарилась «мертвая» тишина, все взоры присутствующих постепенно сконцентрировались на обросшем Асоеве. Люди перешептывались между собой, кивали головами в его сторону, на их лицах было одновременно удивленное и растерянное выражение. Асоев с трудом встал, поднял руку и обратился осипшим голосом к присутствующим: «Дорогие друзья, здравствуйте, я – действительно, Даниёр Асоев! Я не хочу прерывать Ваше веселье, все объясню Вам потом, дайте мне поесть, и, продолжайте веселиться!». Он рассчитывал, что после его, пусть не зажигательной, но внятной речи (хотя слова после многих дней молчания давались ему с большим трудом), веселье продолжится, но этого не произошло. С центра торжества раздался женский крик, гости вскочили, многие из них торопливо направились к выходу. Впечатление было такое, как будто объявили начало войны. После короткого совещания со стола почетных гостей поднялись старейшины, которые подошли к Асоеву и предложили выйти ему со двора. Асоев запротестовал, сославшись на то, что ничего плохого он не совершал, что обессилел и смертельно хочет есть, а каноны гостеприимства требуют, что, несмотря на затрапезный вид и запах, ему обязаны предоставить возможность поесть! Те двое молодых людей, которые посадили его, быстренько организовали дастархан, в который был завернута лепешка, плов, и несколько кусочков тандырной говядины с зеленью, после чего подхватили почти невесомое тело Асоева и отнесли в соседний двор. Старейшины терпеливо ждали, пока он насытится, и, только после этого начали свой разговор. Асоев узнал, что после его пропажи был организован поиск. Поисковой экспедицией был обнаружен сход лавины, при обследовании которой была найдена сломанная слега с меткой, вырезанной Асоевым (ее опознал старший сын) и часть рукава от чапана со следами крови. С учетом того, что Асоев не объявился в течение трех месяцев, он был признан пропавшим без вести. Доказательством его смерти были признаны его отсутствие, сломанная слега и

часть чапана со следами крови. «Так я что, официально умерший»- спросил Асоев, старейшины дружно закивали головами. Это сценка развеселила Асоева. Он сыто потянулся, допивая зеленый чай, обильно сдобренный куском кристаллического сахара «набота», и с улыбкой сказал - «а теперь, уважаемые, объясните моё такое бесцеремонное выдворение».

Часть 7. Уж лучше бы...

В Таджикистане век вдовы недолог (в хорошем смысле этого слова) – хозяйство и живность требуют мужской хозяйской руки, к тому же калым (выкуп за невесту родителям) на порядок уменьшается, либо носит символический характер, да и детишки нуждаются в отцовском покровительстве. Кроме того, вдова вступает в брак не с пустыми руками, а с домом и хозяйством, оставшимися в наследство от покойного мужа. Поэтому «вдова» Асоева, зарекомендовавшая себя хорошей хозяйкой, несмотря на пятерых детей, в рейтинге потенциальных невест городка оказалась на первом месте. Старейшины рассказали, что агроном, став вдовцом, посватался к Асоевой, тем более, что официальные власти дали «добро» на этот брак, признав Асоева погибшим.

Только теперь Асоев с ужасом осознал, что побывал на свадьбе собственной жены! В голове доминировала одна мысль - «уж лучше бы меня безвозвратно накрыло лавиной...!» Дальнейшие события он помнит с трудом, пришел в себя только когда оказался в своем доме. Возле него хлопотала старшая сестра, которая пыталась накормить его лепешкой, густо намазанной каймаком (жирные сливки), предлагала наваристую шурпу (овощной суп с мясом) и блюдо с вареным машем – лучшим средством для поднятия сил истощенного организма.

В ходе беседы, сестра сообщила, что агроном посватался к его жене, соблюдая все правила приличия, выдержав необходимое время. Женитьбу поддержали все родственники, так как в его смерти ни у кого сомнений не было. Накануне прошел обряд бракосочетания, и теперь его жена и агроном являются законными мужем и женой. «А я тогда кто?» - задал осипшим голосом вопрос Асоев, на что сестра неуверенно повела плечами.... Случилось то, что случилось, и Асоев почувствовал себя выброшенным на обочину дороги. В какой - то мере ситуацию разрядили старейшины, которые ради соблюдения мира и спокойствия в поселке, предложили Асоеву расторгнуть брак путем трехкратного произнесения слова «талок». По мусульманским законам мужчине достаточно сказать 3 раза «талок», чтобы дать развод жене. Женщина также имеет право развестись с супругом в случае невыполнения им его прямых супружеских обязанностей на протяжении длительного времени, или отсутствия его без причины. Второй вариант больно бы ударил по самолюбию Асоева, поэтому ему было предложено самому прилюдно сказать трижды это заветное слово. Жену привели в дом Асоева, вернее теперь уже в прошлом их общий дом, она тихо и смиренно сидела в углу комнаты, спрятав глаза под

чадрой, которую не одевала со дня их совместной свадьбы, и ожидала развода с ранее любимым супругом. Асоев в присутствии свидетелей - нескольких старейшин, еле слышно смог выдать из себя это слово трижды. Было видно, как при каждом произнесении слова «талок» уже теперь бывшая жена вздрагивала и трижды смахивала под чадрой набежавшую слезу, и с рыданием выскочила из комнаты после подтверждения старейшинами окончания процедуры развода.

Детей было решено пока оставить у матери с отчимом – до момента, когда Асоев сможет встать на ноги, и обеспечить семью, но перспективы эти были призрачными. В связи со «смертью» он был уволен с работы, на его место был устроен другой "живой" человек, к тому же застарелый вывих левого плеча сделал его инвалидом – движения рукой были ограничены, а попытка поднять руку, вызывала острую боль. Асоеву требовалось лечение. Обращение в травматологическое отделение центральной районной больницы ситуации не разрешило – травматолог предложил ехать для оперативного лечения в Душанбе, на что у Асоева не было ни средств, ни возможности, тем более, что каких - либо гарантий на выздоровление после оперативного вмешательства, врач не давал. Несмотря на помощь близких, выхода из ситуации Асоев не видел. Поселковые над ним откровенно посмеивались, от чего его все чаще стали посещать "плохие" мысли, он впал в состояние на грани физического и психического срыва. Асоев ничем не мог заниматься, целыми днями он лежал на кушетке, забросив живность и дом, порядок в котором поддерживался сестрой и приходящей старшей дочкой. Не умереть Асоеву помог случай – один из дальних родственников, навестивших Асоева, рассказал, что в памирском селении есть лекарь – табиб, который уже вылечил огромное количество людей. Народ к нему идет и идет со всех сторон, так, как он берется и помогает в, казалось – бы, безнадежных случаях. Однако, нрав у лекаря крутой, и лечить он берется не каждого и выбирает пациента, пристально посмотрев тому в глаза, и, если отказал, ни за какие посулы и угрозы лечить этого человека не будет. Ответ на такие просьбы один: "Человек с черной душой должен лечиться у черных сил!". Этот рассказ буквально поднял Асоева с постели, ибо в который раз сквозь полную мглу он увидел лучик солнца, который давал надежду, надежду на выживание, надежду на providение - должно же и ему когда то повезти!?

Родственники были обрадованы переменами, произошедшими с Асоевым - большие глаза на истощенном лице светились надеждой, вновь появился аппетит. Сборы в дорогу были недолгими. Асоева снабдили деньгами, которые собрали родственники и после прощания с детьми, он пешим ходом направился в сторону Хорога, недалеко от которого в маленьком высокогорном кишлаке и проживал целитель.

Часть 8. Памирцы

Гигантская ночная бабочка с резными крыльями величиной с раскрытую ладонь крупного человека упорно летела на свет, исходящий от костра. Теплыми потоками разогретого воздуха ее относило на несколько метров ввысь, пока бабочка не сливалась с ярким звездным небом, давая редкие отблески от своих крыльев. Бабочку было жалко. Казалось, что после очередного полета в турбулентном потоке, она уgomонится и полетит лакомиться нектаром ночных цветов, но природа брала свое, раз за разом бабочка как зачарованная летела на манящий огонь, пока дуновением горного ветра ее не занесло в самое пекло костра, и жизнь бабочки не закончилась последней яркой вспышкой...

Спать под открытым небом было непривычно. За несколько месяцев пребывания в пещере, Асоев отвык от открытых пространств - свет звезд казался слишком ярким, «детский» крик шакалов, вой волков, «уханье» низко пролетающих ночных птиц, стали вызывать после освобождения какой - то животный страх. Свернувшись калачиком внутри чапана, словно в скорлупе, Асоев как - бы отгораживался от Всего Мира, вдобавок, в первое время при ночлеге на природе, приходилось глаза и уши прикрывать рукавом - и, хотя, «защитой» этот ритуал был ненадежной, он позволял забыться ночным сном - тревожным и поверхностным.

Под термином «народ» принято понимать общность людей, проживающих на одной территории, говорящих на одном языке и придерживающихся определенных культурных ценностей. В этом разрезе таджики, живущие в высокогорье Памира, явно внешне отличающиеся от таджиков других территорий, говорящие на различных языках, имеющих существенное отличие от таджикского и называющие себя «помирон» - люди Памира, не укладываются в прокрустово ложе национальной идентичности. Этот народ устоял перед неимоверным количеством нашествий, религиозных войн и попыток ассимиляции.

Когда-то мулла поучал Асоева: «Если надумаешь жениться, бери в жены девушку своей национальности – не пожалеешь, если деваться некуда, можно жениться и на русской. Если же ты надумаешь жениться на еврейке, помни, что десять поколений твоих потомков от этого брака будут прокляты. А если, упаси тебя от этого Аллах, ты женишься на азербайджанке, или, пуще этого, на памирке, то все поколения от этого брака будут прокляты до конца веков – они, в отличие от нас, суннитов, мусульмане шиитского толка, а значит - вероотступники, да к тому же, памирцы - исмаилиты, т.е. изгои в своем шиитском анклавe, и не отказались от огнепоклонства - зороастризма, своей прежней религии! Они совершают намаз не как мы, пять раз в день, а только – два, и в попрание всех канонов, допускают на молитву женщин!!! У памирцев при каждом селении есть специальная ниша, где день и ночь горит ритуальный

огонь огнепоклонников, они пьют вино, не держат уразу в священный месяц Рамадан, тьфу на них, разве это мусульмане? Они кафиры, неверные! Упаси тебя Аллах от общения с ними, тем более от женитьбы на их безбожной дочери!»

Памирцы народ гордый и красивый. Низинные таджики пришли на территорию своего нынешнего проживания около трех с половиной тысяч лет назад с арийскими племенами. До этого времени обширную территорию от Индии – до Кавказа (1) занимало высокоразвитое племя (2) чернокожих дравидов, которым крупно не повезло, так как скифы применили досель неведомые дравидам боевые колесницы и свели на «нет» их попытки сопротивляться. По всей видимости, осевшие арийцы частично смешались с дравидскими женщинами, отчего остался след в виде слегка - темноватого оттенка кожи. Памирцы и родственные им племена, проживающие на территории Афганистана, Пакистана, Китая и Индии, и говорящие на родственных языках, относящихся к восточной группе иранских языков, в отличие от таджиков, говорящих на иранской ветви индо-иранских языков, также потомки древних ариев. С учетом того, что памирцы говорят на пяти основных, относящихся к одной группе, но различающихся языках (язык памирцев из кишлака с северной стороны горы может отличаться от языка, на котором говорят соседи с южной стороны этой же горы), существует мнение (3), что они потомки разных племен, входивших в содружество саков (так по мнению Геродота персы называли скифов), оставшихся в горах после нескольких индоевропейских миграций и осевших на этих территориях ещё до прихода дравидов. В результате получились изолированные этнические группы (рушанцы, шугнанцы, ваханцы, ишкашимцы, и еще несколько относительно небольших этносов), как сказали бы немцы, нордического типа – белокожие с европейскими лицами, часто встречающиеся среди горцев голубоглазые, зеленоглазые, и рыжеволосые.

В 1977г. в Таримской низменности китайской пустыни Такла - Макан, что в переводе означает «пойдешь и не вернешься», путниками были замечены торчащие из песка вёсла. В ходе раскопок обнаружены хорошо сохранившиеся (намного лучше, чем египетские) мумии, датируемые от XVIII в.д.н.э. — до II в.н.э. К удивлению ученых, большинство мумий были с рыжими и светлыми волосами. Тонкие носы и широкие глазницы выдавали их арийское происхождение. Большинство ученых соотносят эти мумии с тохарами. Учитывая, что пустыня раскинулась у подножья Памира, тохарский язык относят к индоевропейской языковой группе, считают родственным итало-кельтским (для примера, счет по-памирски – он, дуо, трес, по-итальянски – uno, due, tre, по-таджикски –як, ду, се), в связи с чем, на ум приходят мысли о родстве этого народа с современными памирцами, и чуть в меньшей мере – с низинными таджиками (к слову сказать, и с русскими), что подтверждается и

генетическими исследованиями, выявившими у всех названных народов (4; 5; 6; 7) преобладание гаплогруппы R1a1.

Памир – это кладовая полезных ископаемых (Марко Поло, посетивший его в XIII веке, отмечал, что здесь добывали золото, серебро, лазурь, рубины и ляпис), в связи с чем памирцев пытались «приручить» завоеватели разных национальностей и вероисповеданий (сасаниды, турки, китайцы, монголы, тимуриды и др.). Здесь были буддийские паломники, которые строили пагоды, здесь были арабы, которые настойчиво предлагали встать под зеленые знамена ислама. Арабы на протяжении VII - XVII веков неоднократно вторгались на территорию Средней Азии с целью исламизации населения. Все буддистские храмы были разрушены, мечом и огнем, вытравливалась память среди низинных таджиков о зороастризме. Для укрощения строптивых территорий, организовывались поселения арабов, состоящие только из мужчин, преимущественно воинов. Каждый воин брал в жены местных девушек, от брака с которыми рождались дети, которые воспитывались в мусульманских традициях. От того периода на территории Средней Азии остались населенные пункты с названиями «Араб-кишлак – Арабский поселок», «Араб-хона – Арабский дом» (8), но все это осуществить в условиях высокогорья, арабам не удалось. Горцы не перечили, но согласия не давали, а при особой настойчивости завоевателей, уходили в свое естественное убежище - в высокогорье, где с непривычки не каждая собака могла выдержать больше трех дней пребывания. Вести с памирцами войну в их родных горах, могло прийти на ум только потерявшему разум! Памирцы продолжали исповедовать, пожалуй, самую древнюю монотеистическую религию на Земле - зороастризм. Учитывая, что возникновение зороастризма относят к X веку до нашей эры, эта религия «пропитала» памирцев до глубины их костей. Тем не менее, когда, скрываясь от преследования, на Памир в XI веке уже нашей эры бежал персидский поэт, философ и религиозный деятель Насир Хосров, по всей видимости, обладавший неимоверной харизмой, памирский народ с большим энтузиазмом поддался на его проповеди и в массовом порядке принял мусульманство исмаилитского толка - самое загадочное и мистическое течение мусульманства и самую веротерпимую ветвь ислама, отрицающую насильственную исламизацию и вовлекающую в свой анклав только добровольно примкнувших.

Принимая ислам, памирцы остались себе верны, и сохранили в исмаилизме элементы зороастризма, что отразилось на особенностях ритуалов и быта. Исмаилизм заметно отличает памирцев от соседей-суннитов. Им не надо держать пост в священный месяц Рамадан, их женщины не носят паранджу и молятся вместе с мужчинами, и не пять, а два раза в сутки, и самое главное, им не возбраняется пить вино. Исмаилиты не практикуют совершение хаджа, что есть необходимость для каждого правоверного мусульманина. Согласно исмаилитским догмам, Исмаил, который должен был стать 7 имамом

(верховный правитель шиитов), не получил этот наследственный титул от своего отца и вскоре был отравлен, однако, он не умер, а по воле Аллаха перешёл в невидимое, скрытое состояние. Спящий имам ожидает окончательного падения жизненных устоев – «конца веков» (по мнению исмаилитов, все предсказанные негативные признаки для «Судного Дня» уже наступили). В конце этой эпохи мессия под именем Махди выйдет из забвения и вместе с Исой ибн Марьям (Иса сын Марьям - Иисус) после Судного Дня примет участие в воскрешении правоверных, принесет мир и правосудие. В связи с такой важной предстоящей ролью Иисуса Христа и лояльностью исмаилизма, отношение к христианству в целом довольно тёплое.

-
1. <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000231/st032.shtml>
 2. <http://history.limarevvn.ru/dravid.htm>
 - 3, 4, 5. <https://prong777.livejournal.com/230184.html>
 6. <https://andy-sinclair.livejournal.com/286067.html>
 7. https://pikabu.ru/story/genetika_russkikh_5636798
 8. araby-tadzhikistana.html

Часть 9. Че-ло-век!

Асоев где пешком, а где и на попутных машинах добрался до горного селения. Слава Аллаху, что мир не без добрых людей - он просился на постой в первый попавшийся дом, его принимали, выслушивали, кормили, давали ночлег, на утро собирали нехитрую снедь в дорогу, и не брали за это ни копейки.

Лекарь, посмотрев на изможденный вид Асоева, согласился пролечить его, но поставил условие – живет он при лекаре, ест только то, что даст ему лекарь, выполняет домашнюю работу и все инструкции. Асоеву деваться было некуда, поэтому он согласился на предложение. В течение трех месяцев лекарь, звавший Асоева «Лоша»- худоба по - памирски, буквально истязал его работой – преодолевая боль, Асоев пахал примитивным плугом, запряженным мулом, работал в стойле, добывал глину и мазал ею стены жилища. Лекарь целыми днями занимался своими лекарскими делами, принимал больных, оказывал им помощь, а Асоев был на хозяйстве, выполняя ему привычную работу сельского быта. Пища состояла из шурпы, с какими - то кореньями, и вываренных костей крупного рогатого скота. Лекарь тщательно следил, чтобы Асоев обгладывал каждую кость и пережевывал жилы. Перед сном он обкладывал больной сустав распаренными семенами клевера, и перебинтовывал руку, отчего по уставшему телу разливалось приятное тепло и боль отступала.

Асоев набирался сил, он уже не был похож на приведение, к тому же, после показанных лекарем упражнений, которым посвящалось всё свободное время, Асоев с каждым днем повышал отметину в дверном проеме, на которую мог безболезненно поднять левую руку.

Ощущение, что здоровье идет на поправку, придавало сил и уверенности, он стал подумывать, что не зря попросил у фисташковой могилы здоровья и благополучия. Остатками перенесенного критического состояния были сны с частыми пробуждениями и кошмары, в которых Асоев непременно принимал участие в качестве медведя – он двигался как медведь, думал как медведь, как медведь дрался, и, даже, страх и паника у него были медвежьими. Практически каждую ночь в снах его гнала стая волков. Обычно от стаи отделялась пара особей, которая своими «железными» челюстями пыталась повредить задние лапы, чтобы медведь потерял равновесие, и, когда это происходило, вся стая нападала, лязгая зубами и впиваясь в его тело! Особо доставалось больной руке, вернее - лапе. После таких снов портилось настроение, Асоев ходил угрюмым, как в воду опущенным, на что лекарь обращал свое внимание и старался дополнительно Асоева загрузить работой. С какого-то времени лекарь стал брать его в горы для поиска лечебных трав и кореньев. Изредка вдвоем выходили на охоту на архаров и сурков со старым охотничьим ружьем с кремниевым бойком, которое заряжалось с дула порохом и крупной самодельной дробью. Лекарь тщательно паковал ружье в рогожу и с любовью называл его по-киргизски «карамультук»- черный ствол. Ружье досталось лекарю от деда, который в бою отбил его у киргизов. Собранные растения тщательно сортировались и сушились в тени. От сурков использовался жир, который шел основой для приготовления всевозможных мазей. Асоев был уже в состоянии подниматься высоко в горы для сбора горной смолы - мумиё, незаменимого средства для лечения переломов и многих других болезней.

Однажды лекарь разбудил его ранним утром, вручил несколько хурджинов (тканая восточная сумка) и бурдюков (емкость на 8-10 литров из шкуры барана), и, не объясняя причины, велел загрузить их на трёх хозяйственных осликов и идти за ним. Через несколько часов спуска по ущелью, когда суровый горный ландшафт сменился, радующей глаз природой предгорий, они оказались в долине, окаймленной со всех сторон горами. На сколько простирался глаз, Асоев видел разноцветную палитру, которую определяли цветы, срок цветения которых в горах зависел от высоты расположения над долиной. Отцветая синим ковром у подножья гор, через двое - трое суток колокольчики распускались уровнем повыше, чтобы спустя пару дней уступить место алым макам. А те, в свою очередь, поддавались напору цветения неимоверного количества других горных цветов, которые конвейером сменяли друг друга на протяжении всего лета. Спустившись с гор, можно было перейти в другую климатическую зону, а, сместившись с западной

стороны горного кряжа на южный, попасть в третью. Этим в свое время воспользовались ученые, которые обосновали Хорогский ботанический сад, используя разные климатические зоны. Уникальные условия позволили выращивать растения фактически с любой точки нашей планеты. Лекарь целенаправленно вел к какому-то, ему одному, ведомому месту. О том, что они подошли к конечной цели своего похода, Асоев понял по невесть откуда возникшему гулу. Вначале этот нарастающий гул вызвал ощущение чего то таинственного и слегка тревожного, ибо его происхождение в горах было ничем не объяснимо, а лекарь по этому поводу загадочно помалкивал. По мере продвижения, шум усилился, параллельно с ним усилилось и ощущение тревоги. Причина гула стала ясна, когда путники подошли поближе. Выглянув осторожно из-за скалы, и поманив Асоева, лекарь молча показал рукой на вертикальную стену горы, которая была вся испещрена отверстиями разной величины. К большому удивлению, не видно было ни одной гнездящейся птицы, которые с охотой осваивали такие разломы. Приглядевшись внимательнее, Асоев заметил, что почти из каждого отверстия довольно дружным потоком вылетают горные пчелы. Гул от множества семей, многократно усиленный горным эхом, создавал шумовую какофонию, которая, отражаясь от гор, была слышна на довольно большом расстоянии. Лекарь с расстояния двадцати - тридцати шагов выбрал семью, которая по его мнению готовилась к роению, а через расщелину внутрь гнезда мог бы протиснуться взрослый человек, дал наставления и приказал Асоеву для лечебных целей вырезать все содержимое, разложить по поклаже и вынести наружу. На голову Асоева был примерен один хурджин с отверстиями для глаз, при этом торс было приказано оголить и обмазать листьями Melissa. Как только Асоев осознал, что придется за пчелами лезть в пещеру, ноги стали ватными, затихшее вроде ощущение тревоги вновь возникло где-то в груди под ложечкой и мгновенно переросло во всеобъемлющую панику, от которой стало трясти все тело. Нет, укуса пчел он не боялся, он испытывал страх вновь оказаться в пещере - аналоге берлоги, в которой провел по воле судьбы не один месяц! Обратив внимание на его бледный вид и дрожащие конечности, лекарь, достаточно жестко, голосом, не терпящим возражений, произнес - «В тот день, когда ты, убитый горем и раздавленный сложившейся ситуацией, появился на пороге моего дома, я у тебя в глазах чертей заметил. Не знаю почему, но я поверил в тебя, и надеялся, что ты разобрался с ними, поэтому сегодня - «проверка на вшивость», выясним, стал ты вновь человеком, или же остался в душе хирсом. Давай, иди, и не раздумывай! Иначе я прекращаю лечение и больше знать тебя не желаю!» После таких слов, Асоев, наверное, и со смертного одра поднялся бы, поэтому, отбросив все сомнения, он, надев хурджин на голову, ринулся в проем пещеры. Уже при подходе к зияющему отверстию, Асоев ощутил на теле первые укусы, но посыл лекаря был такой мощный, что он как в трансе рвался вперед, практически не ощущая боли, а в

голове упорно звучала одна мысль: «Я - че-ло-век, я - че-ло-век ...!». Протиснувшись в пещеру, он, помня инструкции, прильнул к земле и медленно без резких движений пополз, пока не уперся в стену. Здесь ему удалось развернуться и осмотреться. Пещера оказалась небольшой - приблизительно диаметром два метра на три метра высоты. С потолка вертикальными слоями вниз опускались соты, которые в центре почти касались пола пещеры. Соты были медовыми и густо усажены пчелами, которые очень неодобрительно посматривали на Асоева и при каждом резком движении срывались серой тучкой, чтобы ужалить неприятеля. Асоев, взяв бурдюк, надел его как чулок снизу на крайний сот вместе с пчелами, и обрезал его по мере заполнения бурдюка, а затем, стряхивая постоянно жаливших руки и тело пчел, повторил это с оставшейся частью сота. Подобным образом он стал срезать и паковать соты с обеих сторон гнезда, пока не остался единственный центральный сот, который по рекомендации лекаря Асоев оставил «для продолжения рода пчелиной семьи». Помимо медовых сот с пчелами, после того как большая часть гнезда была упакована, был собран весь прополис, и, даже подмор, скопившийся на дне пещеры. Соты вместе с пчелами и расплодом в последующем были отжаты в старинном деревянном прессе. Лекарь, явно довольный результатами похода, снимал одно за другим, оставленные пчелами жала (он ими был утыкан как ёжик) и весело подшучивал: «Пчелы знают кого кусать, и где кусать. Я человек здоровый, поэтому меня, как видишь, ни одна не тронула (при этих словах он заулыбался, так как отсутствие укусов на таком большом расстоянии от гнезд, было итак понятно), а тебе - любой укус на пользу, поэтому прими это как должное!». Все обнаруженные в расплоде маточки, полные маточного молочка, лекарь приказал Асоеву разжевывать, но не проглатывать, а держать во рту и рассасывать. Асоев было спросил - халяльная ли эта пища, - на что лекарь пристально на него посмотрел, и напомнил о договоре, который был заключен между ними в самом начале лечения.

Лекарь быстро разжег костер, благо в низине кислородное голодание было почти незаметно. Огонь горел споро, без хлопот, которые он доставлял высоко в горах (на высоте самого высокогорного поселка на Памире, Мургаба - 3600 метров над уровнем моря - костер плохо разгорается, а вода закипает при температуре ниже 90 градусов Цельсия, поэтому сварить в этих условиях яйцо - большая проблема). Несмотря на некоторое улучшение самочувствия, Асоев чувствовал себя скверно - распухло все тело, он был словно запущенный в небо шар из наполненного горячим воздухом коровьего мочевого пузыря - весь дрожащий, неповоротливый и нелепый, к тому же, вскоре начался жар. Лекарь перепеленал его как в саван в холщевую ткань, связал двух ослов своей слегой и слегой Асоева и привязал его как в кокон между двумя ишаками. Асоев находился в какой - то прострации, ему мерещились голоса, сквозь щель в кокон, он увидел медведицу, которая уныло брела рядом с караваном. На

пригорке во главе с матерым вожаком, на этот раз мирно стояла ста волков и наблюдала за процессией. Асоев уловил мысль, что страха к медведице и волкам он никакого не испытывает, и, даже попытался отогнать их, чему, однако, помешали спеленатые руки. Покачав головой, лекарь влил ему в рот дурно пахнущую жгучую жидкость. В полубреду Асоев подумал, что это, наверное, арак (самогон), но разлившееся тепло по всему телу и последующий сон не позволили додумать эту тему. Последнее, что запомнил Асоев из обратного путешествия - это как медведица, как бы прощаясь, посмотрела в его сторону и свернула на уходящую в никуда горную тропинку...

Проснулся Асоев другим человеком - полным сил и планов на будущее. Кошмары прекратились, более того, он как в детстве засыпал, закрыв глаза, и просыпаясь, не в состоянии был вспомнить ни одного увиденного сна. С этого времени лекарь стал привлекать Асоева для участия в лечебных мероприятиях - удерживать пациента при вправлении вывиха, исправлении неправильно сросшихся костей конечностей. Лекарь приглядывался к Асоеву, а однажды предложил собрать разбитый глиняный горшок в мешке, не засовывая внутрь мешка рук. Результат работы Асоева был оценен, и лекарь стал обучать его премудростям вправления вывихов и лечения переломов. В связи с тем, что в горах травма при падении - это привычное дело, без работы они не сидели. И только процедура отбора пациентов была Асоеву непонятна. Бобо Али, так звали лекаря, объяснял, что это понимание приходит с опытом - «посмотрев человеку в глаза, я вижу, что его душа полна демонов, такому никакое лечение не поможет, пока он не вылечит душу!».

Иногда лекарь отправлялся в путь по близлежащим кишлакам, чтобы навестить пациентов. Асоев в качестве помощник стал сопровождать лекаря. Его удивляло, что люди из рядом расположенных кишлаков, говорят на совершенно разных языках, поневоле пришлось стать полиглотом, благо, Асоеву всегда легко давались языки.

Памирские дома до глубины души поразили Асоева - они представляли собой огромную многоярусную комнату, в которой отсутствовали привычные окна. Свет проникал в жилище из мансардного окна, находящегося в центре четырехъярусного потолка, держащегося на пяти резных деревянных столбах - колоннах. Хозяин пояснил, что его предки, на протяжении почти трех тысяч лет исповедовали зороастризм, который подразумевал поклонение не только огню, но и солнцу, поэтому в каждом жилище памирца для встречи первого и прощанием с последним лучом обязательно есть такое окно. О пяти обязательных столбах в жилище, многоярусности настилов и многосводчатости потолка говорить он отказался, сославшись на то, что знать об этом может только посвященный, принявший исмаилизм.

В доме лекаря поражала идеальная чистота, за которой следила жена и приехавшая на каникулы дочь с красивым арабским именем Сабрина. Асоев, в первый раз увидев дочь лекаря, от неожиданности оторопел, ибо внешность у

нее была чисто русская - белокожая, зеленоглазая и с рыжинкой в волосах. Сабрина была просто красавицей, за исключением, может быть веснушек, разбросанных по всему лицу. Заметив на себе пристальный взгляд Асоева, Сабрина засмушалась, покраснелась и быстро выскочила из комнаты. «Радость моя»- признался лекарь, и продолжил,- «на третьем курсе педагогического училища!». «Вы, что, были женаты на русской?» - спросил Асоев, на что тот улыбнулся и с гордостью сообщил, что они, памирцы, испокон веков светловолосые и белокожие и только в последнее время вынужденные браки с соседями, меняют облик памирцев, делая их похожими на низинных таджиков. Моя же дочь пошла в моих предков, воинов Искандера Великого, но не в нынешних греков, которые внешне от турков ничем не отличаются, а в их предков до османского завоевания – светловолосых и голубоглазых. Помня наставление муллы, Асоев старался отводить взгляд от Сабрины, когда та мела двор, либо помогала матери в приготовлении пищи, но мужское начало еще молодого человека брало верх и уже через пару дней, перекинувшись с ней только парой фраз, он понял, что как мальчишка по уши влюбился. После более длительной беседы, в которой девушка проявила себя на редкость начитанной, образованной, умеющей вести беседу на любую, затронутую тему, Асоев понял, что они как две половины разломанного яблока подходят друг другу. Это ощущение усилилось после того, как Асоев рассказал ей свою грустную историю и увидел в ее глазах сострадание.

Мысли о детях, бывшей жене, о наваждении, которое вызвала Сабрина, роем вертелись в его голове. Полная неустроенность - это надо признать, он голодранец, да еще не полностью восстановившийся инвалид, вызывали у него большие сомнения в правильности мыслей о девушке, да и как пригласить в дом молодую жену, если он ни профессии, ни работы не имеет! С этой думкой Асоев решил обратиться к единственному человеку, которого за короткое время полюбил как отца и уважал как мудрого человека - «Будь, что будет, если прогонит, уйду, но выхода у меня нет, я должен признаться отцу Сабрины!». Лекарь выслушал его исповедь, с грустью улыбнулся и сказал: «Ты думаешь, я не догадывался о твоих чувствах, грош мне была бы цена как отцу. Жених ты, конечно «завидный», слов нет, но беда в том, что между тобой и дочкой, как мне кажется, пробежала искорка, поэтому я должен переговорить с ней до ее отъезда на учебу, и только после семейного совета смогу дать тебе ответ! А, пока, отцовский долг требует взять с тебя слово, что будешь держаться от дочери подальше. Асоев сам напросился на работу на дальнюю кашару, где ожидал семейного вердикта. В отличие от таджиков, в памирских семьях женщина была мужу равной, поэтому и семейный совет представлял собой не единоличное решение хозяина, а основывался еще на доверительных отношениях с женой и дочкой, которые могли иметь в таких вопросах главенствующее значение. По истечении трех дней, Асоева пригласили в дом, где лекарь объявил, что Сабрина уехала на учебу. При этих словах внутри у

Асоева что-то оборвалось - «значит, отказали!», но увидев его лицо, лекарь сказал: «Не торопись с выводами - моей дочери ты тоже понравился, и это, в основном, ее решение. Я хочу сказать, что она готова выйти за тебя замуж, но у меня, как у отца есть два условия - Сабрина должна доучиться и получить профессию, а в связи с тем, что рука уже фактически излечена, ты должен устроиться на работу - негоже мужику жить за счет жены! Всевышний мне сына не дал, а тебя я полюбил как сына, и готов передать тебе все знания, которые передавались в нашей семье из поколения в поколение по мужской линии, но выбор за тобой!».

Давно забытое ощущение счастья распирало Асоева, он посчитал условия разумными, поинтересовался, сколько у него времени, и попросил разрешения поехать домой, чтобы попытаться восстановить свое честное имя и решить вопрос с детьми. Лекарь отпустил Асоева только через месяц, пока не убедился, что в лечении он больше не нуждается. За лечение лекарь не только не взял, припасенные Асоевым деньги (то, что смогли собрать родственники), но дал денег на проезд, и подъемные, поэтому Асоев обратный путь проделал с относительным комфортом - на рейсовых «ПАЗиках». И вот теперь он снова дома, полностью здоровый, полный надежд и энергии. Ему не хватает начального толчка, поддержки, поэтому у него есть просьба к раису и муаллиму (учитель, уважительное обращение - тадж.), если есть такая возможность, помочь ему устроиться на какую угодно работу, чтобы попытаться встать на ноги, обустроить семью и восстановить свое доброе имя.

Калитка тихо скрипнула за уходящим Асоевым, его сгорбленная фигура еще была видна сквозь начавший рассеиваться сумрак ночи, но утренний туман вскоре заволок удаляющегося человека, смазав в конечном итоге его очертания. В соседнем дворе лениво загавкала собака, в плетеной из ивовых прутьев клетке зацокал кем-то напуганный кеклик (каменная куропатка), с близлежащей яблони сорвалась и тяжело полетела в небытие какая-то огромных размеров птица - в Новабаде начинался новый день, день который сулил кому-то - радость, кому-то - горе, а кому-то - обыденность. Отец долго еще стоял, положив мне руку на плечо. В чертах его лица сквозь рассеивающиеся сумерки было видно, что он о чем-то размышляет. Наконец отец тяжело вздохнул и чуть слышно сказал: «Жаль мужика, хотелось бы чем-то помочь, иначе затопчут его, бедолагу. К сожалению, чего уж греха таить, в кишлаках слабость не прощают!».

После бессонной ночи, слегка позавтракав, отец «оседлал» своего «боевого коня» - автомобиль марки «Москвич 407» - в тот период чуть ли не единственная собственная легковая машина в Гармском районе и поехал в районный центр. Переговорив в районном отделе здравоохранения и получив все ему необходимые сведения, наутро следующего дня отец вызвал через начальника отдела кадров Асоева к себе в кабинет и объявил, что его принимают на работу, на вакантную ставку санитаря, которую удалось

«пробить» в райздраве с перспективой (с учетом его десятилетки) обучиться на медицинского брата «на рабочем месте».

Я еще несколько раз бывал в Новабаде, где нас с отцом радушно принимал Асоев, который через несколько лет сам стал «раисом»- главным медбратом лечебного учреждения. Он подговаривал директора вечно пустой гостиницы, тот на синем глазу сообщал, что свободных мест нет, а Асоев, зная свое дело, тянул нас к себе домой, где выделял лучшую комнату. Молодая и улыбчивая супруга (Асоев женился на Сабрине сразу, как только получил специальность медбрата) сноровисто накрывала дастархан, и между делом, зная наше с отцом пристрастие к лепешкам, разжигала тандыр, а Асоев готовил изумительный по вкусу «белый» плов. В окружении детей, как от первого, так и от второго брака, которые стайкой крутились возле него, Асоев выглядел счастливым, ни следа не осталось от зачуханного и почти сломленного судьбой «Хирса» и «Лоша». Пропала сгорбленность, появилась осанистая походка, он создавал впечатление умиротворенного жизнью человека.

К сожалению много лет контакта с жителями милого моему сердцу городка не поддерживал. Недавно узнал, что на территории Новабада больницы больше нет, видимо, в лихие времена ее закрыли, но остались добрые люди, искренние человеческие отношения, которые, надеюсь, выстоят несмотря ни на какие удары судьбы.

Остался ли Асоев в городке, либо перебрался в горы к тестю и теперь уже новый «табиб Даниер» оказывает помощь нуждающимся – для меня остается загадкой. Хочется верить, что, как это ни странно будет звучать, ВЕЗУНЧИКУ Асоеву, повезло в очередной раз!

Р.с. Да, кстати, о корове, она вернулась спустя три дня после побега- грязная, исхудавшая, но целая и невредимая. Решив не искушать судьбу, её зарезали при первом удобном случае, которым оказалось свадебное торжество в доме агронома...!

Бойся тут!

Не смотрите в окна

Как-то раз я зависал ночью за компом, который стоял около окна. Так вот, сидел спокойно, листал ленту новостей, а часы показывали примерно 0:30. В этот день была обычная тихая ночь. Лишь иногда раздавался шум колес от проезжающих машин по пустынной улице. Эта тишина ночного города длилась недолго, ведь минуты через три раздалась вопли пьяных дебоширов. Это очень сильно меня взбесило на самом деле, из-за чего я выглянул в окно, чтобы посмотреть, что там происходит. К моему удивлению снаружи никого не было, а крики пьяного быдла резко прекратились, как только решил выглянуть на улицу.

Тут моё внимание привлекли какие-то действия в доме на против. Я жил на пятом этаже, а сцена происходящего была на 4-ом, поэтому я чётко видел, что там происходит. Спинай к окну стояла девушка. Стояла неподвижно, как статуя. Одета она была в белую ночнушку, волосы у неё были чёрные и опускались примерно до поясицы. Напротив, этой особы, лицом к ней, стоял полный мужчина в белой майке. Лица не разглядел. Судя по жестикюляции, он что-то ей объяснял, от чего я пришёл к выводу, что у них какой-то скандал, мол, муж провинился и поэтому оправдывается. Как раз именно после этой мысли женщина резко обернулась и уставилась на моё окно. Я едва успел скрыться за шторой. Свет ночника у меня горел, поэтому она могла меня заметить.

Я аккуратно выглянул так, чтобы она меня не увидела, с целью оценить обстановку. К моему удивлению девушка по-прежнему стояла на том же месте и смотрела на моё окно. Примерно через 30 секунд мужчина резко обернулся и пулей вылетел из комнаты. Что же вы думаете? Она побежала за ним. Пользуясь моментом я выключил ночник, поставил компьютер в режим «спать» и снова подошёл к окну. Меня раздирало любопытство - интересно же, что у них там происходит. Через мгновение я увидел движение в соседнем окне. Походу эта была кухня. Мужчина схватил нож, от чего я был в шоке. Он подбежал к женщине и нанёс ей удар ножом в область шеи. Мне стало на столько не по себе от этого, ведь я стал свидетелем убийства, от чего меня начали терзать мысли, - Как так? Неужели он убил её?! Да ну нафиг?!

Я тут же взял мобильник, который лежал рядом с компьютером, трясущимися руками и, прикрывая свет дисплея, начал набирать 112, а в это время мужчина уже стоял у окна своей кухни и дрожащей окровавленной рукой держал горящую сигарету, но то, что произошло дальше, повергло меня в шок. Девушка, в которую он всадил нож, подошла к нему сзади, с торчащим орудием убийства из её шеи, схватила его руками за голову и резким движением хрупких, на первый взгляд, рук свернула ему шею. От происходящего я уронил телефон на пол. Затем девушка взяла одной рукой бездыханное тело за ногу и

Бойся тут! «Не смотрите в окна»

скрылась из виду с кухни, утащив мужчину за собой. От увиденного в моей голове творился полный кавардак. - Звонить в полицию? Сказать, что мужик убил девушку, а она не умерла с ножом в шее, а встала и подошла к нему со спины, а затем свернула ему шею? - Я наклонился и поднял телефон.

Когда я снова обратил внимания на окна той квартиры, девушка стояла у окна в комнате, в которой начиналась погоня. Она стояла неподвижно и смотрела мне в глаза, словно видит меня. Напомню, что я выключил ночник. Простояли мы так с ней как статуи около пяти минут. Затем она показала указательным пальцем на меня, а потом провела им по шее. Этот жест убийцы и её зловещая улыбка заставили пойти мурашки по моей коже! После этого она взяла телефон и начала по нему звонить. Как вы думаете, что со мной произошло, когда у меня завибрировал мобильник, который я держал в руке? На дисплее высветился «неизвестный номер». Я, конечно, испугался брать трубку. Спустя некоторое время звук мобильного стих, и женщина повернулась спиной к окну и ринулась бежать из комнаты. Через минуту раздался звонок в дверь. Мне стало настолько страшно, от чего я боялся издать даже шорох. И всё же тихо и медленно, стараясь не шуметь, я пошёл к входной двери. Когда я выглянул в глазок, то сердце ушло в пятки. Там на лестничной площадке стояла та самая женщина, с чёрными волосами, в белой ночнушке, с ножом в шее.

Она стояла неподвижно, только лишь голова постоянно меняла положение, наклоняясь то вправо, то влево, как у куклы, а глаза пристально смотрели в глазок, от чего вновь создавалось впечатление, что она меня видит. Её глазные яблоки... Это ужас! Они были полностью чёрными. Эта женщина периодически дёргала ручку входной двери, нажимала на звонок и просто стучала. Каждое её действие выбрасывало адреналин в мою кровь, заставляя моё сердце бешено колотиться. Я стоял у двери, наблюдая за ней. Всё моё тело от страха судорожно трясло... Я боялся! Боялся отойти от двери!

Простояли мы так с ней до самого утра. Когда начался рассвет, она завопила душераздирающим воплем и ринулась бежать прочь, а я, выбившись из сил, рухнул на пол. С этих самых пор я стараюсь вернуться до заката домой, ведь она следит за мною. Частенько я её вижу в доме на против, пристально наблюдающей за моими окнами, а иногда слышу ужасные крики людей на лестнице, которые возвращались поздно ночью домой. Видимо она караулила меня, а в её засаду попадали другие люди. Думаю, что скоро придёт и мой черёд встретиться с ней лицом к лицу. Что будет со мной? У меня нет ответа на этот вопрос, но теперь я знаю одно - не надо заглядывать в чужие окна, ведь там может быть смерть!

Контактная информация авторов

<i>Пучков Андрей</i>	<i>srok68@mail.ru</i>
<i>Рындина Лада</i>	<i>ryndina.lada@yandex.ru</i>
<i>Бакиев Вадим</i>	<i>vabakiev@icloud.com</i>
<i>Вячеславов Илья «Бойся тут!»</i>	<i>ivyach@mail.ru</i>
<i>Астанин Виктор</i>	<i>astanin1948@mail.ru</i>
<i>Захаров Вадим</i>	<i>zavadim@yandex.ru</i>
<i>Кучинский Олег "Ален Элаэль"</i>	<i>elael63@list.ru</i>
<i>Медкова Елена</i>	<i>elenam8@mail.ru</i>
<i>Назарова Светлана</i>	<i>svetlanapoev@mail.ru</i>
<i>Остренко Николай</i>	<i>ostrenko.nick@gmail.com</i>
<i>Еремина Наталия</i>	<i>eremina0604@mail.ru</i>
<i>Тимофеева Наталия «Лямина Наталия»</i>	<i>natalya158@bk.ru</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 20

Все права на произведения принадлежат исключительно
их авторам

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
www.перваякнига.рф